

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук
(Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук
(Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук
(Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук
(Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук
(Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Editor-in-Chief:

P. K. Dashkovskiy, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, Doctor of Historical Sciences,
academician of the Academy of Sciences
of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, Candidate of Historical Sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, Doctor of philosophical Sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, Doctor of Historical Sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, Doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, Doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, Doctor of Philosophical Sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, Doctor of Philosophical
Sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, Doctor of Philosophical
Sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, Doctor of Philosophical Sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), Candidate
of Historical Sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, Doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, Doctor of Historical Sciences, Doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, Doctor of philosophical Sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, Doctor of Historical
Sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, Candidate of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020.

Editorial office address: 656049, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova St, 66, office 312, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Захаров С. В., Марыксин Д. В.* Новая находка раннесакского боевого пояса из Восточного Казахстана 7
- Васютин С. А.* Этнокультурные процессы в Среднем Притомье в XI–XII вв. 27
- Шульга Д. П., Шульга П. И.* Некоторые вопросы истории царства Чжуншань 44
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.* К вопросу о «нестандартной» ориентировке в традициях погребальной обрядности населения Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I) 59

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Атдаев С. Дж.* Крепости туркменского племени Теке в XVIII–XIX вв. 74
- Фолиева Т. А.* Антирелигиозные фильмы и борьба с антисемитизмом в 20–30-х гг. XX в. в Советском Союзе 93
- Бахтурина А. Ю.* Эвакуированное чиновничество Царства Польского в политике Временного правительства и большевистского Совнаркома в 1917 г. 103

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Назарова Т. П., Редькина О. Ю.* Гуттерское братство в Российской империи (1770 г. — вторая половина 1870-х гг.): в поиске идеала христианской общины 116
- Пурэвсүрэн Ц.* Оценка деятельности религиозных организаций в западном регионе Монголии 129
- Дашковский П. К., Зиберт Н. С.* Деятельность незарегистрированных групп евангельских христиан-баптистов в областных центрах Западной Сибири в конце 1950-х — начале 1960-х гг. (на примере Омска) 141

- ДЛЯ АВТОРОВ** 157

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Zakharov S. V., Maryxin D. V.</i> Unearthing East Kazakhstan's Early Saka Combat Belt: A New Archaeological Discovery.....	7
<i>Vasyutin S. A.</i> Ethno-cultural processes in the Middle Tom River region in the 11th-12th centuries.....	27
<i>Shulga D. P., Shulga P. I.</i> Exploring Key Issues in the History of the Zhongshan Kingdom.....	44
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Exploring the Unconventional: Revisiting Altai Funeral Rites during the Early Scythian Era through the Karban-I Complex Materials.....	59

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Atdaev S. J.</i> Fortresses of the Turkmen Tekke Tribe in the 18th-19th centuries.....	74
<i>Folieva T. A.</i> The Role of Anti-Religious Films in Combating Anti-Semitism during the 1920s-1930s in Soviet Union.....	93
<i>Bakhturina A. Yu.</i> Analyzing the Fate of the Evacuated Bureaucracy of the Kingdom of Poland under the Provisional Government and Bolshevik Council of People's Commissars in 1917.....	103

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Nazarova T. P., Redkina O. Y.</i> The Quest for Christian Community: Exploring the Hutter Brotherhood in the Russian Empire (1770 — the Second Half of the 1870s).....	116
<i>Purevsuren Ts.</i> Exploring the Role of Religious Organizations in Western Mongolia: An Evaluation of Activities.....	129
<i>Dashkovskiy P. K., Zibert N. P.</i> Unregistered Evangelical Christian-Baptists in Western Siberia: Activities and Challenges in the 1950s-60s, with a Focus on Omsk.....	141

FOR AUTHORS	157
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.01/903.22

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-01

С. В. Захаров, Д. В. Марыксин

---

*Научно-исследовательская организация ТОО «Археологическая экспертиза»,
Алматы (Казахстан)*

НОВАЯ НАХОДКА РАННЕСАКСКОГО БОЕВОГО ПОЯСА ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Публикуются результаты археологических раскопок и материалы из кургана 3 могильника раннего железного века Объект № 6 в Восточном Казахстане. Из восточного погребения кургана 3 происходит раннесакский бронзовый поясной набор.

Обнаружение новых сакских поясных наборов позволяет развивать, трансформировать и детализировать их имеющуюся типологию. Поиск аналогий поясным бляхам-обоймам из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6 выявил серию из пяти известных нам поясных наборов, морфологически и технологически идентичных либо близких, реализованных в разных по ценности и престижности материалах (бронза, серебро, золото).

Это позволило группу X-образных поясных обоем разделить на две самостоятельные группы поясов с бляхами-обоймами: 1) пояса с непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием, с петлями и без петель (восточное погребение кургана 3 могильника Объект № 6, курган у села Пьяный Яр, погребение между селами Вавилонка и Заречное, курган 5 могильника Талды-II (все — Казахстан), курган 1 могильника Кара-Чоога 3, могила 9 кургана Чинге-Тей I (Тува, Россия) и 2) пояса с прорезными бляхами-обоймами с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием (в частности, курган 1 могильника Тасмола II, курган 2 могильника Алыпкаш, курган № 8 могильника Байке-2, погребение № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I (все — Казахстан), могила 3 кургана Чинге-Тей I (Тува, Россия).

Ряд аналогий материалам восточного погребения кургана 3 позволяет датировать время бытования непрорезных X-образных блях-обоем с фигурным контуром и уз-

ким перекрестием в целом, а также само погребение, VII–VI вв. до н. э. Нельзя исключать и более узкую дату — конец VII-начало/середина VI в. до н. э.

Ключевые слова: Восточный и Центральный Казахстан, Тува, раннесакское время, погребение, курган, могильник, наборный пояс, поясные пряжки, бляхи-обоймы, наконечник пояса, типология.

Цитирование статьи:

Захаров С. В., Марыксин Д. В. Новая находка раннесакского боевого пояса из Восточного Казахстана // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 1. С. 7–26.

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–01.

S. V. Zakharov, D. V. Maryxin

Scientific research organization "Archaeological Expertise" LLP, Almaty, Kazakhstan

A NEW FIND OF THE EARLY SAKA COMBAT BELT FROM EAST KAZAKHSTAN

The publication presents the results of archaeological excavations and materials found in burial mound 3 of Object No. 6, located in East Kazakhstan during the Early Iron Age. Among the discoveries was an Early Saxon bronze belt set, which has expanded the existing typology and provided new insights into the culture of the region. The excavation also revealed a series of five belt sets with similar morphology and technology, but made from different materials such as bronze, silver, and gold. These belt sets were classified into two independent groups based on their clip plates. The first group consists of belts with non-cut and slotted X-shaped clip plates with a curly contour and narrow crosshair, with loops and without loops. This group includes the eastern burial of mound 3 of Object No. 6, the burial mound near the village of Pyaniy Yar, burial between the villages of Vavilonka and Zarechnoye, burial mound 5 of the Taldy-II burial mound in Kazakhstan, and grave 9 of the Chinge-Tey I burial mound in Tuva, Russia. The second group includes belts with slotted clip plates with a classic X-shaped contour and an expanded ring-shaped crosshair, found in mound 1 of the Tasmola II burial ground, mound 2 of the Alypkash burial ground, mound No. 8 of the Bayke-2 burial ground, burial No. 2 in burial mound No. 4a of the Aksuat-I burial ground in Kazakhstan, and grave 3 of the Ching-Tei I funeral and memorial complex in Tuva, Russia. The presence of similar materials in the eastern burial of mound 3 allowed researchers to date the non-cut "X-shaped" clips with a curly contour and narrow crosshair, as well as the burial itself, to the VII–VI centuries BC. However, it is also possible that the date is narrower, ranging from the end of the VII to the beginning or middle of the VI century BC.

Keywords: Eastern and Central Kazakhstan, Tuva, Early Saka time, burial, burial mound, burial ground, typesetting belt, belt buckles, clip plates, belt tip, typology.

For citation:

Zakharov S. V., Maryxin D. V. A New find of the early Saka combat belt from East Kazakhstan. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 7–26.

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–01.

Захаров Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, исполнительный директор научно-исследовательской организации ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: zaharov_sv_69@mail.ru.

Марыксин Денис Валерьевич, научный сотрудник научно-исследовательской организации ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: maryxin@mail.ru.

Zakharov Sergey Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, executive director, Research Organization “Archaeological Expertise” LLP, Almaty (Kazakhstan). Contact address: zaharov_sv_69@mail.ru.

Maryxin Denis Valerievich, research associate, Research Organization “Archaeological Expertise” LLP, Almaty (Kazakhstan). Contact address: maryxin@mail.ru.

Введение

Одним из важных компонентов воинского снаряжения в раннесакскую (раннескифскую) эпоху был наборный пояс из кожи с закрепленными на нем украшениями в виде металлических блях. На определенном этапе исследования поясных наборов кочевников Азии была осуществлена их типология, в том числе раннесакских/раннескифских [Добжанский, 1990: 21].

Постепенно открываются и вводятся в научный оборот новые поясные наборы либо их фрагменты, что позволяет уточнить характеристики наборных поясов, их типологию и структуру. Отдельные исследователи вносят свои предложения по детализации либо группировке поясных наборов [Боталов, Таиров, 1996: 131; Кариев, Оралбай, 2013].

Представляется, что поскольку в количественном отношении поясов на сегодняшний день выявлено немного, представлены они разнообразными по форме и оформлению обоями, наборы которых часто имеются в единичных экземплярах, то типологию раннесакских поясных наборов с расширением круга источников и в дальнейшем будут развивать, трансформировать и детализировать. В частности, полный поясной набор, хотя и плохой сохранности, выявлен экспедицией ТОО «Археологическая экспертиза» в 2020 г. в ходе раскопок раннесакских курганов в Восточно-Казахстанской области. Его публикация и анализ позволят не только расширить источниковую базу вопроса, но и продвинуться в решении вопросов типологии и классификации наборных раннесакских поясов, а также иных вопросов раннесакской эпохи.

Материалы и методы

В июне-октябре 2020 г. археологической экспедицией ТОО «Археологическая экспертиза» проведены исследования ряда курганных могильников, курганных групп и одиночных курганов, расположенных на территории Восточно-Казахстанской обла-

сти, вдоль республиканской трассы Алматы — Усть-Каменогорск. В том числе археологические раскопки были проведены на курганном могильнике, получившем обозначение как Объект № 6, согласно отчету по итогам исследований [Научный отчет № AR-11/243–20, 2021]. Памятник располагался на 725 км республиканской трассы Алматы — Усть-Каменогорск (рис. 1), с западной стороны от дороги и в 700 м западнее гор Конурчаулы. Курганы непосредственно располагались на участке второй надпойменной террасы реки Коксу.

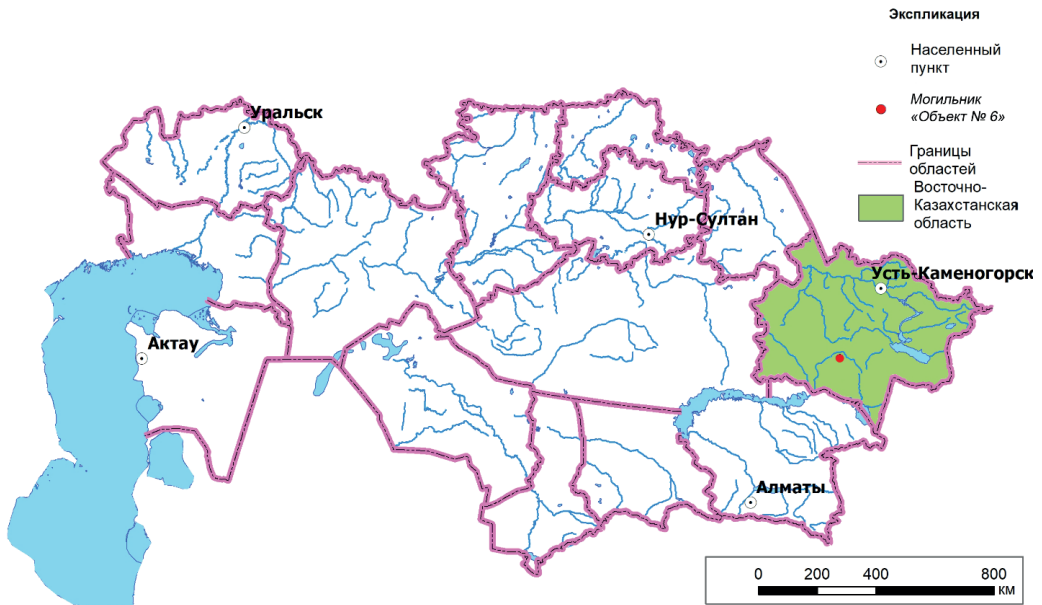

Рис. 1. Могильник Объект № 6 на карте Казахстана (чертеж О. П. Кузнецовой)

Fig. 1. Burial ground Object No. 6 on the map of Kazakhstan (drawing by O. P. Kuznetsova)

Могильник раннего железного века Объект № 6 на момент раскопок состоял из 6 курганов, расположенных полосой по линии юго-запад — северо-восток. Насыпи курганов сложены из грунта с включениями камней средней и мелкой фракций для каменных конструкций в насыпях и перекрытий погребений. Наиболее крупным в могильнике являлся самый восточный курган (курган № 6), имевший в диаметре 14 м. Все курганы могильника оказались разграбленными подчистую еще в древности, за исключением кургана № 3, в котором от грабителей уцелело одно из двух подбойных погребений, давшее интересный материал раннесакского времени.

Курган 3 (рис. 2) располагался в восточной части могильника. Диаметр кургана составлял 13 м, высота — 0,17 м. Насыпь кургана состояла из грунтовой основы, на поверхности которой фиксировался колотый камень средней и мелкой фракций, от серого до темно-коричневого оттенков. Насыпь кургана была хорошо задернована и покрыта растительностью ковыльно-полынного типа. Насыпь опоясывала каменная крепиды внешним диаметром в 10 м, высотой — 0,10–0,15 м. Ширина крепиды достигала

1,5 м. Крепида по всей окружности имеет приподнятую центральную часть и более пологую внешнюю сторону. По центру кургана находился провал шириной 90 см и глубиной до 70 см, по всей видимости, от грабительского лаза.

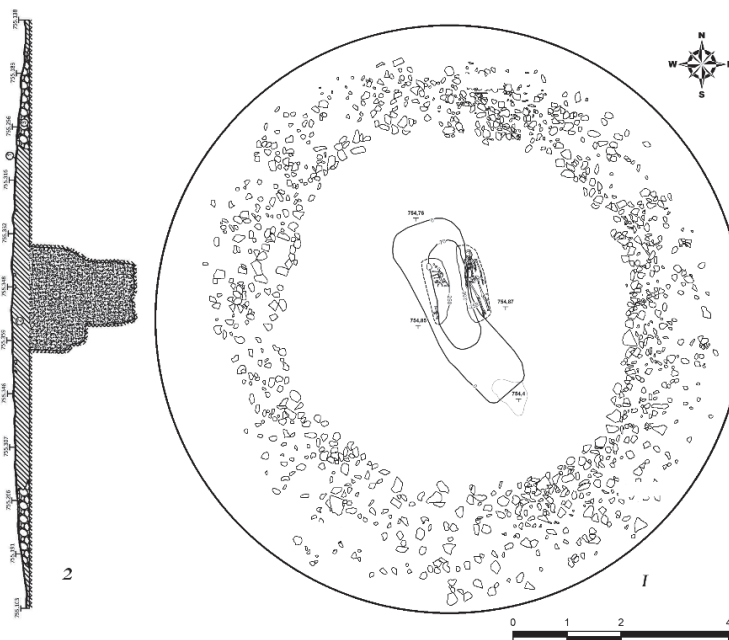

Рис. 2. План (1) и стратиграфический разрез (2) кургана 3
Fig. 2. Plan (1) and stratigraphic section (2) of mound 3

Могильная яма располагалась в центре подкурганной площадки (рис. 2.-1). На этом уровне она имела деформированные грабительским лазом вид, размеры и пропорции, с длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Контуры ямы имели неправильные подпрямоугольно-овальные очертания с изгибом в средней части и небольшим расширением в северо-западном крае. Максимальные размеры контура ямы на уровне подкурганной площадки — 3,8×1,4 м. К отметке 0,8 м от поверхности подкурганной площадки длина ямы сократилась с северо-западной и юго-восточной сторон до 2,0 м (до первоначальной), ширина ямы уменьшилась незначительно, а размер и контур могильной ямы приблизились к изначальным. Могильная яма приобрела узкую подоувальную форму с прямыми длинными сторонами. Как стало ясно после окончательной расчистки, это оказалась щелевидная входная яма двух подбойных погребений (рис. 3.-1–3).

Начиная с отметки 0,55 м от поверхности подкурганной площадки до самого дна входной ямы грунтовое заполнение входа в могильную яму перемежалось слоями скоплений камня и каменных закладов из бутового камня и небольших плит. Всего было расчищено и разобрано пять ярусов таких скоплений и закладов входа в могильную яму. Причем по мере продвижения вниз размеры камней с каждым ярусом увеличивались.

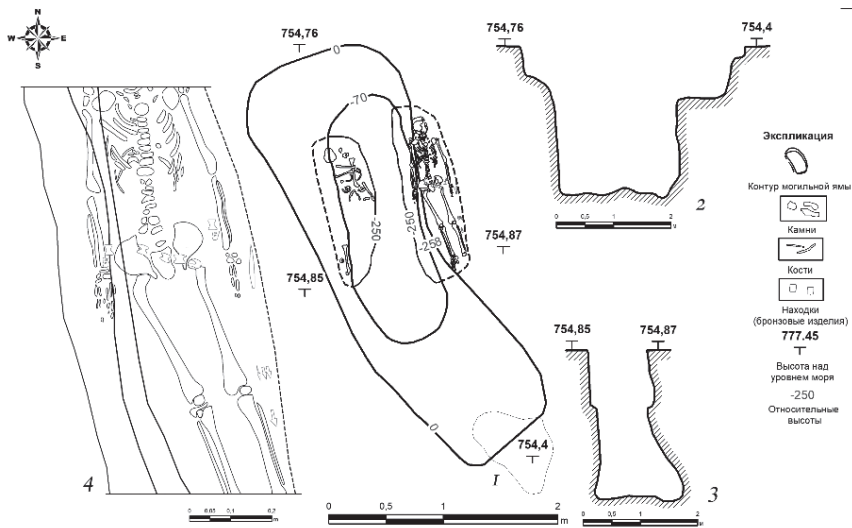

Рис. 3. Погребение в кургане 3: 1 – план могильной ямы и погребения; 2 – продольный разрез могильной ямы; 3 – поперечный разрез могильной ямы; 4 – план расположения сопроводительного инвентаря в северо-восточном подбое
 Fig. 3. Burial in the burial mound 3: 1 – plan of the grave pit and burial; 2 – longitudinal section of the grave pit; 3 – transverse section of the grave pit; 4 – plan of the location of the accompanying inventory in the north-eastern lining

В придонной части ямы, у ее западной стенки, в грунте, представлявшем собой суглесь коричневого цвета с включениями щебня, было обнаружено скопление костей и фрагментов костей человека. В западной стенке ямы, в ее придонной части, был выявлен первый, западный, подбой длиной 1,4 м по дну могильной ямы, высотой 0,4 м и глубиной до 0,40 м. В этом подбое было обнаружено скопление многочисленных костей и фрагментов костей (56 единиц) детского погребения, в том числе череп, лежащий на теменной части глазницами на запад. Кости и их фрагменты лежали в плотном скоплении, но разрозненно. Это детское погребение было полностью разграблено, сопроводительного инвентаря при нем обнаружено не было.

После разбора каменных плит самого нижнего, пятого, каменного заклада, устроенного вдоль восточной стенки ямы, в ней был открыт второй, восточный, подбой длиной 1,85 м, высотой 0,9 м и глубиной до 0,75 м. С учетом подбоев окончательные размеры могильной ямы на уровне ее дна, на отметке 2,4 м от уровня подкурганной площадки, составили 2,0×1,6 м.

В восточном подбое лежал вытянуто на спине, в направлении с юго-востока на северо-запад, головой на северо-запад, полный скелет погребенного. Череп был развернут вправо, на запад, нижней челюстью опираясь на скелет груди. Кости рук вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Фаланги пальцев правой руки вытянуты, левой руки — смещены ниже к коленному суставу и разрознены. Кости ног также залегали вытяну-

то, параллельно друг другу. Стопа правой ноги развернута во внешнюю сторону, на запад. Кости стопы левой ноги смещены норой суслика. Сохранность костей скелета в целом плохая (рис. 3).

В области костей таза погребенного, поверх и по сторонам от них, при расчистке погребения было обнаружено 8 бронзовых предметов поясного набора (рис. 3.-4), на которых (в области костей таза погребенного) остались следы органики и плохо сохранившиеся фрагменты кожаного ремня.

Металлические детали поясного набора представлены пятью одинаковыми поясными бляхами-обоймами, наконечником-обоймой и двумя одинаковыми пряжками для крепления предметов вооружения к поясу.

Все обнаруженные металлические детали набора размещались на передней, лицевой стороне пояса, были по ней распределены хотя и неравномерно, но в определенном порядке. Две бляхи-обоймы из пяти располагались строго по бокам тела, на уровне верхней $\frac{1}{4}$ тазовых костей, между тазовыми костями и костями предплечий, в том месте, где ремень пояса начинал заходить на переднюю часть туловища. Поэтому эти крайние бляхи залегали горизонтально, плашмя, лицевой стороной вверх. Позади каждой из этих пряжек, в районе боков погребенного, залегало по одной с каждой стороны пряжки для подвешивания предметов вооружения. Правая пряжка залегала на боковой грани, располагалась ниже по телу и ниже нижней линии бляхи-обоймы, между тазовой костью и эпифизом лучевой кости, ближе к запястью. Левая пряжка залегала также позади левой боковой бляхи-обоймы, но плашмя, тыльной стороной вниз. Она располагалась непосредственно у среднего отдела костей левого предплечья. Обе пряжки располагались вертикально, перпендикулярно поясу, отверстиями и перемычками для крепления ремня вверх, а наверху в виде голов грифонов с клювами — вниз.

Остальные три бляхи-обоймы залегали с небольшими разрывами между ними по одной кривой линии, через область паха, в направлении от верхней части правой тазовой кости к головке верхнего эпифиза левой бедренной кости. Эта линия из трех блях-обойм завершалась обоймой наконечника ремня, лежавшей на шейке верхнего эпифиза левой бедренной кости.

Положение металлических деталей поясного набора *in situ* позволяет точно восстановить размещение их на поясе (рис. 4), функциональное и декоративное назначение, а также в общих чертах расположение самого пояса.

В 7 см восточнее кисти левой руки погребенного был обнаружен бронзовый нож, лежащий острием на север (практически параллельно погребенному). Рядом с ним и под ним залегали фрагменты истлевшего кожаного изделия, возможно, ножен или чехла для ножа. Левее и чуть выше коленного сустава левой ноги было обнаружено скопление из трех наконечников стрел разных типов, чуть ниже коленного сустава — один черешковый наконечник стрелы (рис. 3–4). Все наконечники залегали с остатками древков и нитей (жгутов) обмотки. В области скопления наконечников также обнаружены фрагменты кожи, вероятно, колчана.

Рис. 4. Фотосхема расположения деталей поясного набора in city:

1, 4 – пряжки для подвешивания предметов вооружения; 2, 3, 5–7 – бляхи-обоймы;
8 – наконечник обойма пояса (фото С. В. Захарова)

Fig. 4. Photoscheme of the location of the details of the belt set in city: 1, 4 – buckles for hanging weapons items; 2, 3, 5–7 – clip plates; 8 – tip of the belt clip (photo by S. V. Zakharov)

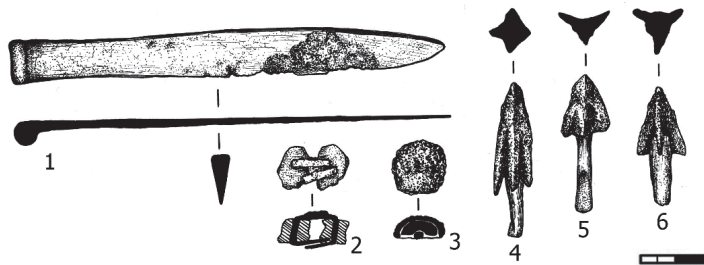

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь восточного погребения в кургане 3 могильника
Объект № 6: 1 – бронзовый нож; 2 – бронзовая заклепка с фрагментами кожи;
3 – бронзовая бляшка с фрагментом кожи; 4–6 бронзовые наконечники стрел
(прорисовка А. В. Кузьминовой)

Fig. 5. The accompanying inventory of the eastern burial in the burial mound 3 of the burial ground
Object No. 6: 1 – bronze knife; 2 – bronze rivet with fragments of leather; 3 – bronze plaque with
a fragment of leather; 4–6 bronze arrowheads (drawing by A. V. Kuzminova)

Описание сопроводительного инвентаря (рис. 5):

- бронзовый нож без упора (рис. 5.-1) размерами 124×9,8×4,2 мм. Нож имеет плоскую вытянутую форму с округлыми ребрами рукояти. Клинок ножа в сечении треугольный, в средней части лезвие повреждено окислами. Обушок клинка плоский, широкий, имеет слабый дугообразный профиль. Клинок по обуху и лезвию плавно переходит в более узкую рукоять, по толщине лишь немного превышающую клинок. Можно сказать, что толщина изделия плавно уменьшается от пятки рукояти ножа к его острию. Клинок по обушку и лезвию почти равномерно

сужается к острию. Навершие сформировано загибом с закруглением торцевой части рукояти в правую сторону, в виде вертикального валика диаметром 6 мм с правой стороны торцевой части рукояти;

- два черешковых трехлопастных наконечника стрел с короткой головкой и удлиненным черешком, с уплощением и расширением на конце черешка (рис. 5.-5). Наконечники имеют по три одинаковых лопасти, шипы лопастей скруглены. Длина изделий 38,5 мм, ширина лопастей 5,3 мм, длина черешков 20 мм;
- втульчатый трехлопастный наконечник стрелы на высокой наружной втулке с выступающим из втулки остатком древка (рис. 5.-6). Наконечник имеет три одинаковые лопасти со слегка свисающими шипами. Длина изделия 32,2 мм, ширина лопасти 4,5 мм, длина втулки 14 мм, внутренний диаметр втулки 4 мм;
- втульчатый четырехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой (рис. 5.-4). Наконечник имеет четыре одинаковые грани, головка в сечении подквадратная. В хвостовой части граней имеются глубокие вырезы, формирующие острые свисающие шипы. Из втулки выступает остаток древка. Длина изделия 27,4 мм, ширина — 7,6 мм, диаметр втулки 4,6 мм;
- медная скоба с фрагментами кожаного изделия (рис. 5, 2). Длина изделия 13,4 мм, ширина — 3 мм. Медная скоба вставлена в отверстия в коже, ее концы загнуты внутрь, тем самым скрепляя два фрагмента (части) кожаного изделия;
- медная выпуклая бляшка полусферической формы с внутренней перемычкой для крепления (рис. 5.-3). Диаметр 15 мм. С тыльной стороны бляшки, между внутренней поверхностью бляшки и перемычкой для крепления, сохранился фрагмент кожи;
- поясной набор из бронзовых деталей (рис. 6.1, 4). Состоит из восьми деталей — двух орнаментированных пряжек, оформленных в зверином стиле, пяти блях-обойм фигурной формы и одного наконечника-обоймы ремня. Пряжки, оформленные в зверином стиле, имеют подпрямоугольную форму с фигурным контуром нижней части, образованным изображением головы и клюва грифона. В центральной части каждой пряжки имеется относительно большое поперечное овальное отверстие, очевидно, декоративного назначения или для подвешивания к пряжке предмета вооружения, как это можно проследить по аналогии с золотыми пряжками от ремня горита из основного погребения (скелет 1) в могиле 5 кургана Аржан-2, также украшенными изображениями грифонов [Чугунов и др., 2017: 368, табл. 30, 5–7; 389, табл. 51, 4] (рис. 6.-3).

Над этим отверстием в верхней части обеих пряжек имеется по также поперечному, но немногим меньшему овальному отверстию и по перемычке для крепления пряжек к ремням. Причем по краям перемычек отмечены невысокие выступы для ограничения подвижности ремешка по горизонтали, такие же, как и у упомянутых выше пряжек из кургана Аржан-2. Нижние части пряжек оформлены литыми изображениями грифонов, внутри изгибов клювов которых сформировано по одному круглому отверстию, смещенному от центральной линии пряжек. Размеры пряжек — 31×20×2,7 мм. Если бы не парность описываемых пряжек и надежно зафиксированное их изначальное месторасположение, каждую из них легко можно было типологически отнести к пряжкам-застежкам наборного пояса.

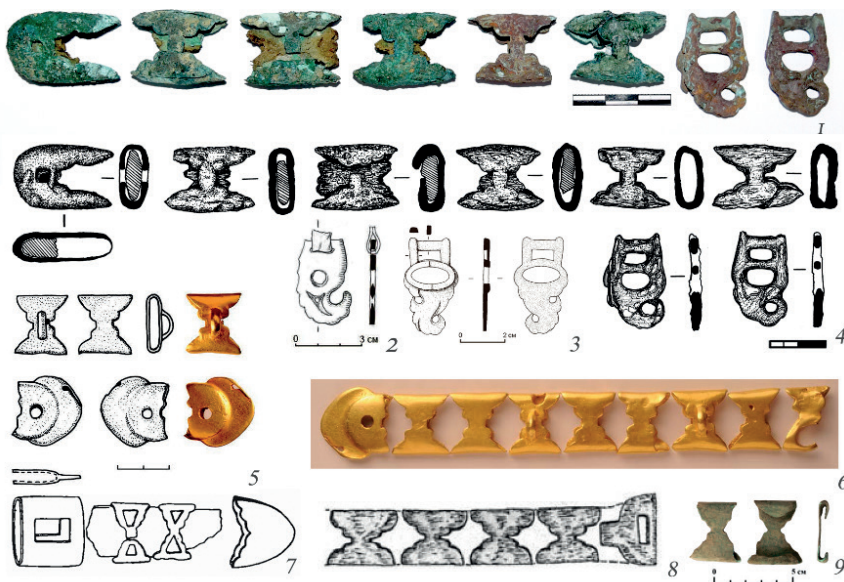

Рис. 6. Поясные наборы с непрорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием и пряжки: 1, 4 – восточное погребение кургана 3 могильника Объект № 6 (фото С. В. Захарова, прорисовка А. В. Кузьминовой); 2 – могила 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I [Чугунов, 2016: 343, рис. 168, 7]; 3 – могила 5 кургана Аржан-2 [Чугунов и др., 2017: 368, табл. 30, 5]; 5, 6 – курган 5 могильника Талды-II [Бейсенов, 2014: 136, 137; Бейсенов, 2018: 85, рис. 11]; 7 – погребение между селами Вавилонка и Заречное на р. Уде [Киселев, 1951: 299, табл. XXIX, 7]; 8 – курган у села Пьяный Яр Новошувльбинского (Бородулихинского) района Семипалатинской (Восточно-Казахстанской) области [Алешин и др., 1992: 250, рис. 1]; 9 – курган 1 могильника Кара-Чоога 3 [Килуновская и др., 2015: 208, рис. 25, 3]

Fig. 6. Belt sets with non-cut X-shaped clip plates with a curly contour and a narrow crosshair and buckles: 1, 4 – eastern burial of the burial mound 3 of the burial ground Object No. 6 (photo by S. V. Zakharova, drawing by A. V. Kuzminova); 2 – grave 3 of the funeral and memorial complex of Ching-Tei I [Chugunov, 2016: 343. Fig. 168, 7]; 3 – grave 5 of the mound Arzhan-2 [Chugunov et al., 2017: 368. Table. 30, 5]; 5, 6 – burial mound 5 of the Taldy-II burial ground [Beisenov, 2014: 136. Photo on page 137; Beisenov, 2018: 85. Fig. 11]; 7 – burial between the villages of Vavilonka and Zarechnoye on the river Ude [Kisselyov, 1951: 299. Table. XXIX, 7]; 8 – burial mound near the village of Pyany Yar of the Novoshulbinsky (Borodulikhinsky) district of Semipalatinsk (East Kazakhstan) region [Aleshin et al., 1992: 250. Fig. 1]; 9 – burial mound 1 of the Kara-Chooga burial ground 3 [Kilunovskaya et al., 2015: 208. Fig. 25, 3]

Бляхи-обоймы имеют фигурную форму, выполнены в форме пронизей для нанизывания на кожаную основу пояса, фрагменты которой сохранились в просветах обойм. Обычно такую форму поясных блях именуют X-образной по характерному контуру. Напоминает обращенные вершинами друг к другу прямоугольные ступенчатые бордюры андроновской орнаментации керамических сосудов, но со слегка заovalенными угла-

ми ступеней. Бляхи двусторонние, с зеркальным отражением лицевой части на обратной стороне изделия; непрорезные, с цельной поверхностью; овальной формы в вертикальном разрезе. На лицевой и на тыльной стороне блях петли отсутствуют, видимо, ввиду наличия специальных пряжек для подвешивания предметов вооружения и амуниции. Размер блях — 29,3×22,7×9,8 мм.

Обойма-наконечник имеет сложную фигурную форму. Головка наконечника плоская, с овальным наружным краем, с подквадратным сквозным отверстием размером 5×5 мм в центральной части. Хвостовая часть наконечника стилизована под форму блях-обойм и выполнена в виде вертикальной половины бляхи, но слегка удлиненной в горизонтальной проекции. Размер изделия 35,6×22×9,6 мм. Во внутренней части обоймы также сохранился фрагмент кожаного ремня.

Все бронзовые детали поясного набора в сильной степени подвержены коррозии, их поверхность покрыта глубокими трещинами, что делает изделия хрупкими.

Судя по плотному расположению трех блях-обойм и наконечника-обоймы в области паха наискосок, вплоть до шейки верхнего эпифиза бедренной кости, наконечник не был элементом застежки пояса и не выполнял функцию его застегивания, а отверстие в наконечнике, соответственно, не было предназначено для фиксации в нем крюка или язычка. Вероятнее всего, это отверстие служило для закрепления наконечника бляхи на ремне шпеньком, возможно, из органического материала. Ввиду отсутствия в непотревоженном поясном наборе элементов застегивания пояса, места отклонения полосы из наконечника и трех блях-обойм от предполагаемой оси пояса можно предполагать, что в области талии он завязывался или подвязывался у правого бока с передней стороны.

Обсуждение

По мнению В. Н. Добжанского, раннескифские (раннесакские) пояса отличаются от отсутствия на бляхах изображений в зверином стиле, что позволило автору классификации выделить их в отдельный тип (тип I) — пояса с бляхами-обоймами. По его мнению, такие пояса были характерным явлением раннескифской эпохи, бытовали в VII–VI вв. до н. э., доживая до V в. до н. э. [Добжанский, 1990: 21].

С. Г. Боталов и А. Д. Таиров выделяют в этом типе две группы: пояса с металлическими обоймами прямоугольной формы с различным оформлением лицевой поверхности, гладкой или прорезной оборотной стороной, одной или двумя петлями или петлевыми выступами и пояса с металлическими фигурными X-образными цельными или прорезными обоймами [Боталов, Таиров, 1996: 131]. Е. М. Кариев и Е. К. Оралбай к X-образным относят как непрорезные, так и прорезные бляхи-обоймы с X-образным контуром, в том числе и накладки из погребения № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I [Кариев, Оралбай, 2013: 51, рис. 1].

Практически идентичны публикуемые нами поясные обоймы (восточное погребение кургана 3 могильника Объект № 6) происходящим из самовольных раскопок кургана у села Пьяный Яр Новошувльбинского (Бородулихинского) района Семипалатинской (Восточно-Казахстанской) области и неполным комплектом, переданным археологам [Алехин и др., 1992: 128; 250, рис. 1] (рис. 6.-8).

Напомним, что авторам публикации этих находок были переданы пять серебряных блях-обойм с серебряной же пряжкой. Причем сообщалось, что из погребения происходило еще около 25 серебряных обойм, которые были утрачены. В общей сложности пояс состоял примерно из 30 серебряных обойм, что делает его богатым не только по материалу изготовления, но и по площади покрытия наборного пояса металлическими украшениями. Мы не знаем, какой формы были утраченные обоймы. Но у опубликованных пяти экземпляров мы также видим тяжеловесность горизонтальных пропорций, отличающие и наш экземпляр, симметрию и парность контурообразующих выступов у Х-образной формы изделий, отсутствие отверстий и прорезей на плоскостях, овальную форму вертикального сечения обойм. Отличаются новошувльбинские массивностью верхних и нижних половинок, низкой по высоте и более широкой перемычкой между ними. Также у новошувльбинского поясного набора иной формы наконечник пояса.

Бляхи-обоймы из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6 близки выполненным из золота и прекрасно сохранившимся бляхам-обоймам из кургана 5 могильника Талды-II [Бейсенов, 2014: 136, 137; Бейсенов, 2018: 85, рис. 11], представленных восемью экземплярами, не считая наконечника ремня (рис. 6.-5, 6). Сближает их как общая форма, так и выделяющаяся в структуре Х-образного контура симметрия и парность контурообразующих выступов.

Нужно признать, что по схожей функциональной схеме использованы изготовлены у обоих поясов и обоймы наконечников. Несмотря на то, что у восточноказахстанского наконечника нет плоского выступа, окаймляющего переднюю торцевую часть наконечника, а у талдинского — нет удлинённых выступов в хвостовой части наконечника, само тело наконечников идентично по месту расположения центрального круглого отверстия на лицевой стороне наконечника и форме боковой выемки по центру хвостовой части наконечника. С нашей точки зрения, эта выемка гармонирует с оформлением узкой перемычки (перекрестия) между верхней и нижней частями Х-образной бляхи-обоймы. Хвостовая часть талдинского наконечника также сформована под контур бляхи. Отличает поясные наборы друг от друга, помимо материала изготовления, вертикальность пропорций талдинских обойм и наличие у части из них петель.

В свою очередь, талдинским бляхам-обоймам по форме практически идентична бляха-обойма из кургана 1 могильника Кара-Чоога 3 в Туве, выполненная из бронзы [Килуновская и др., 2015; 208, рис. 25, 3] (рис. 6.-9).

Схожие вышеописанным по характерному фигурному Х-образному контуру бляхи-обоймы происходят от пояса из погребения между селами Вавилонка и Заречное на р. Уде к востоку от Семипалатинска Восточно-Казахстанской области, исследованного в 1927 г. С. И. Руденко [Киселев, 1951: 299, табл. XXIX, 7] (рис. 6.-7). Однако бляхи-обоймы из этого погребения прорезные, имеют на лицевой поверхности, как в верхней, так и в нижней части, треугольные и трапециевидные прорезы. Также в этом наборе присутствует массивная прямоугольная обойма с прямоугольными вырезами по центру лицевой и задней плоскостей, несколько иной формы наконечник ремня. В то же время хвостовая часть наконечника имеет такие же фигурные очертания, как и сами фигурные Х-образные бляхи-обоймы этого пояса.

В 2022 г. два пояса разной ширины с непрорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием были обнаружены в раннескифском элитном захоронении — могиле 9 кургана Чинге-Тей I (авторы раскопок и публикации описывают обнаруженные бляхи-обоймы как одинаково декорированные «ступенчатыми вырезами с двух сторон» [Чугунов, Сутягина, 2022: 17]). Бляхи-обоймы обоих поясов изготовлены из золота. В широком поясе было 18 блях-обойм (половина из них — с петлей на лицевой стороне) и наконечник, в более узком поясе — 16 блях-обойм [Чугунов, Сутягина, 2022: 17; 18, рис. 6].

Поясные бляхи-обоймы из погребения кургана 3 могильника Объект № 6, из погребения между селами Вавилонка и Заречное, из погребений кургана у села Пьяный Яр, кургана 5 могильника Талды-II и кургана 1 могильника Кара-Чоога 3, захоронения в могиле 9 кургана Чинге-Тей I во многом отличаются от блях-обойм остальных поясных наборов, выявленных в разные годы на территории Сарыарки и прилегающих к ней регионов.

Из курганов 1 и 3 могильника Нурманмет IV на р. Шидерты происходят пояса из массивных прямоугольных цельнометаллических блях-обойм с петлями на тыльной стороне [Кадырбаев, 1966: 346, рис. 39, 1–2].

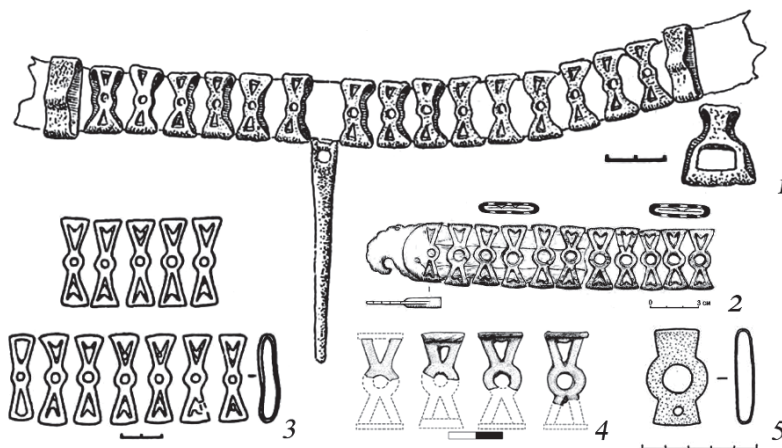

Рис. 7. Прорезные бляхи-обоймы и накладки с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием: 1 — курган 1 могильника Тасмола II [Кдырбаев, 1966: 346, рис. 39.-3]; 2 — фрагмент пояса из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I [Чугунов, 2016: 343, рис. 168.-9]; 3 — курган 2 могильника Алыпкаш [Хабдулина, 1994: 106, табл. 20, 9]; 4 — погребение № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I [Кариев, Оралбай, 2013: 51, рис. 1; 52, рис. 2]; 5 — курган № 8 могильника Байке-2 [Бейсенов, 2017: 75, рис. 14.-10]

Fig. 7. Slotted clip-plates and overlays with a classic X-shaped outline and an expanded annular crosshair: 1 — mound 1 of the Tasmol II burial ground [Kdyrbaev, 1966: 346, fig. 39.-3]; 2 — a fragment of a belt from grave 3 of the Chinge-Tei I funerary complex [Chugunov, 2016: 343, fig. 168.-9]; 3 — mound 2 of the Alypkash burial ground [Khabdulina, 1994: 106, pl. 20, 9]; 4 — burial No. 2 in mound No. 4a of the Aksuat-I burial ground [Kariyev, Oralbay, 2013: 51, fig. 1; 52, fig. 2]; 5 — mound No. 8 of the Baike-2 burial ground [Beisenov, 2017: 75, fig. 14.-10]

Основу поясного набора из кургана № 1 могильника Тасмола-II составляют прорезные бляхи-обоймы с классическим ровным X-образным контуром и расширенной кольцевидной центральной частью — перекрестием [Кадырбаев, 1966: 346, рис. 39, 3] (рис. 7.-1). Практически идентичны тасмолинским бляхи-обоймы из кургана 2 могильника Алыпкаш [Хабдулина, 1994: 106, таблица 20, 9] (рис. 7.-3). Отличие заключается в форме прорезей: у первых прорези треугольной формы, у вторых — стреловидной. Однако в алыпкашском наборе выделяется одна прорезная бляха-обойма: она чуть короче и уже остальных, прорези в ней треугольной формы, что делает ее прямой аналогией тасмолинским X-образным бляхами-обоймами. Практически аналогичны именно алыпкашским бляхи-обоймы пояса из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I в Туве [Чугунов, 2016: 343, рис. 168, 9] (рис. 7.-2). Им близки и прорезные X-образные накладки из погребения № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I, также имеющие перекрестие в форме широкого кольца [Кариев, Оралбай, 2013: 51, рис. 1; 52, рис. 2] (рис. 7.-4).

В виде замочной скважины выполнена частично прорезная бляха-обойма из кургана № 8 могильника Байке-2 [Бейсенов, 2017: 75, рис. 14, 10] (рис. 7.-5). По общей форме эта бляха-обойма ближе к вышеописанным прорезным бляхам-обоймам с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием или является частным вариантом таких блях-обойм.

От непрорезных и прорезных X-образных поясных обойм отличаются бляхи-обоймы поясного набора из погребения тасмолинской культуры на р. Атасу [Бейсенов, Дуйсенбай, 2017: 21, илл. 3, 3–5] из кургана 3 могильника Мыржик-6 [Бейсенов, 2017: гл. III, фото 2, 13], которые иные не только по своей общей форме (плоский подпрямоугольный щиток с волнистым оформлением продольных краев), но и имеют разное оформление лицевой и тыльной сторон, а также подпрямоугольную форму вертикального сечения обойм, что в совокупности предполагает наличие и иной технологической схемы их изготовления.

Особняком стоит поясной набор из тасмолинского погребения могильника Тегисжол [Варфоломеев, 2011: 320, рис. 3], в оформлении части блях-обойм которого уже просматривается применение элементов звериного стиля, что выводит этот пояс за пределы типа I по классификации В. Н. Добжанского, к которому им отнесены, в том числе, поясные обоймы с X-образными бляхами-обоймами.

Таким образом, поясные бляхи-обоймы из погребений кургана 3 могильника Объект № 6, из погребения между селами Вавилонка и Заречное, погребений кургана у села Пьяный Яр, кургана 5 могильника Талды-II и кургана 1 могильника Кара-Чоога 3, и захоронения в могиле 9 кургана Чинге-Тей I дают нам серию из 7-и поясных наборов, практически морфологически и технологически идентичных либо близких, реализованных в разных по ценности и престижности материалах (бронза, серебро, золото).

Материалы кургана 1 могильника Тасмола-II, кургана 2 могильника Алыпкаш, кургана № 8 могильника Байке-2, погребения № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I, из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I также демонстрируют серию в высокой степени идентичных наборов прорезных блях-обойм с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием.

При наличии блях-обойм поясных наборов двух разных серий с характерными дифференцирующими отличительными признаками отпадает необходимость в объединении их в одну группу X-образных поясных обойм [Боталов, Таиров, 1996: 131; Кариев, Оралбай, 2013; Бейсенов, 2014: 136]. Считаем, что назрела необходимость в постановке вопроса о выделении двух самостоятельных групп поясов с бляхами-обоймами, которые ранее в условиях ограниченного круга источников объединяли в одну группу поясов с X-образными бляхами-обоймами:

- 1) пояса с непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием, с петлями и без петель (курган 3 могильника Объект № 6, курган у села Пьяный Яр, погребение между селами Вавилонка и Заречное, курган 5 могильника Талды-II, курган 1 могильника Кара-Чоога 3, могила 9 кургана Чинге-Тей I);
- 2) пояса с прорезными бляхами-обоймами с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием (курган 1 могильника Тасмола II, курган 2 могильника Алыпкаш, курган № 8 могильника Байке-2, погребение № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I, могила 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I). Бляхи-обоймы из погребения между селами Вавилонка и Заречное на р. Уде можно также рассматривать как синкретичный вариант блях-обойм, сочетающий основные признаки сплошных X-образных блях-обойм с фигурным контуром и узким перекрестием и один из признаков блях-обойм с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием. Несколько особняком стоит и бляха из кургана № 8 могильника Байке-2.

Четыре из семи рассматриваемых поясных наборов с фигурными X-образными бляхами-обоймами (из погребения в кургане 3 могильника Объект № 6, погребения между селами Вавилонка и Заречное, погребений в кургане у села Пьяный Яр, кургане 5 могильника Талды-II) происходят с территории Казахстана, а именно, с территории Восточно-Казахстанской области и тяготеющей к ней территории Каркаралинского района Карагандинской области. Следовательно, территория охватывает регион Восточного Казахстана. Остальные три поясных набора этого типа обнаружены в памятниках Тувы (курган 1 могильника Кара-Чоога 3, могила 9 кургана Чинге-Тей I). Бляхи-обоймы из кургана 1 могильника Кара-Чоога 3 выявлены в Туве. На данный момент мы видим бытование в определенный период в Восточном Казахстане и Туве особого стиля в оформлении раннесакских наборных поясов — украшения их непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром, определенной моды или стандарта, так как пояса с обоймами одного и того же вида были распространены среди представителей разных страт (судя по материалам изготовления и качеству остального сопроводительного инвентаря в погребениях). Об этом, возможно, свидетельствует и определенная вариабельность форм блях-обойм внутри типа.

Если останавливаться на своеобразии поясного набора из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6, то бросается в глаза отличие его блях-обойм от основной массы остальных X-образных блях-обойм своими более горизонтальными пропорциями. Их ширина заметно больше их высоты. В то время как для остальных X-образных изделий характерна вертикальность пропорций (могильник Талды-II,

курган 1 могильника Кара-Чоога 3) или уравновешенность (погребение у с. Пьяный Яр). Возможно, по этому показателю обоймы из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6 схожи с обоймами узкого пояса из могилы 9 кургана Чинге-Тей I. Но об этом можно будет уверенно судить только после подробной публикации материалов погребения в могиле 9 кургана Чинге-Тей I.

Довольно близкие аналогии пряжкам публикуемого поясного набора из восточного погребения в кургане 3 могильника Объект № 6 прослеживаются в золотых пряжках от ремня горита из основного погребения (скелет 1) в могиле 5 кургана Аржан-2 [Чугунов и др., 2017: 368, табл. 30, 5–7; 389, таблица 51, 4] (рис. 6.-3). Аналогии прослеживаются в общей композиции элементов пряжек: центральное декоративное овальное отверстие, расположенные в верхней части отверстие и перемычка для крепления ремня с аналогичными же выступами по краям перемычки, расположение в нижней части декоративного элемента в виде клюва грифона и асимметричное расположение отверстия в нижней части пряжки, сформированное изгибом клюва грифона. Отличия заключаются в материале изготовления (пряжка из кургана Аржан-2 выполнена из золота), отверстие и перемычка для крепления ремня у аржанской пряжки (функциональная часть пряжки) выполнены в виде слегка обособленной от декоративной ее части планки, отверстие для крепления ремня в ней имеет прямоугольную, а не овальную форму, декоративное центральное отверстие выражено сильнее также у аржанской пряжки. В оформлении пряжки из Аржана-2 использованы образы двух грифонов, соответственно, два, а не одно отверстия, сформированные изгибами клювов грифонов. На наш взгляд, отличия носят частный характер, в то время как общая форма, композиция, стиль украшения и функциональное назначение публикуемых пряжек и пряжек от ремня горита очень близки и позволяют их отнести к вариантам одного типа.

Близкое сходство прослеживается с пряжкой из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I в Туве [Чугунов, 2016: 343, рис. 168, 7] (рис. 6.-2). Однако здесь клюв грифона формирует не отверстие, а крюк в нижней части пряжки, слабо проработаны центральное отверстие, отверстие и перемычка для крепления ремня.

В. Н. Добжанский, как выше было упомянуто, пояса с бляхами-обоймами типа I датировал VII–VI вв. до н. э., допуская бытование их и в V в. до н. э. [Добжанский, 1990: 21]. Авторы публикации поясного набора из кургана у с. Пьяный Яр датировали его концом скифской — началом гунно-сарматской эпохи, которые соотносили с рубежом эр [Алехин и др., 1992: 128]. А. Д. Таиров справедливо выступил с критикой такой ранней даты и отвел поясам с X-образными обоймами короткий период существования (до полувека) [Таиров, 2004: 143]. Исследователь считает, что пояса с фигурными X-образными обоймами появляются во второй половине VI в. до н. э. и бытуют до начала V в. до н. э. включительно, заканчивая тем самым традицию поясов с бляхами-обоймами [Таиров, 2004: 144]. По мнению К. В. Чугунова, верхний рубеж существования прорезных и непрорезных блях — середина VI в. до н. э.

Курган 1 могильника Кара-Чоога 3 его исследователями отнесен к алды-бельской культуре конца VIII–VII в. до н. э. [Килуновская и др., 2015: 194, 203]. Радиоуглеродная дата кургана 5 могильника Талды-II дает широкий хронологический диапазон — 800–540 BC [Бейсенов, 2018a: 388, табл. 1]. А. З. Бейсенов относит время его бытова-

ния к верхней части этого диапазона — VII–VI вв. до н. э. [Бейсенов, 2018а: 390–391]. К. В. Чугунов склонен датировать курган 5 могильника Талды-II концом VII — началом VI в. до н. э. [Чугунов, 2011: 75]. Захоронение в могиле 9 кургана Чинге-Тей I предложено датировать ближе к середине VI в. до н. э. [Чугунов, Сутягина, 2022: 22].

Погребение 5 кургана Аржан-2, откуда происходят близкие аналогии пряжкам с грифонами из восточного погребения в кургане 3 могильника Объект № 6, по данным радиоуглеродного анализа относится к середине –концу VII в. до н. э. [Зайцева и др., 2017: 179]. Дендрохронологическое исследование сужает дату возведения погребальной камеры до конца VII в. до н. э. [Хойснер, Слюсаренко, 2017: 185]. Погребение в могиле 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I К. В. Чугуновым датируется началом VI в. до н. э., временем позже бытования Аржана-2 [Чугунов, 2016: 342].

Заключение

Наше исследование позволило выделить две разные серии блях-обойм поясных наборов и их характерные дифференцирующие признаки, а также поставить вопрос о выделении двух самостоятельных групп поясов с бляхами-обоймами: 1) пояса с непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием, с петлями и без петель; 2) пояса с прорезными бляхами-обоймами с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием.

Исходя из вышеизложенного датировки кургана 5 могильника Талды-2 и погребения 5 кургана Аржан-2, откуда происходят хорошо сохранившиеся и надежно документированные непрорезные X-образные бляхи-обоймы с фигурным контуром и узким перекрестием (курган 5 могильника Талды-2) и близкие аналогии пряжкам для подвешивания предметов вооружения из восточного погребения в кургане 3 могильника Объект № 6 (погребение 5 кургана Аржан-2), позволяют датировать время бытования непрорезных X-образных блях-обойм с фигурным контуром и узким перекрестием в целом, а также само восточное погребение в кургане 3 могильника Объект № 6, довольно узким хронологическим периодом VII–VI вв. до н. э. Нельзя исключать и более узкую дату — конец VII — начало / середина VI в. до н. э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алехин Ю. П., Демин М. А., Илюшин А. М. Исследования 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. 1990 : сб. материалов конференции. Ч. I. М., 1992. С. 124–128.

Бейсенов А. З. Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом. На каз., русск., англ. языках. Алматы : Институт археологии, 2014. 196 с.

Бейсенов А. З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. С. 59–100.

Бейсенов А. З. Элитные курганы тасмолинской культуры Центрального Казахстана // Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Астана ; Сеул, 2018. С. 68–99.

Бейсенов А. З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археологія і давня історія України. 2018а. Вип. 2 (27). С. 386–396.

Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б. Воинское погребение тасмолинской культуры на реке Атасу // История и культура народов Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы Международной научно-практической конференции (Горно-Алтайск, 22–24 мая 2017 г.). Горно-Алтайск, 2017. С. 18–25.

Боталов С. Г., Таиров А. Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды Музея-заповедника Аркаим. Челябинск : Каменный пояс, 1996. С. 117–138.

Варфоломеев В. В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 315–324.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ, 1990. 164 с.

Зайцева Ж., Чугунов К., Парцингер Г., Наглер А., Дергачев, В., Скотт М., Семенов А., Васильев С., ван Геель Б., ван дер Плихт И., Лебедев Л. Хронологические исследования материалов памятника Аржан-2 // Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 172–179.

Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–433.

Кариев Е. М., Оралбай Е. К. X-образные поясные накладки из Восточного Казахстана // Известия НАН РК 3 (289). Алматы, 2013. С. 50–60.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1951. 643 с.

Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов В. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. 2015. № 5. С. 193–224.

Таиров А. Д. Раннесакские боевые пояса // Российская археология. 2004. № 1. С. 140–145.

Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс, 1994. 170 с.

Хойснер К.-У., Слюсаренко И. Дендрохронологические исследования // Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 181–185.

Чугунов К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докладов круглого стола, посвящённого 20-летию независимости Республики Казахстан. Караганды, 2011. С. 69–77.

Чугунов К. В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Чугунов К. В., Сутягина Н. А. Элитное захоронение раннескифского времени в кургане Чинге-Тей I: предварительная публикация и перспективы исследований // *Camera praehistorica*. 2022. № 2 (9). С. 8–25.

REFERENCES

Alekhin Iu. P., Demin M. A., Iliushin A. M. Issledovaniia 1989 g. v Semipalatinskoi oblasti [Research in 1989 in Semipalatinsk region]. *Margulanovskie chteniia. 1990: sb. mater konferentsii* [Margulan readings. 1990: Sat. mater of the conference]. Moscow, 1992. P. 1. P. 124–128 (in Russian).

Beisenov A. Z. *Drevnie sokrovishcha Saryarki. Kniga-al'bom* [Ancient treasures of Saryarka. Book-album]. Almaty: Institut arkheologii, 2014. 196 p. (in Russian).

Beisenov A. Z. Elitnye kurgany tasmolinskoi kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana [Elite burial mounds of the Tasmolin culture of Central Kazakhstan]. *Zoloto vlastelinov kazakhskikh stepei. Sovmestnyi katalog Respubliki Koreia i Respubliki Kazakhstan* [Gold of the rulers of the Kazakh steppes. Joint catalog of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan]. Astana; Seoul, 2018. S. 68–99 (in Russian).

Beisenov A. Z. Tasmolinskaia kul'tura Saryarki [Tasmolinian culture of Saryarka]. *Kazakhstan v saksuiu epokhu* [Kazakhstan in the Saka era]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2017. P. 59–100 (in Russian).

Beisenov A. Z. Tasmolinskaya kultura Tsentral'nogo Kazakhstana v issledovaniyakh nachala XXI veka [Tasmolin culture of Central Kazakhstan in the studies of the beginning of the XXI century]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archeology and ancient history of Ukraine]. 2018a. Vol. 2 (27). P. 386–396 (in Russian).

Beisenov A. Z., Duisenbai D. B. Voinskoe pogrebenie tasmolinskoi kul'tury na reke Atasu. *Istoriia i kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliia, Kitai): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (22–24 maia 2017 g.)* [History and culture of the peoples of Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China): materials of the international scientific and practical conference (May 22–24, 2017)]. Gorno-Altaysk, 2017. P. 18–25 (in Russian).

Botalov S. G., Tairov A. D. Pamiatniki rannego zheleznogo veka v okrestnostiakh sela Varna [Monuments of the Early Iron Age in the vicinity of the village of Varna]. *Mat. Po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala. Tr. Muzeia-zapovednika Arkaim* [Mat. On archeology and ethnography of the Southern Urals. Tr. of the Arkaim Museum-Reserve]. Cheliabinsk: Stone belt, 1996. P. 117–138 (in Russian).

Chugunov K. V., Sutiagina N. A. Elitnoe zakhronenie ranneskifskogo vremeni v kurgane Chinge-Tei: predvaritel'naya publikatsiya i perspektivy issledovaniia [An elite burial of the early Scythian period from the Chinge- Tey I kurgan: preliminary publication and research perspectives]. *Camera praehistorica* [Camera praehistorica]. 2022, no. 2 (9). P. 8–25 (in Russian).

Chugunov K. V. Sinkhronizatsiia arkheologicheskikh kul'tur rannesakskogo vremeni Kazakhstana i Tyvy [Synchronization of archaeological cultures of the Early Saka period of Kazakhstan and Tyva]. *Sakskaia kul'tura Saryarki v kontekste izucheniia etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii: Tezisy dokladov Kruglogo stola, posviashchennogo 20-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan* [The Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia: Abstracts of the Round table devoted to the 20th anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan]. Karagandy. 2011. P. 69–77 (in Russian).

Chugunov K. V. *Paradnyye poyasa kochevnikov Azii v ranneskifskoye vremya* [Ceremonial belts of the nomads of Asia in the Early Scythian time] // *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey*. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2016. P. 336–356 (in Russian).

Chugunov K. V., Partsinger G., Nagler A. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2017. 500 s. (in Russian).

Dobzhanskii V. N. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Typesetting belts of Asian nomads]. Novosibirsk: NGU, 1990. 164 s. (in Russian).

Kadyrbaev M. K. *Pamiatniki tasmolinskoj kul'tury* [Monuments of Tasmolin culture]. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka, 1966. P. 303–433 (in Russian).

Kariev E. M., Oralbai E. K. *Kh-obraznye poiasnye nakladki iz Vostochnogo Kazakhstana* [X-shaped waist pads from East Kazakhstan]. *Izvestiia NAN RK 3 (289)* [Izvestiya NAS RK 3 (289)]. Almaty, 2013. P. 50–60 (in Russian).

Kilunovskaya M. E., Lazarevskaya N. A., Sadykov T. R., Semenov V. I. *Issledovaniya Tuvinskoj arkhologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN v doline r. Eerbek v 2014 g.* [Research of the Tuvan archaeological expedition of the IIMC RAS in the valley of the river Eerbek in 2014]. *Byulleten Instituta istorii materialnoj kultury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. 2015. Vol. 5. P. 193–224 (in Russian).

Khabdulina M. K. *Stepnoye Priishimye v epokhu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty: Rakurs. 1994. 170 p. (in Russian).

Khoisner K.-U., Sliusarenko I. *Dendrokronologicheskie issledovaniia* [Dendrochronological studies]. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2017. P. 181–185 (in Russian).

Kiselev S. V. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1951. 643 p. (in Russian)

Tairov A. D. *Rannesakskie boevye poyasa* [Early Saxon Battle Belts] // *Rossiiskaia arkhologiya* [Russian Archaeology]. 2004. no. 1. P. 140–145 (in Russian).

Varfolomeev V. V. *Tasmolinskoe pogrebenie s nabornym poiasom iz mogil'nika Tegiszhol* [Tasmolin burial with a set belt from the Tegiszhol burial ground]. *Voprosy arkhologii Kazakhstana* [Questions of archeology of Kazakhstan]. Almaty, 2011. Vol. 3. P. 315–324 (in Russian).

Zaitseva Zh., Chugunov K., Partsinger G., Nagler A., Dergachev, V., Skott M., Sementsov A., Vasil'ev S., van Geel» B., van der Plikht I., Lebedev L. *Khronologicheskie issledovaniia materialov pamiatnika Arzhan-2* [Chronological studies of the materials of the Arzhan-2 monument]. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2017. P. 172–179 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.10.2022.

Принята к публикации 12.02.2022.

Дата публикации 03.04.2023.

УДК 904

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-02

С. А. Васютин*Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕМ ПРИТОМЬЕ В XI–XII ВВ.

Целью статьи является попытка охарактеризовать по выявленным археологическим материалам этнокультурную ситуацию в Среднем Притомье в XI–XII вв. В связи с этим поставлены следующие задачи: кратко охарактеризовать основные памятники среднего бассейна Томи рассматриваемого периода (городище Городок, могильник Порывайка, поселение Люскус III и др.); с учетом уже выявленных специалистами культурных связей данных археологических объектов с материалам поселений и погребений Кузнецкой котловины и соседних регионов и авторских наблюдений показать наиболее вероятные политические и этнокультурные изменения в Среднем Притомье в XI–XII вв. В статье показано, что в этот период правобережье среднего течения Томи стало местом расселения выходцев из ареалов среднечулымского и, вероятно, красноярско-канского вариантов культуры енисейских кыргызов, с которыми прибыли зависимые мастера по производству железных, бронзовых и серебряных изделий. Также важную роль в этногенетических процессах играли носители валикового комплекса и «сросткинское» население, вытесненное кыпчаками из бассейна Ини в Притомье. В политическом отношении на правом берегу Томи укрепились кочевые группы, косвенно или непосредственно связанные с кыргызами, Кыргызским каганатом.

Ключевые слова: Среднее Притомье, XI–XII вв., археологические памятники, Кыргызский каганат и его «дочерние» культуры, таежное население Приангарья и Енисея, кыпчаки и сросткинское население, этнокультурные трансформации.

Цитирование статьи:

Васютин С. А. Этнокультурные процессы в Среднем Притомье в XI–XII вв. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1. С. 26–43. DOI: 10.14258/nreur(2023)1-02.

S. A. Vasyutin

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

ETHNO-CULTURAL PROCESSES IN THE MIDDLE TOM RIVER REGION IN THE 11TH-12TH CENTURIES

The aim of this article is to provide insight into the ethno-cultural situation in the Middle Tom region during the 11th-12th centuries by analyzing archaeological materials. To achieve this, the article outlines the main sites in the region during this period, such as the Gorodok site, Poryvayka cemetery, and Lyuskus III settlement. Additionally, the article presents the most likely political and ethno-cultural changes in the region based on cultural associations with previously identified settlements and burials in the Kuznetsk Hollow. The findings indicate that people from the Middle Chulym River region and potentially the Krasnoyarsk-Kansk variant of the Yenisei Kyrghyz culture settled on the right bank of the Middle Tom River region, followed by skilled craftsmen producing iron, bronze, and silver objects. The article also highlights the importance of the people of the roller ceramics assemblage and the Srostki population who were displaced by the Kipchak people from the Inya River region to the Tom River region. In terms of politics, the nomadic groups, directly or indirectly linked to the Kyrghyz people and Kyrghyz Khaganate, dominated the right bank of the Tom River.

Keywords: Middle Tom River region, 11th-12th centuries, archaeological sites, Kyrghyz Khaganate and its «daughter» cultures, Taiga population of Angara and Yenisei rivers, Kipchak and Srostki population, ethnical and cultural transformation.

For citation:

Vasyutin S. A. Ethno-cultural processes in the Middle Tom River region in the 11th-12th centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 27–43.

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–02.

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия). Адрес для контактов: vasutin2012@list.ru; Orcid ID: 0000–0001–8707–0586.

Vasyutin Sergey Aleksandrovich — Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Relations of the Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). Contact address: vasutin2012@list.ru; Orcid ID: 0000–0001–8707–0586.

Введение

Кыргызы в период своего наивысшего могущества в середине IX — начале X в. добились значительных военных успехов и территориальных завоеваний, распространив свое влияние на значительную часть монгольских степей, территорию Тувы, Прибай-

---

калья, Восточного Туркестана, Джунгарии, Алтая и Восточного Казахстана [Савинов, 1994: 48, 52–60; Длужневская, Савинов, 2007: 146–147, 149–151; Тишкин, 2007: 209–214; Дашковский, 2011, 130–140; 2015: 9–97, 98, 109–120].

В конце X в. в результате завоевания киданями Монголии и внутривосточных процессов кыргызы из Тувы мигрировали в северную часть Минусинской котловины, в верховья р. Чулым (туда же была перенесена их столица). Дальнейшая колонизация «северных» территорий привела к образованию в X — середине XI в. среднечулымской культуры (по Д. Г. Савинову, «среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов»), просуществовавший до XIII в. [Беликова, 1992: 13–19; 1996: 97–101]. В конце X — начале XI в. возник «красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов», включавший кыргызов — переселенцев из Тувы и «сросткинцев» из Кузнецкой котловины. На ранних этапах развития северных локальных вариантов культуры енисейских кыргызов представлены находками эйлиг-хемского этапа, а затем «вещами аскизского облика» [Савинов, 1994: 148–149, 151–152].

В отличие от соседних регионов (Хакасия, Тува, Алтай) на территории Кузнецкой котловины появление кыргызов не фиксируется до начала XI в. Только в XI–XIII вв. наблюдается распространение предметов вещевого комплекса, характерного для енисейских кыргызов. Одним из примеров могут служить материалы могильника Калтышино I в степном Присалаирье. Так, в курганах № 1 (могила 3 с захоронением по обряду трупосожжения) были представлены артефакты, имеющие аналогии в материалах эйлиг-хемского этапа в культуре енисейских кыргызов конца X — начала XI в. (стрелы с плоскими подножками и вытянутыми дугами, круглая пряжка с пластинчатой рамкой, бронебойные черешковые наконечники стрел с четырехгранным или плоским ромбовидным пером и др.) [Савинов, 1997: 86, рис. 6].

С XI в. появляются свидетельства присутствия кыргызов в Кузнецком Алатау, где существовали так называемые кыргызские тропы. На горе Кайчак, на левом берегу р. Анзас в Горной Шории, были обнаружены погребения кыргызских воинов (кремации с характерным для аскизского этапа XI–XII вв. инвентарем) [Савинов, 1994: 138]. Но наиболее отчетливо влияние материальной культуры кыргызов, ее северных локальных вариантов, отразилось в археологических материалах Среднего Притомья.

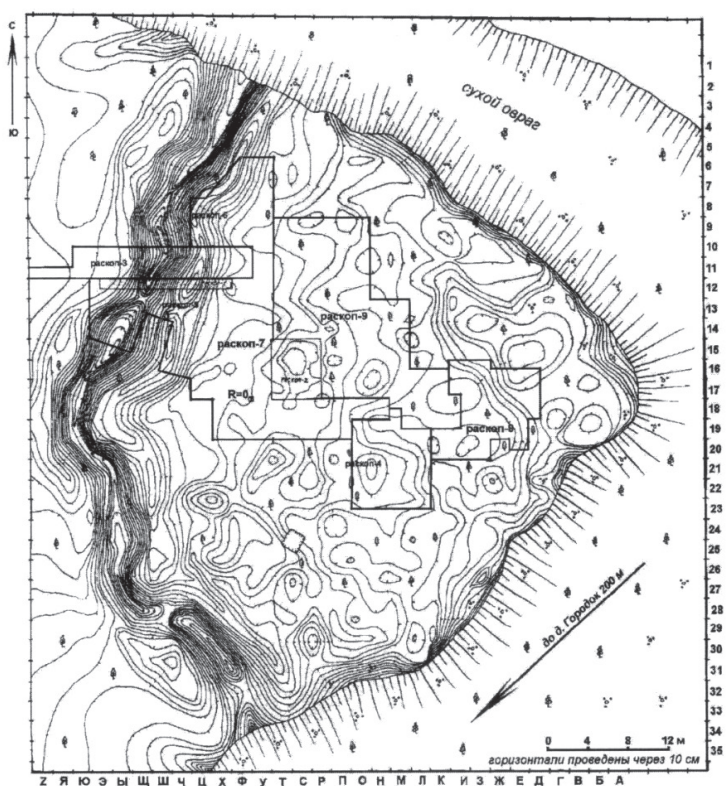
Материалы археологических памятников XI–XII вв. в Среднем Притомье

В XI–XII вв. в Среднем Притомье на смену достаточно гомогенному и стабильному «лачиновскому» сообществу VIII–X вв. приходит неоднородность культурных традиций и этнического состава населения. Появление новых инокультурных групп прослеживается в материалах таких археологических памятников, как городище Городок, поселения Люскус III и Лачиново I, а также в погребальном обряде могильника Порывайка.

Городище Городок располагается на правобережной коренной террасе Томи в северо-восточной части дачного поселка Городок Кемеровского муниципального округа. Высота террасы от уреза воды составляет 18–20 м. С нее открывается хороший обзор на Томь выше и ниже по течению реки. С северо-запада, запада и юго-запада имеется сохранившийся вал высотой 0,6–0,7 м и ров. Вал городища имел три трапециевидных выступа и один четырехугольный (редан), ориентированный усеченным углом во внеш-

ную сторону. На северо-востоке естественной границей городища является большой овраг шириной 16–19 м и глубиной до 10–15 м. Вдоль края террасы фортификационные сооружения отсутствовали. Размеры городища от юго-западного вала до оврага — 46–48 м, а от северо-западного вала до края террасы — 42–44 м. Общая площадь внутренней площадки памятника составляла около 2000 м² [Ширин, 2004а: 74–75].

Археологические раскопки 1997–2000, 2002 гг. позволили изучить систему фортификации (разрезы вала, редан 1, разрыв в валу, ров) и внутреннюю застройку городища (два жилых помещения, хозяйственные постройки, ямы, межжилищное пространство) [Ширин, 2004а: 75–78]. В результате было установлено, что глубина рва составляла от 1,4 до 2,5 м. Чтобы ров не засыпался землей с вала, между рвом и валом проходила площадка шириной около одного метра. Вал имел ширину до 5 м и высоту 0,9 м. Вал дополняла деревянная конструкция из столбов и полубревен, которые были уложены между столбами параллельно земле [Ширин, 2004а: 78–81].

План городища Городок с обозначением исследованных площадей
[Ширин, 2004а: 73, рис. 2]

The plan of the settlement of the town with the designation of the studied areas
[Shirin Yu. V., 2004a: 73, fig. 2]

На внутренней площадке городища было выявлено около 13 жилищ с примыкающими к ним западинами — «остатками хозяйственных полуземлянок». Жилища имели подквадратную форму с ориентацией стен по сторонам света и входом с восточной стороны. С внешней стороны деревянные стены имели земляную обваловку. В центре жилища имелся очаг округлой формы. В юго-восточном углу жилища № 1 была выявлена хозяйственная яма подпрямоугольной формы, из артефактов — каменная наковальня, абразивная плитка со следами заточки, фрагменты керамики. Снаружи восточной стенки жилища № 2 была обнаружена наковальня из гранита, а во рву у стены — сломанная рукоять кузнечных клещей. К востоку от редана 2 была исследована полуземлянка А глубиной до 0,4 м и диаметром до 3,5 м. В центре полуземлянки обнаружена большая наковальня из гранита и остатки железоплавильной печи (пятно прокала, шлаки, ошлакованные глиняные конструкции верхней части печи, канавки, которые могли использоваться для выпуска жидкого шлака). В северо-восточной части полуземлянки найден развал крупного глиняного сосуда, обломки точил, терочников, прут железа. В центральной части городища был выявлен комплекс производственных полуземлянок с более высоким уровнем пола [Ширин, 2004а: 74, 81–84].

На внутренней площадке городища за пределами построек повсеместно были найдены шлаки, остатки железоплавильных печей, наковальня из гранитного валуна 37 x 25 x 18 см со следами проковывания железных криц, ямки с прокаленной почвой, обломки железной руды. Помимо этого, обнаружены открытые земляные очаги диаметром до 60 см (с зольным заполнением и прокалом мощностью 10–15 см) для плавки бронзы и серебра, ошлакованные стенки и фрагменты тиглей в виде тонкостенных стаканчиков со средним размером 3×4 см. Внутри тиглей отмечены следы расплавленного металла, в трех тиглях — капли серебра, в остальных — зеленый налет окислов меди. В культурном слое также были обнаружены кости животных, фрагменты керамики, железные ножи, костяные наконечники стрел, инструменты, изделия из камня (точила из песчаника и сланца, скребки и обломки зернотерок, куранты из длинных массивных галек, обломки агата, круглые плоские пряслица из песчаника и сланца), железная ложка, сердоликовая бусина, неудавшаяся отливка бронзовой серьги, железные шлаки и другие артефакты [Ширин, 2004а: 84–89, рис. 4–10].

Могильник Порывайка был найден У.Э. Эрдниевым в 1954 г. Раскопки осуществлялись в 1998–1999 гг. Ю. В. Шириним и в 2001 г. А. С. Васютиным [Васютин, Ширин, 2002: 78–92; Ширин, 2004б: 26–27; Васютин, Зиняков, Онищенко, 2007: 49–53; Окунева, 2011: 29]. Некрополь расположен на кромке коренной террасы на правом берегу Томи в устье ее притока Порывайка. В этом месте в окружении таежных ландшафтов находится лесостепной участок естественного происхождения. Из 18 выявленных насыпей были раскопаны 11. Насыпи курганов были высотой от 0,2 до 0,5 м и диаметром 5–9 м в северной части могильника и высотой не менее 0,5 м и диаметром 10–15 м в южной части. Неглубокие могильные ямы (20–30 см) с неопределенной ориентацией имели подквадратные формы размером от 50 x 50 до 80 x 80 см. На дне были найдены кремнированные кости весом не более 2 г. Однотипный погребальный обряд и стандартный инвентарь (миниатюрные копии предметов, специально сделанные для погребения: тесла, сошники, ножи с деревянными ручками, кресала с деревянными ручками и кусочком

агата, поножи, плоские черешковые наконечники стрел, кольцевые пряжки с подвижным язычком). В кургане № 8 были найдены кузнечные инструменты (зубило и клещи) и сопроводительное захоронение лошади. В погребениях также присутствовали украшения — мелкие бусы из стекла с серебряной прокладкой, сердолика, перламутра и небольшие серебряные полусферы. Датируется могильник XI–XII вв. [Васютин, Ширин, 2002: 80–92, рис. 1–7; Ширин, 2004б: 26–27].

Артефакты XI–XII вв. также представлены на таких поселениях Среднего Притомья, как Лачиново I (железные наконечники стрел), Люскус III (развал большого круглодонного керамического сосуда) [Окунева, 1999: 110, рис. 1.-3, 1.-4, 1.-6; Плац, 2020: 71, 73, рис. 4]. Следует отметить, что рассматриваемая территория среднего течения Томи еще недостаточно изучена и требует всестороннего исследования для решения вопросов этнокультурной истории Кузнецкой котловины в период Средневековья.

Анализ этнокультурной ситуации в Среднем Притомье в начале XI–XII вв.

С точки зрения изменений материальной культуры в Среднем Притомье наиболее показательным было городище-крепость Городок со сложной фортификацией (ров, вал с остатками деревянной конструкции из столбов и полуплах, реданы), производственными мастерскими по изготовлению железа, бронзы, серебра. Аналогов такому археологическому объекту не существовало на берегах Томи и во всей Кузнецкой котловине в предшествующий период. Таким образом, городище Городок выступает как уникальный для среднего течения Томи комплекс, что можно рассматривать как свидетельство прихода на правобережье Томи новых групп населения, а сооружение крепости — как результат деятельности доминирующего этнополитического объединения.

Говоря о производстве железа, бронзы и серебра, необходимо отметить, что среди так называемых лачиновских памятников в Среднем Притомье было выявлено всего одно поселение — Сосновка III, в материалах которого зафиксировано свидетельство бронзолитейного производства — 4 тигля [Окунева, 1999: 112–113, рис. 1]. При этом памятник не имеет четко датированных артефактов, которые можно связать с бронзолитейным комплексом. Нельзя исключать, что тигли относятся к более позднему времени (начала II тыс. н. э.), поскольку, несмотря на почти полувековое изучение лачиновских памятников, их четкая хронология, так же, как и этапы их развития, так и не были установлены. Наличие керамики с валиками в памятниках XI–XII вв. [Ширин, 2004а: 89, рис. 3.-1, 3.-3; 90; 2014: 24; Зиняков, Илюшин, 2017: 37, 46, рис. 5.-20, 5.-23, 5.-24] позволяет предположить сохранение «лачиновского» населения в данный период и вероятность появления технологии бронзолитейной плавки только в XI в.

Железодельное производство в Среднем Притомье в раннесредневековый период пока не выявлено (на поселении Митино IV в Новокузнецке в ходе разведки были найдены куски железного шлака и обломки железной руды [Ширин, 2015: 19], но исследования не проводились). В то время как на территории городища Городок в XI в. возник целый производственный комплекс по изготовлению железа — полуземлянки с остатками железоплавильных печей, каменные наковальни из гранита, абразивная плитка со следами заточки, кузнечные клещи, обломки точил, прутьев из железа, обилие шлака. То же самое можно сказать о выплавке серебра. В итоге можно предпола-

гать, что создание на городище производственного центра по выплавке железа, бронзы и серебра — результат переселения в городище группы мастеров, происходивших из иной этнокультурной среды, не связанной с «лачиновской» традицией.

Ю. В. Ширин по аналогиям к наиболее выразительным артефактам датировал городище Городок XI–XII вв. В частности, он указал на ножи с уступчиком на лезвии возле обушка, известные в памятниках Минусинской котловины X–XIII вв., фаянсовый с голубой глазурью амулет в виде стопы человека, представленный в погребальных комплексах Среднего Чулыма и Прииртышья XI–XII вв., серебряная пуговица и сердоликовая 14-гранная бусина с рассматриваемого городища имели многочисленные аналоги среди материалов погребальных комплексов Притомья X–XII вв. Железная ложка аналогична ложкам из курганов некрополя Саратовка Кузнецкой котловины.

Как указывает Ю. В. Ширин, в керамических артефактах городища Городок можно выделить несколько технологических и орнаментальных традиций, в том числе посуду, по формам и орнаментации близкую к материалам кыпчакских некрополей и поселений в бассейне рек Ур и Касьма, сосуды с валиком и орнаментальными элементами, характерными для «лачиновских памятников». Он предположил, что под давлением кыпчаков определенные группы кочевников могли укрыться в периферийных регионах, ранее мало привлекательных для них [Ширин, 2004а: 98–99]. Это вело к «постоянным конфликтам между воинственными группировками номадов из-за господства в регионе», а городище Городок наряду с ремесленной площадкой «мог быть своеобразным административным центром, ... откуда контролировался сбор дани с жителей Среднего Притомья одной из кочевых группировок» [Ширин, 2004б: 25]. Таким образом, обладавшее сложной фортификацией городище Городок могло играть военно-управленческую роль в регионе.

Не исключен и другой вариант — намеренная концентрация ремесленников в укрепленном поселении для контроля за ними и сбора дани оружием, предметами труда и украшениями одной из кочевых группировок. Учитывая, что в раннесредневековых памятниках Среднего Притомья не были выявлены железоделательные комплексы и отливка серебра, а бронзолитейное производство появилось не ранее XI в., сбор мастеров кузнечного и ювелирного дела в одном городище мог быть осуществлен только намеренно в интересах определенного номадного объединения, господствующего в данной местности.

В материалах городища Городок, как уже отмечалось, особое значение имеют остатки железоплавильных печей и целый ряд предметов, необходимых для производства и обработки железа. Поскольку в городищах Среднего Причюлымья не выявлено производство железа, серебра и бронзы (следует учесть недостаточную изученность таких памятников), наиболее вероятным способом появления железоделательного центра в Среднем Притомье было переселение группы мастеров из таежного Приангарья [Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. Степень зависимости таежных жителей от кыргызов красноярско-канского локального варианта кыргызской культуры оценивается по-разному [Сенотрусова, 2015], но сомнительно, чтобы кыргызы не использовали столь важные производственные ресурсы. В южно-таежной части Нижнего Приангарья в VI–XII вв. преобладали горны «с плавильной камерой прямоугольной формы, сложенные

из плит песчаника, часто с пригорновой ямой». Давними были традиции металлургического производства в Хакасии и Минусинской котловине. В Томском Приобье железо из местных руд стали производить на рубеже I–II тыс. н. э. Здесь горы представляли собой глиняный купол, сооруженный над небольшой ямой глубиной не более 0,7 м [Мандрыка, Сенотрусова, 2021: 114, 115, 116].

Наиболее близкие аналоги железоделательному комплексу городища Городок представлены на городище Лесосибирское I. Исследование памятника показало отсутствие долговременных построек, но выявило сооружения для обработки черного металла. Данный комплекс датируется XI–XIII вв. Свидетельства металлургического производства зафиксированы на городище Усть-Самоделка IV [Мандрыка, Синетрусова, 2018: 105].

Среди артефактов в городище Городок представлено много изделий из камня. Широкое использование камня в производственных процессах, связанных с металлургией и металлообработкой (каменные молотки, наковальни, терочники, молотки дляковки, гладилки, точильные камни и бруски, оселки), было представлено в материалах средневекового поселения Проспихинская Шивера I в Приангарье [Мандрыка, Князева, 2011: 155–157].

Керамика городища Городок, как уже указывалось, имеет многочисленные аналогии в кыпчакских памятниках бассейна Ини, погребениях басандайской культуры, сосуды с валиками отнесены к «лачиновской традиции». Вместе с тем среди фрагментов керамики представлены артефакты по формам и орнаментальным композициям [Ширин, 2004а: 87, рис. 1.-3, 1.-4, 89, рис. 3.-2, 3.-4, 3.-6] схожие с посудой в синхронных памятниках Среднего Чулыма [Беликова, 1996: 195, рис. 31.-1, 210, рис. 46.-7, 267, рис. 102.-1; 268, рис. 103.-5, 103.-6].

Говоря о самом городище и его фортификации, Ю. В. Ширин указывает, что таких укреплений, как в городище Городок, «в Притомье более не известно». В то же время он отмечает, что городища с реданами на валах получают распространение на юге Сибири «со второй половины I тыс. и бытуют вплоть до позднего средневековья». В качестве примера исследователь назвал укрепления поселенческих памятников чатских татар Новосибирского Приобья (со ссылкой на статью А. А. Адамова «Городища чатских татар в Новосибирском Приобье») [Ширин, 2004а: 98]. В публикации А. А. Адамова действительно представлены материалы городища Черный Борок-20 с укреплениями на валу, которые автор называет «бастионами» [Адамов, 1989: 55, 57, рис. 9.-1]. Но по хронологии (фортификация городища XVI–XVII вв.), отсутствию жилищ и производственных комплексов начала II тыс. данный памятник абсолютно не соответствует городищу Городок.

В Среднем Причулымье в отношении целого ряда городищ, имеющих фортификацию, датировка либо отсутствует или имеет широкие границы — «средневековье» (в отдельных случаях со знаком «вопроса»). Те поселенческие памятники со сложной системой укреплений, которые датированы классическим Средневековьем (Тургайская группа городищ и поселений, городища Беляйское, Иловское II, Уйдановское, поселение Городское I, городище Городок, Сосновское I и др.) исследовались лишь частично. В этом случае информация в основном ограничивается указанием ширины и глубины

рвов, ширины и высоты валов. Наличие бастионов или реданов не указано [Ожередов, Яковлев, 1993: 28–29, 30, 31, 33, 47, 56, 58, 72, 80; Беликова, 1996: 165, рис. 1].

Сложной фортификацией, порой включавшей несколько рвов и валов, обладали городища развитого Средневековья на территории южно-таежной зоны Средней Сибири (Подпорожное, Лесосибирское I и Чермянское) и в Красноярской лесостепи (Ладейское, Базайское или Змеиное, Ермолаевское, Частоостровское городища), но укрепления по типу реданов на них не были зафиксированы [Мандрыка, Сенотрусова, 2007: 206, 207, 208, 210–211]. В итоге вопрос о происхождении такого фортификационного элемента, как редан на городище Городок, остается открытым.

Этнокультурный состав населения городища Городок был неоднородным и включал несколько компонентов. Артефакты, найденные на территории данного памятника, говорят о непосредственном присутствии здесь носителей железоплавильных традиций из южно-таежных районов Сибири и представителей среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов. Данный факт подтверждается материалами курганного могильника Порывайка (см. ниже). Еще один этнический компонент представлен носителями так называемой лачиновской культуры, которых можно рассматривать как местных жителей прибрежных поселений Верхнего Притомья. Возможно присутствие сrostкинскогo населения, которое было вынуждено покинуть бассейн Ини под давлением кыпчаков в XI в. Вопрос о нахождении носителей сrostкинской культуры в среднем течении Томи в XI–XII вв. изучен слабо. Следует заметить, что по составу артефактов в Змеинкинском и Калмакском могильниках в Среднем Причулымье О. Б. Беликова выделила сrostкинский компонент, но определила его как «тюркизированное местное население с кето-самодийским субстратом» [Беликова, 1996: 128–136, 139–141]. Не исключено существование подобных этнически интегрированных образований и в Среднем Притомье.

Как указывал Ю. В. Ширин, погребальный обряд и артефакты могильника Порывайка в деталях совпадает с материалами захоронений Среднего Причулымья, изученных О. Б. Беликовой [Ширин, 2004б: 26–27]. Общим было помещение трупосожжения в небольшие могилы под округлые или овальные насыпи. Отличие материалов могильника Порывайка и ключевых памятников Среднего Причулымья — Змеинкинского и Калмакского некрополей — заключалось в малом количестве курганов (18 против 138 на Змеинкинском и 184 на Калмакском могильниках [Беликова, 1996: 9, 37]), меньшими размерами насыпей, отсутствием погребальных конструкций и сопроводительных сожжений лошадей, более бедным и менее разнообразным инвентарем.

Среди артефактов в погребениях могильника Порывайка особенно выделяются миниатюрные железные тесла, наконечники стрел, ножи, поножи, сошники, кресала [Васютин, Ширин, 2002: 80–92, рис. 1–7]. Аналогичные предметы массово присутствуют в погребениях Змеинкинского (курганы № 7, 8, 50, 55, 57, 58, 60) и Калмакского (курганы № 1, 2, 3, 9, 10, 11, 15, 17, 19, 20, 24, 26, 27, 28) могильников. Согласно мнению О. Б. Беликовой, «миниатюрные вещи предназначались только для ритуала погребения» и выступали «в системе мировоззрения как одна из категорий овеществленных символов, связанных с трехчастной моделью мира» [Беликова, 1996: 12, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 47, 49, 50, 53, 54, 55, 122–124, 169, рис. 5.-12, 13, 14; 171, рис. 8.-3; 193,

рис. 29.-15; 199, рис. 35.-6; 207, рис. 43.-1, 2, 4, 6; 209, рис. 45.-6, 12; 213, 49.-1, 2, 3; 221, рис. 57.-1, 2; 224, рис. 60.-8, 10, 11, 12; 227, рис. 63.-1, 2, 3, 4, 9, 10; 233, рис. 69.-1, 2, 4, 5, 6, 8; 234, рис. 70.-13, 14, 15; 235, рис. 71.-7, 9, 10; 239, рис. 75.-4, 5, 6, 7; 242, рис. 78.-10, 11; 244, рис. 80.-12; 245, рис. 81.-15; 251, рис. 87.-7; 253, рис. 89.-11, 12; 245, рис. 90.-17, 21].

Предметы обычных размеров также имели многочисленные аналогии в некрополях локального варианта кыргызской культуры на Среднем Чулыме. Это, к примеру, касается железных черешковых наконечников стрел с плоским пером, найденных в курганах 6 (1 треугольно-вытянутый и 2 с пером в форме прямоугольника с прямым острием), 7 (1 плоский с асимметрично-ромбическим), 8 (плохой сохранности 3 плоских с плохо различимыми формами пера, близкими к ромбическим) и 9 (1 плоский с асимметрично-ромбическим, 1 с обломанным пером, 1 плоский с ромбическим пером, 1 с пером в форме прямоугольника с прямым острием, 1 с удлинённой шейкой и срезанным пером, скорее всего, ромбовидной формы) могильника Порывайка [Васютин, Ширин, 2002: 80, 85, 88, рис. 3.-12, 13, 14, 91, рис. 6.-10, 11–14]. В Змеинкинском и Калмакском могильниках найдены железные наконечники стрел аналогичные наконечникам из могильника Порывайка [Беликова, 1996: 77–79, 260, рис. 97.-11а, 11б, 12, 16]. В состав вещевого комплекса могильника Парывайка также входят железные кольцевые пряжки и портупейные кольца, тесла, железные сошники с несомкнутой втулкой, 2 или 4 железных крючка, подвижно соединенных с кольцом (для крепления поножей), иглы [Васютин, Ширин, 2002: 80, 81, 84, 88, рис. 3.-5, 7–10, 89, рис. 4.-3, 4, 12, 13, 91, рис. 6.-2, 3–5, 7, 15, 16, 18], имеющие многочисленные аналогии в среднечулымских памятниках [Беликова, 1996: 64–65, 69, 83, 84, 168, рис. 4.-1, 14, 170, рис. 6.-1, 4, 5, 171, рис. 7.-1, 7, 173, рис. 9.-7, 174, рис. 10.-6, 182, рис. 18.-9, 183, рис. 19.-13, 185, рис. 21.-5, 191, рис. 27.-12, 197, рис. 33.-4, 5, 199, рис. 35.-6, 10, 12, 201, рис. 37.-11, 204, рис. 40.-5, 207, рис. 43.-1, 7, 9, 209, рис. 45.-14, 210, рис. 46.-5, 211, рис. 47.-1, 213, рис. 49.-1, 5, 214, рис. 50.-1, 216, рис. 52.-7, 218, рис. 54.-16, 219, рис. 55.-1, 220, рис. 56.-7, 8, 221, рис. 57.-1, 222, рис. 58.-9, 224, рис. 60.-10, 227, рис. 63.-1, 2, 228, рис. 64.-7, 8, 229, рис. 65.-7, 9, 223, рис. 69.-1, 3, 4, 234, рис. 70.-11, 12, 13, 235, рис. 71.-7, 11, 239, рис. 75.-4, 240, рис. 76.-1, 241, рис. 77.-3, 8, 242, рис. 78.-10, 243, рис. 79.-2, 244, рис. 80.-11, 14–16, 18, 245, 81.-1, 9–11, 13, 246, 82.-1, 2–4, 248, рис. 84.-5, 6, 8, 13, 250, рис. 86.-11, 12, 13, 253, рис. 89.-11, 254, рис. 90.-17, 18, 21, 22, 255, рис. 91.-1, 17].

Железные плоские черешковые наконечники стрел и кольцевые пряжки, крюки на кольцах (поножи) и тесла имели широкое распространение в памятниках Минусинской котловины, кыпчакских памятниках Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья и др. регионов [Кызласов, 1983: 18–19, табл. 4, 20, 38–39, 101, табл. XIII.-1, 3, 5 и др., 108–110, табл. XX, XXI.-1, 2–17, XXII.-6, 7–15, 18–20, 112, табл. XXIV.-4, 5–7; Илюшин, 2012: 9–10, 35, 118, рис. 9.-41, 49, 123, рис. 14.-42, 126, рис. 17.-4, 144, рис. 36.-6, 159, рис. 54.-2, 161, рис. 57.-1, 2, 4; Савинов, Новиков, Росляков, 2008: 55, рис. 4.-8, 9–22, 4.-27, 32–36, 39–40, 58, рис. 7.-5, 6, 59, рис. 8.-1, 2–5, 7, 162, рис. 4.-1, 2, 7, 174, рис. 25.-2, 3, 6, 184, рис. 43.-1, 185, рис. 44.–3, 200, рис. 70.-4, 209, рис. 87.-9, 211, рис. 92.-3, 213, рис. 96.-1, 234, рис. 124.-1, 241, рис. 137.-1, 243, рис. 141.-5, 257, рис. 161.-1, 6, 266, рис. 178.-2, 3–4, 6, 282, рис. 7.-5, 6, 301, рис. 27.-1, 312, рис. 55.-2, 324, рис. 80.-6, 327, рис. 88.-3, 331, рис. 97, рис. 98.-5 и др.; Плетнева, 1997: 181, рис. 17.-5].

Украшения в погребениях могильника Порывайка представлены бусинами: четырехлепестковые плоские перламутровые бусины с продольными отверстиями, просверленными через узкую грань; круглые стеклянные бусины с серебряными прокладками; черная каменная гагатова бусина ромбической формы с просверленным через один из острых углов ромба поперечным отверстием; 18-гранная агатова бусина с начатым с двух сторон, но незавершенным сверлением канала [Васютин, Ширин, 2002: 80, 81, 85, 88, рис. 3.-18, 91, рис. 6.-23, 24, 89, рис. 4.-6, 7, 91, рис. 6.-22, 25]. В могиле 1 кургана 6 также были обнаружены 6 серебряных полусфер [Васютин, Ширин, 2002: 80, 88 рис. 3.-19, 20–24].

В Змеинкинском и Калмакском могильниках выявлено много различных украшений (только бусин около 400 экз.), в том числе из серебра и золота. Агатовые бусы в указанных памятниках имели эллипсоидные и призматические формы [Беликова, 1996: 86, 265, рис. 100.-14, 15]. Здесь же присутствуют круглые стеклянные бусы с железными и посеребренными прокладками [Беликова, 1996: 87, 265, рис. 100.-25, 26].

Ромбическое изделие из черного гагата, скорее всего, является подвеской по аналогии с плоскими ромбическими подвесками в памятниках Среднего Причулымья из яшмы, лазурита и гранита [Беликова, 1996: 89–90, 169, рис. 5.-7, 170, рис. 6.-8, 188, рис. 24.-4]. Серебряные полусферы наряду с бронзовыми нашивались на пояс как накладки [Беликова, 1996: 92, 241, рис. 77.-1, 264, рис. 99.-40]. Перламутровые бусины в среднечулымских материалах не были представлены. Изделия из перламутра в виде подвесок и накладок хорошо известны в XI–XIII вв. в Верхнем Приобье [Савинов, Новиков, Росляков, 2008: 63, рис. 13.-1, 2–11, 170, рис. 17.-13, 179, рис. 34.-3, 187, рис. 47.-11, 263, рис. 171.-4, 303, рис. 31.-5, 6, 305, рис. 36.-1, 2–3, 310, рис. 48, 49, 50, 311, рис. 53.-3–4, 320, рис. 72.-2, 321, рис. 74.-4, 5–6, рис. 75.-9, 10, рис. 76.-1, 336, рис. 108.-5, 6].

Особенно выделяется в составе некрополя Порывайка курган № 8. Среди изученных могил рассматриваемого могильника только в могиле 1 кургана № 8 были обнаружены кости лошади (череп, первый шейный позвонок, передние и задние конечности). Исходя из расположения головы и конечностей лошади в данной могиле зафиксировано захоронение «шкуры коня» с головой и конечностями [Васютин, Ширин, 2002: 82–84, 90, рис. 5.-Б; Васютин, Зиняков, Онищенко, 2007: 49–53, рис. 1.-А]. На нижней челюсти были обнаружены железные двусоставные удила с крюковым соединением звеньев и фрагмент кольчатого псалия с остатком крюкового завершения гызла [Васютин, Ширин, 2002: 84, 90, рис. 5.-4]. Также необычным в данном захоронении было присутствие наряду с миниатюрным теслом, железным кресалом, поясным портупейным кольцом и другими предметами так называемого набора кузнеца — кузнечных клещей и зубила. Подобный набор кузнечных клещей и зубила представлен в кургане № 32 Астраханцевского могильника [Плетнева, 1997: 19, 200, рис. 38.-2, 3]. Однако стоит отметить, что в кургане № 32 рукояти клещей были прямые, а в кургане № 8 могильника Порывайка они имели коленчатые уступы у шарнирного скрепления клещевин [Васютин, Ширин, 2002: 82, 90, рис. 5.-12; Васютин, Зиняков, Онищенко, 2007: 50, 51, рис. 1.-14].

Характеристика погребального обряда могильника Порывайка дает некоторые основания предполагать, что носители среднечулымской культуры в Среднем Притомье могли выступать в двух ролях: 1) как доминирующая военно-административная сила;

2) организаторы и, возможно, как часть участников железодельного, бронзолитейного и ювелирного дела в городище Городок. Подтверждение или опровержение данной гипотезы возможно только в ходе дальнейших исследований.

Проникновение населения со Среднего Чулыма могло происходить по рекам Яя и Кия (по ее притоку Кожух). В низовьях этих рек обнаружены городища, керамические материалы которых демонстрируют культурную близость с посудой памятников среднечулымской культуры [Беликова, 1996: 130–131].

Аналогичную связь с керамическими материалами погребений на Среднем Чулыме показали материалы средневекового памятника Люскус III. Лепной круглодонный керамический сосуд имеет прямые параллели с керамическими материалами в курганах № 55 и 56 Змеинкинского могильника из Среднего Причудья [Плац, 2020: 71, 73–74, рис. 3, 4]. Сосуд по срезу венчика орнаментирован оттисками гладкого штампа, из-за чего он приобрёл «волнообразный» вид. Волнообразность венчика, наличие миниатюрных сквозных ямок у самого среза венчика и пояс наклонных оттисков крупного гребчатого штампа сближают данный сосуд со средневековой керамикой, найденной на памятнике Люскус I [Бобров, 1979: 57–58].

Необходимо отметить, что два аскизских наконечника стрел были найдены на поселении Лачиново I. Плоские железные асимметрично-ромбические черешковые наконечники стрел с широким пером [Окунева, 1999: 110, 111–112, рис. 1.-3, 4] хорошо известны в аскизских погребениях XI–XIII вв., а также в соседних регионах (см. аналогии выше).

Заключение

Все вышесказанное дает основание предполагать, что территория Среднего Притомья, во всяком случае правобережье Томи, находилась в зоне непосредственного влияния носителей локального варианта кыргызской культуры на Среднем Чулыме. Вместе с ними в Притомье пришли подчинённые кыргызам выходцы из таежной зоны с развитыми практиками железодельного производства. Еще одну группу могли составлять «сросткинцы». Одновременно с этим кыргызы из Минусинской котловины осваивали транзитные маршруты в Кузнецком Алатау и Горной Шории. Не исключено, что действия минусинских и «чулымских кыргызов» координировались, что может говорить об опосредованном контроле со стороны енисейских кыргызов за ситуацией в Притомье.

Таким образом, в материалах памятников Среднего Притомья отчетливо прослеживаются присутствие иноэтничного населения. Потребность «чулымских кыргызов» в управленческом и производственном центре привела к строительству городища (городище Городок), откуда они могли контролировать прилегающие территории и акваторию Томи выше и ниже по течению. Большое влияние на этнокультурные процессы в Кузнецкой котловине в XI–XIII вв. оказывали кыпчаки, которые заселили степные участки в бассейне Ини. Археологические материалы городища Городок и могильника Порывайка говорят о наличии контактов и обмена товарами между доминирующими в Среднем Притомье «чулымскими кыргызскими» и кыпчаками. Однако эти связи не исключали и острые конфликты между этими кочевыми группами. По мнению Ю. В. Ширинина, окончание функционирования памятника было связано с пожаром. Не исключе-

но, что это был результат нападения одного из противников, поскольку после пожара городище перестало существовать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А. А. Городища чатских татар в Новосибирском Приобье // Памятники Новосибирской области. Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1989. С. 55–61.

Беликова О. Б. О длительности пребывания кыргызов на Среднем Чулыме // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии) : материалы Всероссийской конференции. Омск, 1992. С. 13–19.

Беликова О. Б. Среднее Причутье в X–XIII вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.

Бобров В. В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. Вып. 10. С. 47–59.

Васютин А. С., Зиняков Н. М., Онищенко С. С. Кремированное погребение начала II тыс. н. э. с кузнечными инструментами и сопроводительным захоронением лошади на могильнике Порывайка // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 49–53.

Васютин А. С., Ширин Ю. В. Курганная группа Порывайка // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. С. 78–92.

Дашковский П. К. Культура енисейских кыргызов на Алтае и сопредельных территориях: современные направления исследования // Тюркологический сборник 2009–2010 гг. М. : Восточная литература, 2011. С. 130–151.

Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с.

Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : ИИМК РАН — СПбГУ, 2007. 198 с.

Зиняков Н. М., Илюшин А. М. Поселение Кыргай-1 в Среднем Притомье как памятник эпохи Средневековья // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2017. № 5. С. 35–50.

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.

Мандрыка П. В., Князева Е. В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трассологический анализ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 155–162.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири // Российская археология. 2018. № 2. С. 98–112.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Развитие фортификационных сооружений в южнотаежной зоне Средней Сибири и в Красноярской лесостепи в раннем железном веке и средневековье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 205–211.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Сыродутные горны Нижней Ангары: некоторые итоги изучения // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 110–121.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во ТГУ, 1993. Т. II. 208 с.

Окунева И. В. Кузбасс в начале II тыс. н. э. // Альманах современной науки и образования. 2011. № 4 (47). С. 29–31.

Окунева И. В. Предметы из металла на поселениях Среднего Притомья // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 109–114.

Плац И. А. Археологические находки на памятниках Сухово I и Люскус III в городе Кемерово // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2020. Вып. 11. С. 69–75.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово : КемГУ, 1994. 215 с.

Савинов Д. Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н. э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. С. 77–99.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Сенотрусова П. О. К вопросу о связях средневекового населения Нижнего Приангарья с енисейскими кыргызами // Человек и Север: антропология, археология, экология: материалы Всероссийской конференции. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2015. С. 171–173.

Ширин Ю. В. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2002. С. 41–77.

Ширин Ю. В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2004а. Вып. 6. С. 69–112.

Ширин Ю. В. Древности Среднего Притомья // Очерки истории Кемеровского района. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004б. С. 14–28.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из кузнецкой старины. Новокузнецк : Лотус-Пресс, 2015. Вып. 6. С. 4–75.

REFERENCES

Adamov A. A. *Gorodishcha chatskikh tatar v Novosibirskom Priob'e* [Fortified Settlements of the Chat Tatars in Novosibirsk Ob Region]. *Pamiatniki Novosibirskoi oblasti* [Sites of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. S. 55–61 (in Russian).

Belikova O. B. *O dlitel'nosti prebyvaniia kyrgyzov na Srednem Chulyme. Etnicheskaia istoriia tiurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii (po dannym arkheologii): materialy vserossiiskoi konferentsii* [On the length of stay of the Kyrgyz in the Middle Chulym. Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories (based on archaeological evidence): Proceedings of the All-Russian Conference]. Omsk, 1992. S. 13–19 (in Russian).

Belikova O. B. *Srednee Prichulyum'e v X–XIII vv.* [The Middle Chulyum Region in the 10th–13th Centuries]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 1996. 272 p. (in Russian).

Bobrov V. V. *Poselenie na r. Liuskus (predvaritel'noe soobshchenie)* [Settlement on the Lyuskus River (preliminary report)]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo, 1979. Vol. 10. S. 47–59 (in Russian).

Dashkovskii P. K. *Kul'tura eniseiskikh kyrgyzov na Altae i sopredel'nykh territoriiakh: sovremennye napravleniia issledovaniia* [Culture of Yenisei Kyrgyz in Altai and adjacent territories: modern directions of research]. *Tiurkologicheskii sbornik 2009–2010gg.* [Turkic Studies Collection 2009–2010]. M.: Izdatel'skaia firma “Vostochnaia literatura” RAN, 2011. S. 130–151 (in Russian).

Dashkovskii P. K. *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noi Azii* [The Kyrgyz in Altai in the context of ethnocultural processes in Central Asia]. Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, 2015. 224 p. (in Russian).

Dluzhnevskaya G. V., Savinov D. G. *Pamyatniki drevnosti na dne Tuvinskogo morya* [Sites of antiquity at the bottom of the Tuva Sea]. SPb: IIMK RAN — SPbGU, 2007. 198 p. (in Russian).

Ilyushin A. M. *Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ya Ura* [Mounds of late nomads near the Ur estuary]. Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU, 2012. 188 p. (in Russian).

Mandryka P. V., Knyazeva E. V. Kamennye orudiya srednevekovogo poseleniya Prospikhinskaya Shivera I: funktsional'no-trasologicheskii analiz [Stone tools of the medieval settlement of Prospikhinskaya Shivera I: functional and microwear analysis]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2011. Vol. 10 (3): Arkheologiya i etnografiia. S. 155–162 (in Russian).

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov razvitogo srednevekov'ya yuzhnotaezhnoi zony Srednei Sibiri [Cultural affiliation of developed medieval sites in the southern taiga of Central Siberia]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2018. no. 2. S. 98–112 (in Russian).

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Razvitie fortifikatsionnykh sooruzhenii v yuzhnotaezhnoi zone Srednei Sibiri i v Krasnoiarskoi lesostepi v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Development of fortifications in the southern taiga zone of Central Siberia and in the Krasnoyarsk forest-steppe in the early Iron Age and the Middle Ages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorina, filologina* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2007. Vol. 6 (3): Arkheologiya i etnografiia. S. 205–211 (in Russian).

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Syrodutnye gorny Nizhnei Angary: nekotorye itogi izucheniya [Catalan furnaces of the Lower Angara: some results of the study]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes]. 2021. no. 4. S. 110–121.

Okuneva I. V. Kuzbass v nachale II tys. n. e. [Kuzbass at the beginning of the 2nd millennium A. D.]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. 2011. no. 4 (47). S. 29–31 (in Russian).

Okuneva I. V. Predmety iz metalla na poseleniyakh Srednego Pritom'ia [Objects made of metal in the settlements of the Middle Tom Region]. *Arkheologiya, etnografiya i muzeinoe*

delo. [Archaeology, ethnography and museum work: Collected works of the Department of Archaeology of Kemerovo State University]. Kemerovo, 1999. S. 109–114 (in Russian).

Ozheredov Yu. I., Yakovlev Ya. A. *Arkheologicheskaja karta Tomskoj oblasti* [Archaeological map of Tomsk Region]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 1993. Vol. II. 208 p. (in Russian).

Plats I. A. *Arkheologicheskie nakhodki na pamiatnikakh Sukhovo I i Liuskus III v gorode Kemerovo* [Archaeological finds on the Sukhovo I and Lyuskus III sites in the city of Kemerovo]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomaskaia Pisanitsa"* [Scientific notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"]. 2020. Vol. 11. S. 69–75 (in Russian).

Pletneva L. M. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n. e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob Region at the beginning of the 2nd millennium A. D. (based on archaeological sources)]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 1997. 350 p. (in Russian).

Savinov D. G. *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Yuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya* [States and cultural genesis in South Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: KemGU, 1994. 215 p. (in Russian).

Savinov D. G. *Mogil'nik Kaltyshino I (novye materialy po arkheologii nachala II tys. n. e.)* [Kaltyshino burial ground I (New material on the archaeology of the early 2nd millennium A. D.)]. *Pamiatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoi kotloviny* [Early medieval sites of Kuznetsk Basin]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. S. 77–99 (in Russian).

Savinov D. G., Novikov A. V., Rosliakov S. G. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura)* [Upper Ob Region at the turn of the ages (Basandayka culture)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 2008. 424 p. (in Russian).

Senotrusova P. O. *K voprosu o svyaziakh srednevekovogo naseleniia Nizhnego Priangar'ia s eniseiskimi kyrgyzami. Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferentsii*. [To the relations of the medieval population of the Lower Angara region with the Yenisei Kyrgyz. Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology: Proceedings of the All-Russian Conference]. Tiumen': Izdatel'stvo Instituta problem osvoeniya Severa SO RAN, 2015. S. 171–173 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Drevnosti Srednego Pritom'ia* [Antiquities of the Middle Tom Region]. *Ocherki istorii Kemerovskogo raiona* [Studies on the history of Kemerovo Region]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004b. S. 14–28 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti* [The fortified settlement of Gorodok and its environs in antiquity]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquity]. Novokuznetsk Kuznetskaia krepost', 2004a. Vol. 6. S. 69–112 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Gorodishche Gorodok v Kemerovskom raione* [The fortified settlement of Gorodok in Kemerovo District]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers of the Tom Region]. Kemerovo, 2002. S. 41–77 (in Russian).

Shirin Yu. V. *Materialy arkheologicheskikh razvedok na r. Tomi* [Materials of archaeological surveys on the Tom River]. *Iz kuznetskoi stariny* [From Kuznetsky antiquities]. Novokuznetsk: OOO "Lotus-Press", 2015. Vol. 6. S. 4–75 (in Russian).

Vasyutin A. S., Shirin Yu. V. *Kurgannaya gruppa Poryvaika* [Poryvayka mound group]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers of the Tom Region]. Kemerovo; Gorodok: Kuzbassvuzizdat, 2002. S. 78–92 (in Russian).

Vasyutin A. S., Zinyakov N. M., Onishchenko S. S. Kremirovannoe pogrebenie nachala II tys. n. e. s kuznechnymi instrumentami i soprovoditel'nym zakhoroneniem loshadi na mogil'nike Poryvaika [Cremated burial of the early II millennium AD with blacksmithing tools and the accompanying burial of a horse at the Poryvayka cemetery]. *Altae-Saianskaia gornaia strana i istoriia osvoeniia ee kochevnikami: sbornik nauchnykh trudov* [The Altai-Sayan mountain land and the history of its development by nomads: Collected papers]. Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, 2007. P. 49–53 (in Russian).

Zinyakov N. M., Ilyushin A. M. Poselenie Kyrgyz-1 v Srednem Pritom'e kak pamyatnik epokhi Srednevekov'ia [The Settlement of Kyrgyz-1 in Middle Tom Region as a medieval site]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomaskaia pisanitsa"* [Scientific Notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"]. 2017. no. 5. P. 35–50 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 26.09.2022.

Принята к публикации: 20.12.23.

Дата публикации 03.04.2023.

УДК 94 (516)

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-03

Д. П. Шульга

Сибирский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск (Россия)

П. И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЦАРСТВА ЧЖУНШАНЬ

Изучение царства Чжуншань, которое располагалось в центральной части нынешней провинции Хэбэй Китайской Народной Республики, восточнее гор Тайханшань, началось сравнительно недавно — в 1970–1980-х гг. Многие вопросы формирования, развития и культурной специфики Чжуншань слабо изучены. В данной работе рассматриваются две проблемы, относящиеся к этнокультурным связям этого царства. Несомненный интерес представляет своеобразие обряда захоронения колесниц с лошадьми (чемакэнов) и других жертвенных животных в составе погребально-поминальных комплексов правителей царства Чжуншань и его элиты. Судя по материалам из раскопок Линшоу — столицы Чжуншань в 380–296 гг. до н. э., и могильника Гуйцзюнь, в устройстве чемакэнов Чжуншань прослеживаются специфические черты, отличающие их от чемакэнов, известных в других царствах. При этом в Гуйцзюнь хорошо видны особенности, присущие только захоронениям культуры янлан, выявленной примерно в 800 км к западу. Зафиксированный в Гуйцзюнь обряд устройства жертвенников над черепами упряжных лошадей подтверждает аналогичную трактовку жертвенников в погребениях культуры янлан. В военном деле Чжуншань гармонично сочетались воспринятые в Китае боевые колесницы и степная кавалерия конных лучников.

Симбиоз китайской и степной традиций прослеживается и в изобразительном искусстве этого «полуварварского» царства. В частности, в сценах терзания кошачьим хищником копытных и в образе известной скульптуры крылатого кошачьего хищника из могилы Цо-вана. Существуют как минимум «скифская» и «восточно-эллинистическая» версии его появления. Не исключено и влияние особенностей искусства народа сяньбуй, сохранявшихся вплоть до уничтожения Чжуншань в 296 г. до н. э. Источниковой базой статьи послужили археологические материалы из погребения правителя Цо и других элитных захоронений (часто разграбленных), а также данные нарративных источников, содержащих информацию о Чжуншань.

Ключевые слова: Китай, Чжуншань, культура янлан, межкультурная коммуникация, погребальный обряд, колесницы, скифо-сибирское искусство.

Цитирование статьи:

Шульга Д. П., Шульга П. И. Некоторые вопросы истории царства Чжуншань // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1. С. 44–58. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–03.

D. P. Shulga

Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk (Russia)

P. I. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

HISTORY OF ZHONGSHAN KINGDOM CERTAIN ISSUES

The study of the Zhongshan Kingdom, located in present-day Hebei Province of central-eastern China, began in the 1970s and 1980s and many issues related to its formation, development, and cultural specificity are still poorly understood. This paper examines two specific ethno-cultural aspects of the kingdom: the originality of the “Chemakeng” chariots with horses and other sacrificial animal burials that were part of elite ruler funerals.

Based on materials from the excavation of Linshou, the capital of Zhongshan, and the Guijun burial site dating back to 380–296 BC, the study found that the Zhongshan “Chemakeng” have specific features that distinguish them from chariots known in other kingdoms. However, the Guijun burial site also exhibits features of the Yanglang culture located some 800 km to the west. The ceremony of altar arrangement above the harness horses' skulls recorded in Guijun confirms the similar interpretation of altars in Yanglang culture burials.

In Zhongshan military affairs, Chinese military chariots and steppe horse archers cavalry were harmoniously combined, demonstrating the symbiosis of Chinese and steppe traditions in this “semi-barbarian” kingdom's fine art. For instance, the scenes of predator tormenting the herbivorous animal (“animal combat scene”) and the famous sculpture of the winged cat predator from the Cuo-wang tomb, which has both “Scythian” and “east Hellenistic” versions of its appearance. The art of the Xianyu people also had an influence, which was peculiarly preserved until the destruction of Zhongshan in 296 BC.

The article is based on archaeological materials from Cuo ruler burial and other elite graves (often plundered) and narrative sources containing information about Zhongshan. Overall, this paper sheds light on the unique aspects of the Zhongshan Kingdom's cultural practices and offers insights into the complex interactions between different cultural groups during this period.

Keywords: China, Zhongshan, Yanglang culture, intercultural communication, funeral rite, chariot, Scythian-Siberian art.

For citation:

Shulga D. P., Shulga P. I. History of Zhongshan Kingdom certain issues. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 44–58. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–03

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** alkaddafa@gmail.com.

Шульга Петр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** shulgapi55@yandex.ru.

Shulga Daniil Petrovich, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management — the branch of RANEP, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** alkaddafa@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5820-1743.

Shulga Petr Ivanovich, Candidate of Science (History), senior scientist researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of SD RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** shulgapi55@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5820-1743.

Введение: история вопроса

Царство Чжуншань, памятники которого расположены в провинции Хэбэй в северной части Китая [Ли Сюэцин, Ли Лин, 1979], существовало в V–III вв. до н. э. (рис. 1.-1). Его появление было связано с проникновением с запада в VII в. до н. э. кочевников ди на рубежи Центральной равнины Китая (т. е. ареала «хуася», 华夏) [Комиссаров, 2016; Шульга, 2017а]. В отечественной науке «полуварварское государство», как его часто именуют вслед за нарративными источниками [Комиссаров, Хачатурян, 2016: 826–830; Шульга, Шульга, 2017; Дай Цзяньбин, 2021], ещё слабо изучено. Несколько лучше обстоит дело с англоязычными работами [Loewe, 1985], заметная часть которых создана китайскими исследователями [Wu Xiaolong, 2017; Museum of Shanxi province, Museum of Hebei province, 2015].

Наиболее значимые материалы были получены в ходе масштабных раскопок, проводившихся 1970–1990-х гг. на территории Линшоу — столицы Чжуншань в 380–296 гг. до н. э. (памятник расположен в уезде Пиншань, в 50 км к северо-западу от города Шицзячжуан) [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005]. Там же были найдены чемакэны нескольких типов и предметы искусства, созданные под влиянием скифского звериного стиля. Целенаправленные исследования древних памятников продолжаются. В частности, недавно к северо-востоку от Линшоу, на могильнике Гуцзюнь (уезд Синтан) были обнаружены чемакэны ранее не известного типа, свидетельствующие о сохранении в Чжуншань степных традиций в погребальном обряде [Институт культурных реликвий и археологии провинции Хэбэй, 2021].

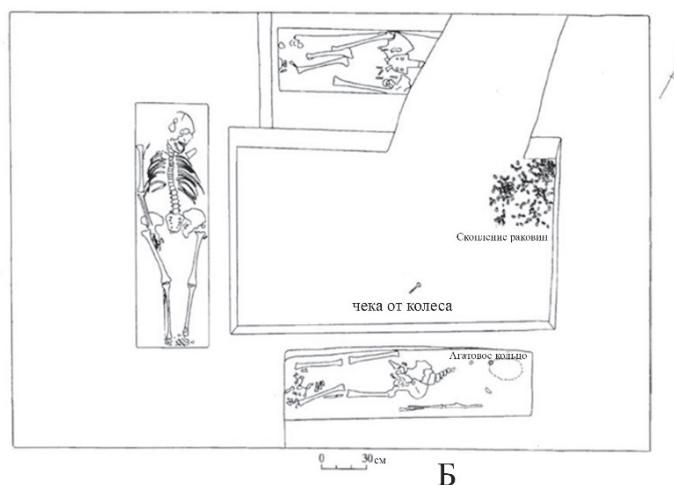
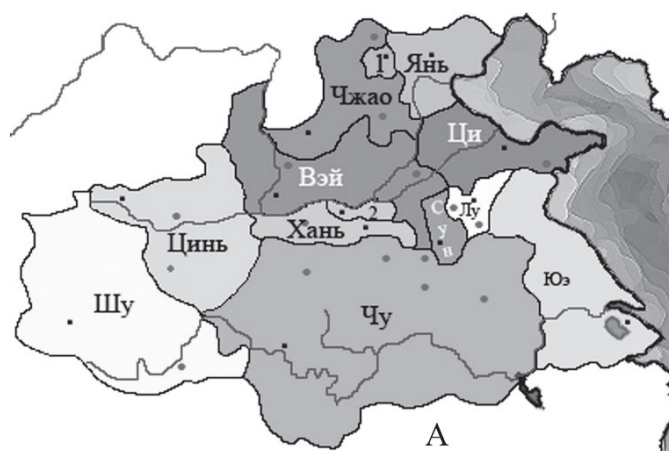

Рис. 1. 1 – китайские царства в кон. V в. до н. э.; 2 – план погребения M8002 [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005: 254]
 Fig. 1. 1 – Chinese kingdoms in the late V century BC; 2 – burial plan M8002 [Hebei Research Institute of Material Culture, 2005: 254]

По данным китайских исследователей, народ сяньюй проживал на месте Линшоу ещё до строительства города Хуань-гуном примерно в 380 г. до н. э. Находки в Гуцзюнь, датируемые ранним Чжаньго (V в. до н. э.), подтверждают это мнение. По всей видимости, данная территория между благоприятными для скотоводов восточными предгорьями Тайханшань и плодородной Великой китайской равнины была освоена народом сяньюй ещё в ходе первой миграции с запада, задолго до воссоздания царства Чжуншань (до 380 г. до н. э.). В это время Чжуншань был почти полностью окружён землями враждебного царства Чжао, граничил на северо-востоке с царством Янь. Неподалёку находились царства Вэй и Ци, неоднократно выступавшие против Чжуншань.

Несмотря на столь сложную ситуацию, воссозданное Хуань-гуном царство Чжуншань почти столетие сохраняло самостоятельность и даже периодически совершало успешные нападения на Янь, Чжао, Вэй и Ци. В конечном итоге Чжуншань было уничтожено в 296 г. до н. э. Однако для этого Чжао потребовалось 10 лет и только после известной реформы Улин-вана (около 307 г. до н. э.), создавшего свою кавалерию конных лучников.

Обсуждение материалов

Находясь внутри китайской системы межгосударственных и культурных¹ взаимоотношений, в полном окружении нескольких китайских царств, Чжуншань, безусловно, имело колесницы. Нарративные источники указывают, что царство принадлежало к категории «способных выставить тысячу колесниц»² [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005: 4; Шульга, 2018: 80]. Не исключено, что в Чжуншань существовали даже особые способы запряжки лошадей, на что указывает изображение³ на бронзовом сосуде из раннего (рубеж V–IV вв. до н. э.) погребения M8101 в Линшоу (рис. 2.-2, 2a).

Раскопки в Линшоу и Гуцзюнь выявили значительное количество ритуальных захоронений лошадей и колесниц в обособленных ямах (чемакэнах), составлявших единые погребально-поминальные комплексы с захоронениями правителей, членов их семей и высшей знати. Имеющиеся данные демонстрируют несколько вариантов захоронения лошадей и колесниц, в том числе в хронологически очень близких в Линшоу. При этом схема их расположения в чемакэнах Цо-вана, Чэн-гуна и на могильнике Гуцзюнь не имеет полных аналогий среди выделяемых в Китае [Wan Xiang, 2013].

В исследованных погребально-поминальных комплексах правителей Чжуншань Чэн-гуна и Цо-вана в Линшоу схема взаиморасположения гробниц и чемакэнов в целом одинакова. Подобная схема и у гробницы Хуань-гуна [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005: рис. 86, 87]. К югу от каждой гробницы устраивалось по два чемакэна, представлявших собой параллельные друг другу узкие и длинные прямоугольные ямы, ориентированные по линии север — юг (рис. 2.-3). Примерные размеры чемакэнов: длина ям — 28–5 м, ширина — 3,5–4 м, глубина — 4–5 м. В южной половине ямы поперёк последовательно в линию укладывалось по 12 лошадей на боку, головами на восток [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005: 188–189, табл. 88]. Северную часть в ямах занимали колесницы (рис. 2.-4). Раздельное расположение колесниц и лошадей практиковалось в разных вариантах на территории Северного Китая с периода Чуньцзу (рис. 3.-5) (VIII — нач. V в. до н. э.) [Wan Xiang, 2013: рис. 13–22], однако аналогичного указанному выше авторам неизвестно.

¹ Именно в «государстве белых ди», видимо, сформировалась традиционная китайская игра в *любо* (шесть палочек) [Комиссаров, 2014].

² Впрочем, данная формула, вероятно, относится скорее не к реальной численности колесничных подразделений, а к экономическому потенциалу, способному их поддерживать. Судя по изысканиям китайских исследователей, хозяйство и военное дело царства Чжуншань было сравнительно развитым [Цао Инчунь, 2011], хотя и уступало крупнейшим государствам эпохи [Ню Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян, 2008].

³ Примечательно, что манера изображения здесь отчасти напоминает таковую на петроглифических памятниках.

Необычным выглядит расположение лошадей и колесниц в одиночных чемакэнах, устроенных к югу от захоронений родственников (?) Чэн-гуна (рис. 2.-3). В сильно разрушенном грабителями чемакэне гробницы М3, южная часть ямы была отведена для лошадей, а северная — для колесниц. Длина ямы около 25 м, ширина — 5 м, глубина — 2,6 м. Лошади располагались поперёк ямы, на боку, головами на запад. По мнению археологов, они составляли две группы по четыре костяка [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005: 233], за которыми обнаружены остатки колесницы (колесниц?).

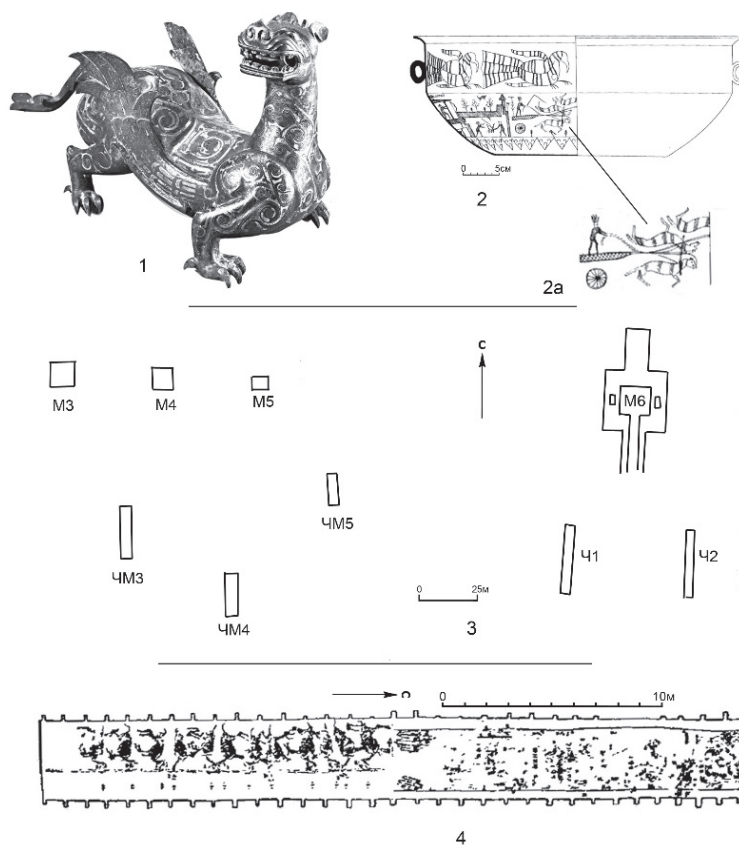

Рис. 2. 1 — бронзовый крылатый тигр из погребения Цю-вана [Шульга, 2017: 60];
 2 — бронзовое блюдо с изображением колесницы и птиц из погребения 8101;
 3 — план участка могильника в Линшоу у гробницы Чэн-гуна (М6)
 [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005: 282];
 4 — план чемакэна № 2 у гробницы Цю-вана [Wan Xiang, 2013: 199].
 Fig. 2. 1 — a bronze winged tiger from the burial of Cuo-wang [Shulga, 2017: 60];
 2 — a bronze dish depicting a chariot and birds from burial 8101;
 3 — a plan of the burial ground in Lingshou at the tomb of Cheng-gong (M6)
 [Hebei Research Institute of Material Culture, 2005: 282];
 4 — chema-keng plan No. 2 at the tomb of Tso-wan [Wan Xiang, 2013: 199]

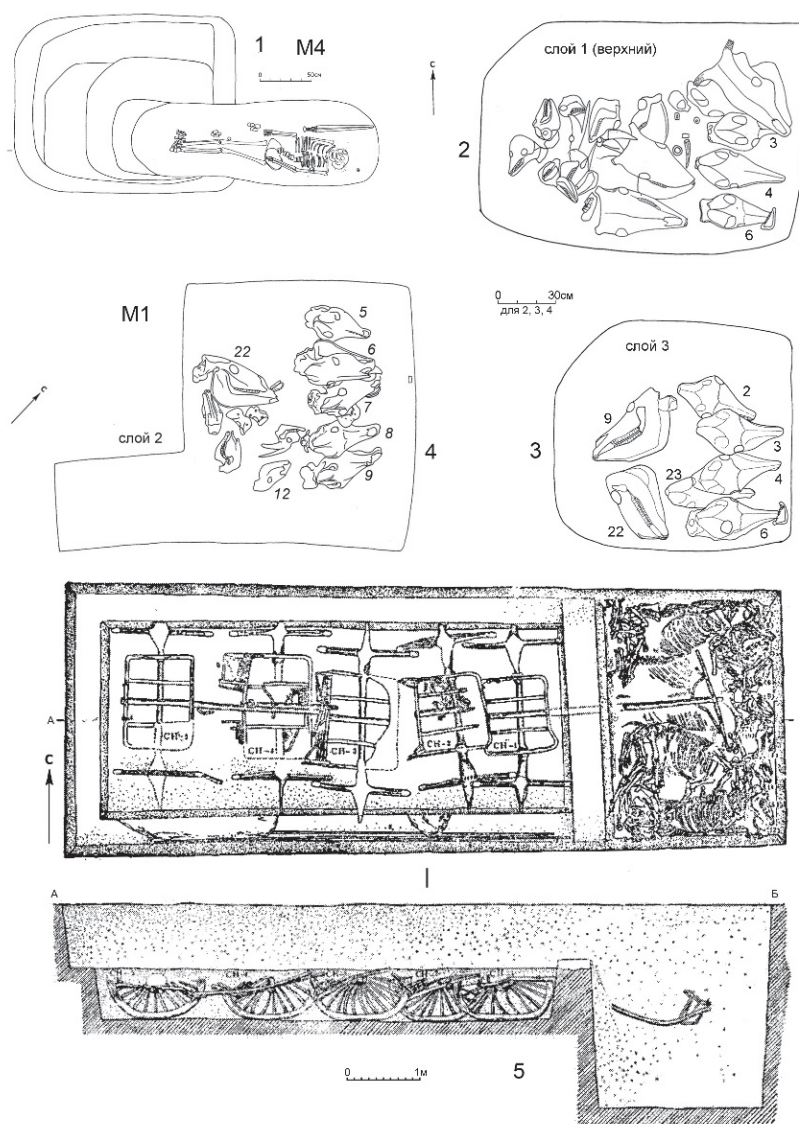

Рис. 3. Могильники Вандаху культуры янлан (1–4) и Шанма (5): 1–3 – планы захоронения воина-колесничего М4 (1) и жертвенника во входной яме с черепами лошадей в нижнем слое (3) [Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, 2016: рис. 2.-48, 2.-49, 2.-51]; 5 – план и разрез чемакэна № 2 из могильника Шанма в провинции Шанси [Wan Xiang, 2013: рис. 17, 18]

Fig. 3. The Yanglan Culture Vandahu burial grounds (1–4) and Shanma (5): 1–3 – burial plans for the M4 charioteer warrior (1) and the altar in the entrance pit with horse skulls in the lower layer (3) [Institute of Archaeology and Cultural Heritage of Ningxia Hui AR, 2016: Fig. 2.-48, 2.-49, 2.-51]; 5 – plan and section of chemakan No. 2 from the Shanma burial ground in Shanxi province [Wan Xiang, 2013: Fig. 17, 18]

Можно предположить, что это остатки двух квадриг, установленных поперёк ямы. Возможно, по указанной причине ширину ямы увеличили до 5 м. В южной части разграбленного чемакэна соседней гробницы М4, по-видимому, также было 8 лошадей, но располагались они иначе. Ближе к середине (первый ряд) головами на север лежало четыре костяка лошадей, как бы запряжённых в колесницу. За ними во втором и третьем рядах находилось по две лошади, как бы запряжённых в колесницы. Не исключено, что в промежутках между лошадьми находились не сохранившиеся колесницы, как это было в чемакэне 1727 могильника Шанцуньлин [Wan Xiang, 2013: рис. 24]. В центральной и северной частях ямы зафиксированы остатки колесниц в виде тлена. Как видим, в чемакэнах при могилах знати в Линшоу северные части ям занимали колесницы, но лошади располагались по разным схемам.

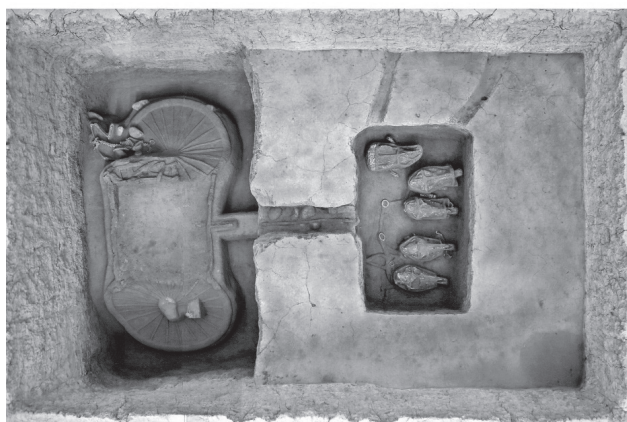

Рис. 4. Общий вид на чемакэн у погребения М40 могильника Гуцзянь после снятия двух слоёв черепов жертвенных животных из правой ямы

Fig. 4. General view of the chemakeng at burial M40 of the Gujian burial ground (after removal of two layers of sacrificial animals' skulls from the right pit)

Наиболее удивительное сочетание разнородных вариантов недавно обнаружено в чемакэне 4, располагавшемся к югу от элитной могилы М58 в Гуцзюнь, датируемой ранним Чжаньго (V в. до н. э.) [Институт культурных реликвий и археологии провинции Хэбэй 2021: 56–57]. В прямоугольной яме, ориентированной по линии запад-восток, размерами 21х4 м, располагались четыре колесницы с четвёрками лошадей, обращённых головами на восток. Самое удивительное оказалось в восточном конце ямы. Там находилась только колесница, дышло которой через узкий проём выходило сквозь грунтовую стенку в соседнюю подквадратную в плане яму. На дне этой ямы рядом с дышлом расчищены не костяки лошадей, а лишь их черепа и копыта, также обращённые на восток. Над черепами этих упряжных лошадей в три слоя располагались черепа жертвенных животных: не менее 37 коров, 28 лошадей и 313 овец. Фактически, данная яма представляет собой заполнение подквадратной в плане входной ямы в могилах культуры янлан (рис. 3.-2–4). Различие лишь в том, что к востоку от черепов лошадей в культуре янлан располагается катакомба с захоронением человека (рис. 3.-1). Подчеркнём,

что яма и лошади в чемакэне 4 ориентированы не на север (обычная ориентация чемакэнов в Китае), а на восток. Нами уже высказывалось предположение, что черепа лошадей в захоронениях на могильнике Вандаху маркировали символическую колесницу с четвёркой лошадей [Шульга, Шульга, 2019]. Данная находка не оставляет сомнений в справедливости такой трактовки.

Описанная конструкция в восточной части чемакэна 4 в «чистом» виде зафиксирована на могильнике Гуцзюнь в малом чемакэне при могиле М40 (рис. 4) [Институт культурных реликвий и археологии провинции Хэбэй, 2021: 72–73]. В западной части там находится колесница с костяком собаки, а в восточной части за грунтовой стенкой — взнузданные черепа пяти лошадей, перекрытых черепами других животных. Из них четыре выделены как упряжные и один обособлен. Подобное расположение зафиксировано и в Вандаху (рис. 3.-3, 4). Обособленный череп мог символизировать запасную или верховую лошадь. Как видим, в погребальном обряде Чжуншань в V до н. э. продолжала существовать степная традиция захоронения черепов колесничных лошадей в одной яме с черепами жертвенных домашних животных. В Гуцзюнь она воплотилась в необычной форме, имеющей аналогии только в культуре янлан. Вместе с тем была заимствована распространённая в северных царствах Китая идея оставления грунтовой стенки, разделяющей колесницы и лошадей (рис. 3.-5). Следует добавить, что при гробницах Цо-вана, предположительно, Хуань-гуна, имелись обособленные ямы с черепами жертвенных животных, как и на могильнике Мацзяюань у элитных погребений культуры янлан. Степные реминисценции видятся и в обычае помещать детали конского снаряжения непосредственно в «рядовые» могилы. Например, в Линшоу детали от колесниц и удила обнаружены в частично разграбленных погребениях М8008 и М8002 (рис. 1.-2).

Выявленные аналогии с культурой янлан, в которой колесничество сочеталось с развитым всадничеством, являются косвенным подтверждением предположения, что «генетически» связанные со скифо-сибирским миром чжуншаньцы наравне с колесницами сохраняли и конницу. Несколько пониженное значение боевых колесниц можно увидеть в погребениях Цо-вана и Чэн-гуна, в чемакэнах которых было всего по 24 лошади и не более десятка колесниц (рис. 2.-4). В то же время в период Сражающихся царств есть захоронения аристократов рангом заметно ниже, где колесниц гораздо больше. Например, на памятнике Цзюляндунь (пров. Хубэй) в яме для колесниц и лошадей найдено 33 колесницы и 72 конских костяка. Одна из колесниц, очевидно, запрягалась шестью лошадьми. Усопший принадлежал лишь к категории «великих мужей» (*дафу* 大夫), т. е. был на несколько ступеней «феодальной лестницы»¹ ниже князя (царя, *вана* 王) Чжуншань. По мнению Вань Сяна, это свидетельствует об отсутствии строгой регламентации количества захораниваемых колесниц для знати определённого ранга [Wan Xiang, 2013: 62]. Данное суждение китайского исследователя можно считать убедительным, но, думается, в случае с Чжуншань играло роль и «северное» происхождение династии. Предки членов союза племён сяньбуй пришли с запада из степных райо-

¹ Есть все основания полагать, что в Восточной Чжоу «феодальная лестница» вполне сложилась и устоялась [Wu Xiaolong, 2017].

нов, и продолжали сохранять свои обычаи. По всей видимости, как и в культуре янлан, в военном деле они продолжали использовать отряды конных лучников. По ряду причин в погребальном обряде степняков Северного Китая и Ганьсу образ всадника, сопровождаемого в мир иной верховой лошадью, не получил однозначного воплощения.

Между тем в расположенных с севера и запада культурах ранних кочевников Евразии верховая лошадь выступала как основа военного дела еще с раннескифского времени. Вместе с искусством в зверином стиле отряды конных лучников проникают с севера на территорию Китая уже в VIII–IX вв. до н. э. На это, в частности, указывает обнаружение двух подпружных (?) пряжек в захоронениях VIII в. до н. э. культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» с изображением двух конных всадников, преследующих зайца [Jianhua Yang, Huiqiu Shao, Ling Pan, 2020: 255, рис. 4.-14–16, 17]. Парадоксально, но достоверных наборов снаряжения верховой лошади с деталями узды и седла с подпругой для IX–III вв. до н. э. в Северном Китае пока не найдено. Изображения верховых лошадей с седлами мы видим лишь в «терракотовой армии» Цинь Шихуанди, отражающей ситуацию во второй половине III в. до н. э. Между тем письменные источники однозначно указывают, что конница и конные лучники в царствах Северного Китая использовались ещё до реформ Улин-вана 307 г. до н. э. в царстве Чжао. Так, в специальном исследовании Ань Чжунъи по данной теме приводятся сведения о наличии в IV в. до н. э. верховых лучников из западных жунов, обитавших в ареале культуры янлан. Вплоть до династии Хань основными воинами-конниками в китайских армиях являлись этнические меньшинства [An Zhongyi, 2002: 35]. Косвенно предполагается, что армия Чжуншань включала значительное количество конных лучников, для нейтрализации которых в 306 г. до н. э. правитель царства Чжао, помимо своих лучников, привлёк и отряды ху. Несмотря на столь значительные силы, Чжао потребовалось 10 лет, чтобы к 295 г. разгромить Чжуншань — малое царство протяжённостью с юга на север всего около 100 км.

«Фронтирное» положение Чжуншань способствовало развитию межкультурной коммуникации [Шульга, 2019]. Интересно, что первые следы греческого влияния в Китае некоторые исследователи из КНР относят к эпохе походов Александра Македонского, приводя в качестве примера статую крылатого кошачьего хищника [Линь Мэйцунь, 2017: 79–81] (масса 26 кг) из погребения Цо-вана (правил ок. 323–310 гг. до н. э.) (рис. 2.-1). Однако, на наш взгляд, доказательств «влиянию искусства Селевкидов», которые увидел в артефакте видный археолог Линь Мэйцунь, недостаточно. Очевидно, что ко времени смерти Цо-вана, являвшегося младшим современником Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.), сам феномен восточно-эллинистического искусства еще не успел сложиться. Не свойственный для долины Хуанхэ облик статуэтки объясняется влиянием скифо-сибирского стиля (особенно учитывая степное происхождение правящей династии Чжуншань) [Шульга, 20176]. «Сцены терзания» и борьбы животных, акцент на естественных движениях являются отличительными особенностями искусства ранних номадов. Элита «белых ди», основавшая Чжуншань как самостоятельный удел, происходила от племён, совершавших набеги в район, ныне составляющий север Шэньси и северо-запад Шаньси, с VII в. до н. э.

Созданная в IV в. до н. э. в культурном пространстве Древнего Китая скульптура крылатого тигра отображает сцену звериного стиля, которая на артефактах куль-

тур раннего железного века появляется только как плоскостное или рельефное изображение на небольших изделиях (в бронзе, золоте, кости, роге, коже, ткани или дереве). В случае с хищником из чжуншаньской гробницы мы видим полноценную объемную скульптуру высотой полметра и массой 26 кг. Изначальное двухмерное изображение, таким образом, в контактной зоне приобретает трехмерную форму (в силу развития металлургических технологий [Цао Инчунь, 2011] и восприятия китайской эстетической традиции).

Заключение

Во второй половине I тыс. до н. э. в Северном Китае происходили сложные этнокультурные процессы [Шульга, 2014]. Они выражались в политических изменениях, синтезе культурных традиций и военных изменениях. Начиная с эпохи бронзы за пределами собственно китайских государств существовало значительное количество раннегосударственных образований. Почти все они располагались на периферии, их правители не входили в состав чжухоу, а население состояло преимущественно из скотоводов (ху, жуны, ди и др.), не относящихся к хуася. Одним из таких образований стало царство Цинь, постоянно расширявшееся в северном и западном направлениях за счёт захвата земель варваров. Соответственно, в его состав входило большое количество некитайского населения. Как и Чжуньшань, Цинь считалось полуварварским государством, но благодаря сильной армии, в которую входила и конница из западных жунов, им удалось подчинить противников и в 221 г. до н. э. создать империю. Падение Чжуншань, окружённого со всех сторон царствами, находившимися в период Чжаньго в непрерывных военных действиях против соседей, было предрешиено. Это полуварварское царство не имело ресурса за счёт расширения границ подобно Цинь, Чжао и Янь. Потому погибло оно одним из первых в 295 г. до н. э. и вскоре было почти забыто.

Раскопки в Линшоу и других местах позволили не только восстановить многие стороны истории и культуры Чжуншань, но и сделали это царство своего рода эталонным примером органичного слияния культуры хуася и пришлого народа сяньюй. Особенности рассмотренного выше погребального обряда и искусства Чжуншань также подтверждают органичное слияние культуры сяньюй с китайской. Специфика их погребального обряда в устройстве чемакэнов и ям для жертвенных животных ярко выражена, что в дальнейшем поможет выделить их в отдельный вариант, а также более уверенно идентифицировать захоронения этой культуры.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–59–23003/21 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дай Цзяньбин. «Летопись» культуры региона Яньчжао в Музее Хэбэй (Китай) // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 128–139.

Комиссаров С. А. Архитекторы и виноделы из племени белых ди // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 10. С. 9–18.

Комиссаров С. А. Самое раннее археологическое свидетельство об игре в лото в древнем Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. 20. С. 191–193.

Комиссаров С. А., Хачатурян О. А. Циньские колесницы // Общество и государство в Китае. 2010. Т. 40, № 1. С. 31–37.

Комиссаров С. А., Хачатурян О. А. Царство Чжуншань // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М., 2016. Т. 20. С. 826–830.

Линь Мэйцунь. 15 лекций об археологии Великого шелкового пути. М. : Международная издательская компания «Шанс», 2017. 375 с.

Шульга Д. П. Геополитическая ситуация на севере Китая в середине V в. до н. э. и роль «скифоидного» царства Чжуншань // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации : материалы III Международной научно-практической конференции и круглого стола. М., 2019. С. 267–273.

Шульга Д. П. Особенности развития погребальной скульптуры и архитектуры ранних кочевников Центральной Азии в условиях китайской культурной среды (на примере царства Чжуншань) // Баландинские чтения. 2017б. Т. 12, № 1. С. 59–62.

Шульга Д. П. Погребения скифоидной общности сяньюй в царстве Чжуншань (V–IV вв. до н. э.) // Шаг в историческую науку : материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2018. С. 80–82.

Шульга Д. П. Проблема определения этнической принадлежности ранних кочевников Северного Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 7. С. 61–67.

Шульга Д. П., Мерзликин А. А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск : Омега-принт, 2016. 147 с.

Шульга Д. П., Шульга П. И. Северокайтайские порубежные царства периода Восточного Чжоу как зона межкультурных контактов // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С. 34–37.

Шульга Д. П., Шульга П. И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 649–656.

Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, Управления по делам культурного наследия уезда Пэнъян. Вандаху юй Цзюлуншань — бэйфан цинтун вэньхуа муди [万达胡和九龙山—北方青铜文化的墓地] Вандаху и Цзюлуншань — могильники культуры северных бронз (в 2 т.). Пекин : Вэнь чубаньшэ, 2016. 842 с.

Институт культурных реликвий и археологии провинции Хэбэй. [数据 车出中山 : 行唐故郡考古发现] Машина данных из Чжуншаня: Археологические открытия в родном городе Синтана. Пекин : Вэнь чубаньшэ, 2021. Т. 1. 202 с.

Ли Сюэцин, Ли Лин. Пиншань сянцзи юй Чжуншаньго шидэ жогань вэньти [李学勤, 李零. 平山三器 与中山国史的若干问题 // 考古学报] Три бронзовых сосуда

из уезда Пиншань и вопросы истории Чжуншань // Каогусюэбао. 1979. № 2. С. 147–170 (на кит. яз.).

Ню Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян. Вэйме Чжуншань чжичжань каолюэ [牛俊法, 陈建强. 魏灭中山之战考略 // 军事历史] Исследование завоевания царства Чжуншань царством Вэй // Военная история. 2008. № 2. С. 46–49 (на кит. яз.).

Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншаньго линшоу чэн. [河北省文物研究所。河北省文物研究所] Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 393 с. (на кит. яз.).

Цао Инчунь. Фэйюэ юй тунбу Чжуншань го цзинци фачжань тедянь фэньси [曹迎春. «飞跃»与«同步»中山国经济发展特点分析//河北师范大学学报] Стремительный скачок и «шаг в ногу» — анализ особенностей экономического развития царства Чжуншань // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2011. Т. 34. № 4. С. 137–140 (на кит. яз.).

Wan Xiang. The Horse in Pre-Imperial China. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2013. 265 p. (in English).

Wu Xiaolong. Exotica in the Funerary Debris in the State of Zhongshan: Migration, Trade, and Cultural Contact. Sino-Platonic Papers. 2004. no. 142. P. 6–12 (in English).

Wu Xiaolong. Material Culture, Power, and Identity in Ancient China. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 243 p. (in English).

An Zhongyi. The Beginning and the Development of Cavalry in Pre-Qin Period. Kaogu yu wenwu. 2002. no. 4. P. 34–39 (in Chinese).

Jianhua Yang, Huiqiu Shao, Ling Pan. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road. Singapore: Springer, 2020. 640 p (in English).

Loewe Michael. The Royal Tombs of Zhongshan (c. 310 B. C.). Arts asiatiques. 1985. V. 40. P. 130–134 (in English).

Museum of Shanxi province, Museum of Hebei province. The Cultural Relics and Art of the Ancient Zhongshan Kingdom. Taiyuan: Shanxi publishing group, 2015. 141 p. (in Chinese).

Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology, Pengyang County Cultural Relics Management Office. Wangdahu and Jiulongshan — Northern Bronze Cultural Cemetery. Beijing: Wenwu chubanshe, 2016. 842 p. (in Chinese).

REFERENCES

Dai Jianbing. “Letopis” kul'tury regiona Yan'chdao v Muzee Hebej (China) [The «Chronicle» of the culture of the Yanchdao region in the Hebei Museum (China)]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier]. 2021, no. 2 (16). P. 128–139 (in Russian).

Komissarov S. A. Arhitektory i vinodely iz plemeni belyh di [Architects and winemakers from the white di tribe]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2016. Vol. 15, no. 10. P. 9–18 (in Russian).

Komissarov S. A. Samoe rannee arheologicheskoe svidetel'stvo ob igre v liubo v drevnem Kitae [The earliest archaeological evidence of the game of lubo in ancient China]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorii* [Problems of archeology,

ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. 2014. Vol. 20. P. 191–193 (in Russian).

Komissarov S. A., Hachaturyan O. A. Cin'skie kolesnitsy [Qin chariots] // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China]. 2010. Vol. 40, no. 1. P. 31–37 (in Russian).

Komissarov S. A., Khachaturian O. A. Tsarstvo Zhunshan' [The Kingdom of Zhongshan]. *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka* [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century]. M., 2016. Vol. 20. P. 826–830 (in Russian).

Lin Meicun. *15 lekcii ob arheologii Velikogo shelkovogo puti* [15 lectures on the archeology of the Great Silk Road]. Moscow: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya "Shans", 2017, 375 p. (in Russian).

Shul'ga D. P. Geopoliticheskaya situatsiya na severe Kitaya v seredine V v. do n. e. i rol' "skifoidnogo" carstva Chzhunsha' [The geopolitical situation in the north of China in the middle of the V century BC and the role of the "Scythoid" kingdom of Zhongshan]. *Social'no-politicheskie i istoriko-kul'turnye aspekty sovremennoi geopoliticheskoi situatsii. Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferentsii i kruglogo stola* [Socio-political, historical and cultural aspects of the current geopolitical situation. Proc. of the III international scientific and practical conference and round table]. Moscow, 2019. P. 267–273 (in Russian).

Shul'ga D. P. Osobennosti razvitiya pogrebal'noi skul'ptury i arhitektury rannih kochevnikov Central'noi Azii v usloviyah kitajskoi kul'turnoi sredy (na primere carstva Chzhunshan') [Features of the development of funerary sculpture and architecture of the early nomads of Central Asia in the conditions of the Chinese cultural environment (on the example of the kingdom of Zhongshan)]. *Balandinskie chteniya* [Balandin readings]. 2017b, Vol. 12, no. 1. P. 59–62 (in Russian).

Shul'ga D. P. Pogrebeniya skifoidnoi obshchnosti syan'yuj v carstve Chzhunshan' (V–IV vv. do n. e.) [Burials of the Xianyu Scythoid community in the kingdom of Zhongshan (V–IV centuries BC)]. *Shag v istoricheskuyu nauku. Materialy XVIII Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodyh uchenyh* [Step into Historical Science. Proc. of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Ekaterinburg, 2018. P. 80–82 (in Russian).

Shul'ga D. P. Problema opredeleniya etnicheskoi prinadlezhnosti rannih kochevnikov Severnogo Kitaya [The problem of determining the ethnicity of the early nomads of Northern China]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2014, Vol. 13, no. 7. P. 61–67 (in Russian).

Shul'ga D. P., Merzlikin A. A. "Vertograd polkovodca" Chzhuge Lyana na styke disciplin ["Vertograd of general" Zhuge Liang on the borders of discipline. Novosibirsk: Omega-print, 2016. 147 p. (in Russian).

Shul'ga D. P., Shul'ga A. A. Severokitajskie porubezhnye tsarstva perioda Vostochnogo Chzhou kak zona mezhkul'turnyh kontaktov [North Chinese borderlands of the Eastern Zhou period as a zone of intercultural contacts]. *Vestnik Muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* [Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals]. 2017, no. 7. P. 34–37 (in Russian).

Shul'ga D. P., Shul'ga P. I. Mogil'nik Vandakhu kul'tury ianlan v Ninsia-Khueiskom avtonomnom raione KNR [The burial ground of the Yanglan Vendahu culture in the Ningxia-Hui Autonomous Region of China]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. 2019, Vol. XXV. P. 649–656 (in Russian).

An Zhongyi. The Beginning and the Development of Cavarly in Pre-Qin Period. *Kaogu yu wenwu*, 2002, no. 4. P. 34–39 (in Chinese).

Jianhua Yang, Huiqiu Shao, Ling Pan. *The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road*. Singapore: Springer, 2020. 640 p. (in English).

Loewe Michael. The Royal Tombs of Zhongshan (c. 310 B. C.). *Arts asiatiques*. 1985, vol. 40. P. 130–134 (in English).

Museum of Shanxi province, Museum of Hebei province. *The Cultural Relics and Art of the Ancient Zhongshan Kingdom*. Taiyuan: Shanxi publishing group, 2015. 141 p. (in Chinese).

Museum of Shanxi province, Museum of Hebei province. *The Cultural Relics and Art of the Ancient Zhongshan Kingdom*. Taiyuan: Shanxi publishing group, 2015. 141 p. (in Chinese).

Wan Xiang. *The Horse in Pre-Imperial China*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2013. 265 p. (in English).

Wu Xiaolong. Exotica in the Funerary Debris in the State of Zhongshan: Migration, Trade, and Cultural Contact. *Sino-Platonic Papers*. 2004, no. 142. P. 6–12 (in English).

Wu Xiaolong. *Material Culture, Power, and Identity in Ancient China*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 243 p. (in English).

Institut arkheologii i kul'turnogo nasledii Ninsia-Khueiskogo AR, Upravleniia po delam kul'turnogo nasledii uezda Pen'ian. *Vandakhu i Tszulunshan' — mogil'niki kul'tury severnykh bronz (v 2 t.)* [Vandahu and Jiulongshan — burial grounds of the Northern Bronze culture (in 2 vol.)]. Beijing: Wenu chubanshe, 2016. 842 p. (in Chinese).

Institut kul'turnykh relikvii i arkheologii provintsii Khebei. *Mashina dannykh iz Chzhunshania: Arkheologicheskie otkrytiia v rodnom gorode Sintana* [The Data Machine from Zhongshan: Archaeological discoveries in Xingtang's hometown]. Beijing: Wenu chubanshe, 2021, vol. 1. 202 p. (in Chinese).

Li Xueqin, Li Lin. Three bronze vessels from Pingshan County and the history of Zhongshan. *Caoguxuebao*. 1979, no. 2. P. 147–170 (in Chinese).

Niu Junfa, Chen Jianqiang. A study of the conquest of the Kingdom of Zhongshan by the Kingdom of Wei. *Voennaia istoriia* [Military history]. 2008, no. 2. P. 46–49 (in Chinese).

Hebei Research Institute of Material Culture. *Lingshou City of the Zhongshan Kingdom of the era of the Battling Kingdoms*. Beijing: Wenu chubanshe, 2005. 393 p. (in Chinese).

Tsao Yingchun. A rapid leap and a “step in step” — the analysis of the features of the economic development of the kingdom of Zhongshan. *Zhurnal Khebeiskogo pedagogicheskogo universiteta* [Hebei Pedagogical University journal]. 2011, vol. 34, no. 4. P. 137–140 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 17.10.2022.

Принята к публикации 25.02.2023.

Дата публикации 03.04.2023.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-04

Н. Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);

М. А. Демин

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

С. С. Радовский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

К ВОПРОСУ О «НЕСТАНДАРТНОЙ» ОРИЕНТИРОВКЕ В ТРАДИЦИЯХ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА КАРБАН-I)

Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации кургана № 3 некрополя Карбан-I. Данный комплекс, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, частично исследован в 1989–1990 гг. экспедицией Барнаульского государственного педагогического университета (ныне Алтайский государственный педагогический университет). В ходе раскопок кургана № 3, локализованного в западной части памятника, выявлено захоронение человека в каменном ящике. Отличительной характеристикой данного погребения, а также нескольких других раннескифских объектов некрополя Карбан-I является ориентировка умершего в восточный сектор горизонта, совершенно не типичная для традиций кочевников региона рассматриваемого периода. Установлено, что обозначенные комплексы демонстрируют высокую степень близости с захоронениями кара-кобинской группы (типа) пазырыкской культуры. Таким образом, материалы раскопок памятника Карбан-I актуализируют остающийся практически не исследованным комплекс вопросов, связанных с изучением истории населения Алтая между раннескифским и скифо-сакским временем, в том числе с проблемой преемственности общностей кочевников этих периодов.

Ключевые слова: Алтай, раннескифское время, скифо-сакский период, погребение, ориентировка, хронология, обрядовая практика.

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. К вопросу о «нестандартной» ориентировке в традициях погребальной обрядности населения Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1. С. 59–73. DOI: 10.14258/nreur(2023)1-04.

N. N. Seregin

---

*Altai State University, Barnaul (Russia);***M. A. Demin**

---

*Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia);***S. S. Radovskiy**

Altai State University, Barnaul (Russia)

TO THE QUESTION ABOUT “NON-STANDARD” ORIENTATION IN THE TRADITIONS OF FUNERAL RITES OF ALTAI POPULATION IN THE EARLY SCYTHIAN PERIOD (BY THE MATERIALS OF THE KARBAN-I COMPLEX)

The article aims to present a cultural and chronological interpretation of mound No. 3 in the Karban-I necropolis, located in the Chemal district of the Altai Republic. The complex was partially excavated by the Barnaul State Pedagogical University in 1989–1990. Mound No. 3, situated in the western part of the site, contained a human burial in a stone box. One of the notable features of this burial, and several other objects from the Early Scythian period in the Karban-I necropolis, is the unusual orientation of the deceased person towards the eastern horizon. This is atypical for the nomadic traditions of the region during the period in question.

The excavation materials reveal a high degree of similarity between the Karban-I necropolis and the burials of the Kara-Koba group of the Pazyryk culture. This raises questions about the history of the Altai population between the Early Scythian and Scythian-Saka periods, including the continuity of the nomadic communities. These issues remain largely unexplored, making the Karban-I site an important source of information for researchers.

Keywords: Altai, early Scythian period, Scythian-Saka period, burial, orientation, chronology, ritual practice.

For citation:

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S. To the question about «non-standard» orientation in the traditions of funeral rites of Altai population in the early scythian period (by the materials of the Karban-I complex). *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 59–73. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–04.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).
Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** mademin52@mail.ru.

Радовский Святослав Сергеевич, младший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** radovskiy1996@mail.ru.

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University; Barnaul city (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru

Demin Mikhail Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of Altai State Pedagogical University; Barnaul city (Russia). **Contact address:** mademin52@mail.ru.

Radovsky Svyatoslav Sergeevich, Junior Researcher of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, postgraduate student of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University; Barnaul city (Russia). **Contact address:** radovskiy1996@mail.ru.

Введение

Ориентировка тела умершего человека в определенную сторону света является одной из ключевых характеристик погребальной обрядности многих обществ древности и Средневековья. Приданию покойным конкретного направления уделялось особое внимание в соответствии с различными представлениями — к примеру, о том, что усопшему необходимо «указать» путь в загробный мир. Изучение многочисленных археологических и этнографических данных позволяет предположить связь ориентировки погребенных с движением небесных светил, географическими объектами (горой, рекой), легендарной прародиной, локализацией поселений, особенностями планировки конкретного некрополя и т. д. [Генинг В. В., Генинг В. Ф., 1985: 136; Кулемзин, 1994: 413–419; Шилов, 1995: 71–80; Кирюшин, Тишкин, 1997: 49–50; Подосинов, 1999: 575–583].

Отражая различные аспекты мировоззренческих представлений, ориентировка умерших выступает также важным культурно-диагностирующим признаком в рамках анализа и интерпретации археологических материалов. При этом особый интерес представляет рассмотрение «нестандартных» направлений покойных по сторонам света, фиксируемых в ходе раскопок памятников конкретных общностей. В настоящей статье представлен опыт изучения случаев ориентировки погребенных головой на восток, совершенно не характерных для населения Алтая раннескифского времени. Основой для исследования выступили материалы раскопок некрополя Карбан-1 в Северном Алтае, наглядно демонстрирующие вариативность традиций кочевников рассматриваемого периода.

Характеристика источников

Разновременный погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен на левом берегу Катуня, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюз Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Объекты раннескифского времени составляют вторую по численности группу сооружений данного памятника, частично исследованного в 1989–1990 гг. участниками археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического института (ныне — Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина. Курганы и ритуальные конструкции обозначенного периода локализованы, главным образом, в западной и центральной частях комплекса.

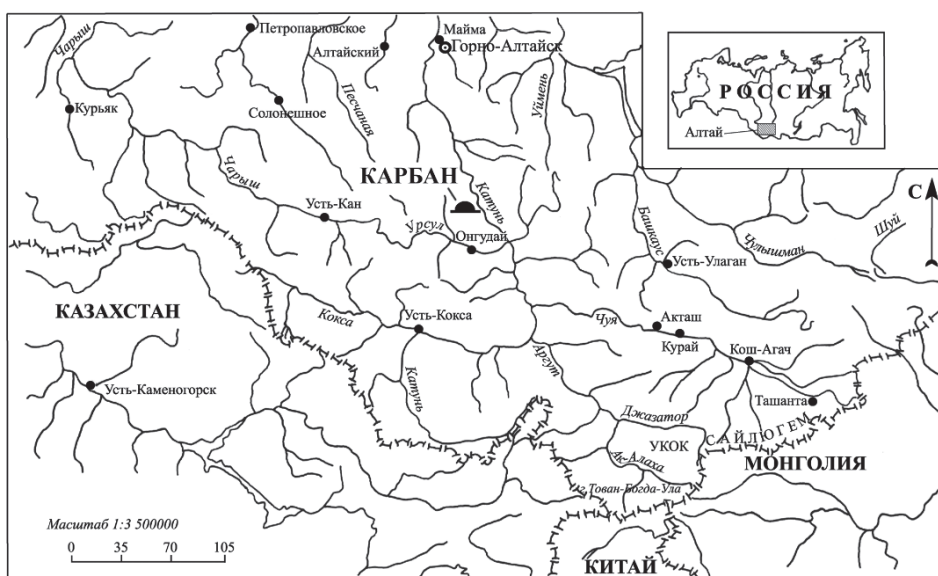

Рис. 1. Место расположения комплекса Карбан-I

Fig. 1. Location of the Karban-I complex

Курганы № 3, 8 и 26, в ходе раскопок которых отмечена восточная ориентировка умерших, обнаружены у подножия горы, ограничивающей долину с запада, и визуально составляют единую цепочку сооружений. Информация об этих объектах уже неоднократно использовалась в научной литературе. Результаты исследования кургана № 8 введены в оборот [Серегин, Демин, Радовский, 2022: 341–347]. Материалы раскопок объекта № 26 использовались при характеристике различных аспектов истории населения Алтая раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997: 65, рис. 37.-1; Ковалев, 1998: 25; Шульга, 2008: 21–22, рис. 53.-17], хотя очевидно, что требуется полноценная публикация этого неординарного комплекса. Далее представлена подробная характеристика кургана № 3.

Рассматриваемый объект выявлен у подножия горы, между курганами № 1 и 2. До начала раскопок он имел вид слабо выраженной возвышенности диаметром 3,5–4 м, покрытой мелким кустарником и травой, сквозь которые проступали несколько галеч-

ных валунов и пара плит. Расчистка этого сооружения позволила выявить наземную конструкцию в виде небольшой наброски, состоявшей в основном из уложенных плашмя рваных скальных плит (средний размер 50×20×8 см) и отдельных речных валунов (до 40×35×10 см). В южной части насыпи лежала скальная глыба 70×60×30 см, в центре — плита 75×65×15 см. Насыпь кургана № 3 имела округлую форму с «выступом» в северной части. Диаметр конструкции, сложенной в два-три слоя камней, составил 3,5 м, высота — 0,2–0,25 м (рис. 2; 3.-1).

Рис. 2. Карбан-1, курган № 3. Вид с северо-запада на наземную конструкцию после зачистки
Fig. 2. Karban-1, barrow No. 3. View from the northwest of the above-ground structure after stripping

Под слоем камней была обнаружена плечевая кость ребенка. Эту находку сложно интерпретировать, так как погребение взрослого человека в кургане № 3 не потревожено, никаких других следов детского захоронения не выявлено. После снятия камней в центре кургана зафиксировано пятно могильной ямы, заложеной сверху шестью плитами толщиной 8–15 см. Под ними зафиксированы второй и третий слои плит, перекрывавших каменный ящик. Данная погребальная камера сложена из пяти вертикально установленных крупных плит (рис. 4).

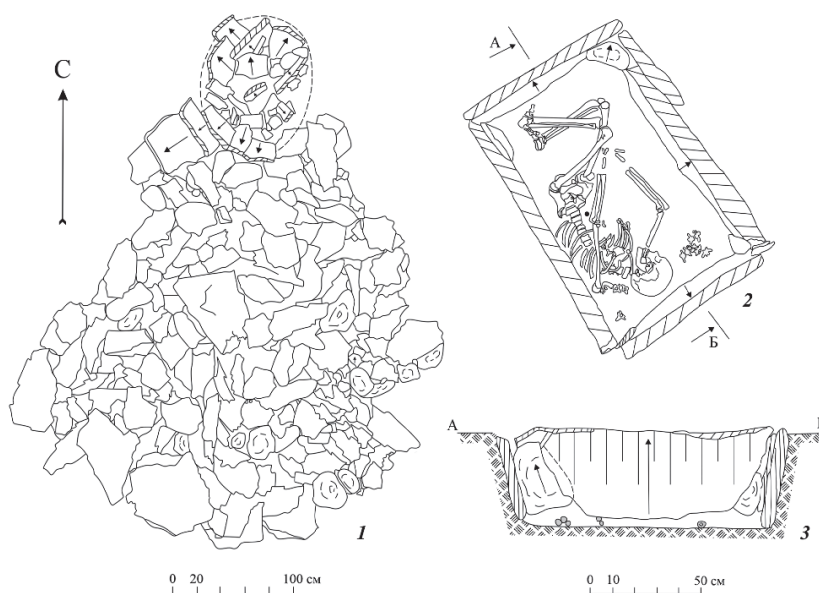

Рис. 3. Карбан-1, курган № 3. План наземной конструкции (1),
план и разрез погребения (2, 3)

Fig. 3. Karban-I, barrow No. 3. Press the buttons (1), buttons and buttons (2, 3)

Рис. 4. Карбан-1, курган № 3. Вид с юго-запада на каменный ящик, перекрытый плитами
Fig. 4. Karban-I, barrow No. 3. View from the southwest of a stone box covered with slabs

При разборке наземного сооружения в юго-восточном секторе размеры ящика, слегка расширяющегося в районе головы погребенного человека и более узкого в районе ног, составили 1,30×0,8 м, высота — до 0,5 м. Рассматриваемая конструкция ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Дно ящика зафиксировано на глубине 0,8 м от уровня древней поверхности.

В каменном ящике была захоронена женщина, умершая в возрасте 45–50 лет (рис. 3.-2, 3; 5). Погребенная уложена в скорченном положении на правом боку и ориентирована головой на юго-восток. Скелет находился в анатомическом порядке. Потревоженной оказалась только шейная область: позвонки были вывернуты и раскиданы в южном углу ящика, очевидно, грызунами. Левая рука умершей выпрямлена и вытянута к левому колену, правая согнута в локте таким образом, что кисть также находилась у левого колена.

В восточном углу ящика перед черепом погребенной обнаружены пять позвонков и крестец молодой овцы. При расчистке костей животного, а также у левого локтя умершей женщины встречены несколько мелких фрагментов угля. Предметы сопроводительного инвентаря в могиле не выявлены.

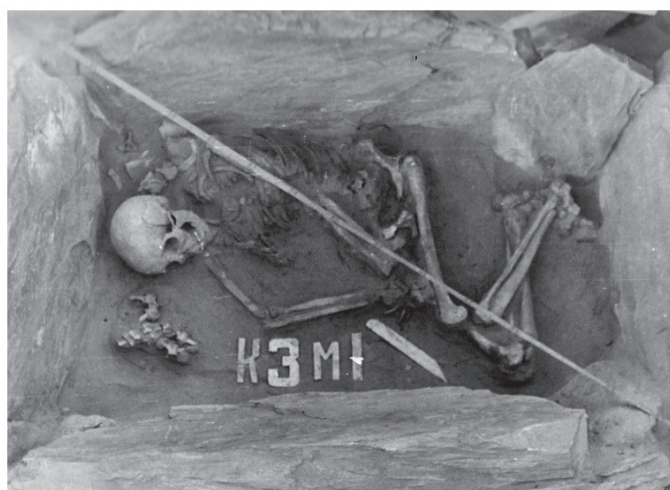

Рис. 5. Карбан-1, курган № 3. Погребение в каменном ящике

Fig. 5. Karban-1, barrow No. 3. Burial in a stone box

Анализ и интерпретация материалов

Основой для культурно-хронологической атрибуции кургана № 3 некрополя Карбан-1 выступают зафиксированные элементы погребального обряда. При этом следует признать, что они демонстрируют довольно своеобразную ситуацию. С одной стороны, ряд черт определяет принадлежность рассматриваемого объекта к комплексам бийкенской археологической культуры. К таковым относятся локализация кургана № 3 в группе раннескифских захоронений, погребальная камера в виде каменного ящика, а также скорченность костяка. Дополнительным аргументом являются результаты радиоуглеродного анализа, свидетельствующие о времени сооружения комплекса в рамках второй половины VIII–VI вв. до н. э.¹ Вместе с тем ряд черт кургана № 3 (наличие могильной ямы, положение умершего на правом боку, ориентировка в юго-восточный

¹ Полученные результаты радиоуглеродного анализа серии образцов из объектов раннескифского времени некрополя Карбан-1 требуют подробного рассмотрения в отдельной статье.

сектор горизонта и сопровождение человека заупокойной пищей) более характерны для объектов кара-кобинской группы (типа) памятников пазырыкской культуры [Суразаков, 1989: 124–129]. Отличия от последних, зафиксированные в материалах раскопок публикуемого объекта, заключаются в небольшой глубине могилы, а также в отсутствии керамической посуды, обычно помещаемой в захоронения скифо-сакского периода [Суразаков, 1989: 124–129].

Наиболее «нестандартной» характеристикой обряда в контексте традиций населения Алтая раннескифского времени является ориентировка умерших головой в восточный сектор горизонта, отмеченная при исследовании курганов № 3, 8 и 26 некрополя Карбан-I. Согласно сведениям, приведенным Ю. Ф. Кирюшиным и А. А. Тишкиным [1997: 51], в ходе раскопок из 144 объектов рассматриваемого периода в Горном Алтае направление погребенного на восток зафиксировано только в одном случае. Несколько чаще, но также единично, встречены отклонения от восточного направления к северу [Абдулганеев, 1994: 37; Могильников, Суразаков, 1997: 137; Марсадоллов, 2001: 8, рис. 24] или к югу [Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985: 164; Степанова, 1996: 64; Кирюшин, Тишкин, 1997: 35]. Столь же редко достоверно зафиксировано положение умершего человека на правом боку — в семи из 65 анализируемых объектов [Кирюшин, Тишкин, 1997: 52]. При этом в шести известных нам случаях данный показатель сопровождался ориентировкой, имеющей отклонение от меридионального направления к востоку [Абдулганеев, 1994: 37; Степанова, 1996: 64; Кирюшин, Тишкин, 1997: 35]. По погребальному обряду данные комплексы являются наиболее близкими рассматриваемым курганам № 3, 8 и 26 некрополя Карбан-I.

В рамках интерпретации отмеченной «нестандартной» ориентировки обратимся к материалам раскопок синхронных памятников на сопредельных территориях. Кочевники раннескифского времени Тувы погребали умерших головой в основном на северо-запад и запад [Грач, 1980: 25; Савинов, 2002: 84], то есть таким же образом, как и основная масса носителей бийкенской культуры. Судя по имеющимся материалам раскопок археологических памятников первой половины I тыс. до н. э., ориентировка в западный сектор горизонта характерна также для населения Монголии (с отклонением к северу) и Минусинской котловины (с отклонением к югу) [Вадецкая, 1986: 83; Волков, 1990: 8; Савинов, 2002: 13–14, 17].

Для культуры населения Верхнего Приобья переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку также не характерна ориентировка в восточный сектор горизонта. Из 145 погребений двух самых полно раскопанных комплексов только в 16 случаях зафиксирована ориентировка на восток с отклонениями [Папин, 2008: 147]. Для представителей данной общности преобладающим являлось направление умерших головой на юго-запад [Грязнов, 1956: 68; Фролов, 2008: 146–147].

Скотоводы майэмирской культуры северо-западных предгорий Алтая и Восточного Казахстана, а также носители тасмолинской культуры Центрального и Северного Казахстана, как правило, погребали умерших головой в северный, реже — в западный сектор горизонта [Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992: 132; Хабдулина, 1994: 23; Шульга, 2008: 16]. Для саков Семиречья, Приаралья и других территорий характерна, главным образом, ориентировка на запад с отклонениями (реже север, северо-во-

сток и др.) [Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992: 37, 65, 76, 87, 103]. В материалах Памира рассматриваемого периода, напротив, системно фиксируется и восточное направление в сочетании со скорченной позой умерших [Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992: 96–97].

Территорией, примыкающей к Алтаю, на которой также обнаружены захоронения раннескифского времени с восточной ориентировкой, является Синьцзян. В частности, при изучении материалов могильника Янхай выделены несколько типов погребений, для которых характерно направление умерших головой на юго-восток [Шульга, 2010: 48–50]. В остальном, не считая скорченного положения захороненных людей, погребальный обряд населения Синьцзяна не похож на ритуальную практику бийкенской культуры. При этом нельзя определенно исключать контакты рассматриваемых общностей, учитывая имеющиеся свидетельства взаимодействия населения обозначенных регионов в скифо-сакское время [Полосьмак, 1998: 337–342; Комиссаров, 2011: 128].

Очевидным представляется сходство характеристик погребального обряда, выявленных в ходе раскопок ряда объектов некрополя Карбан-I (захоронение человека в каменном ящике скорченно на правом боку; ориентировка головой в восточный сектор горизонта; наличие костей животных в могиле) с материалами кара-кобинской группы (типа) памятников скифо-сакского времени [Могильников, 1988: 71–75; Степанова, 2003: 484–486; Кубарев, Шульга, 2007: 12–13]. Комплексы с неглубокими могилами, схожие по ряду характеристик с курганами № 3 и 8, рассматривались А. С. Суразаковым [1983: 42–44] при обосновании выделения кара-кобинской культуры. К таким погребениям обозначенный исследователь отнес и явно раннескифский курган № 6 некрополя Кызык-Телань-I [Суразаков, Тишкин, 2007: 14–15, 50–51]. При этом в более поздних работах археолога этот объект не упоминается среди материалов кара-кобинской культуры [Суразаков, 1989: 152–153]. Примечательно, что данный курган обозначен П. И. Шульгой [2008: 12] как переходный от бийкенской культуры к комплексам кара-кобинского типа. Возможно, именно в таком контексте следует рассматривать отдельные объекты некрополя Карбан-I.

Заключение

Публикуемые в настоящей статье материалы кургана № 3 некрополя Карбан-I, а также некоторые другие объекты данного памятника демонстрируют довольно высокую степень близости с комплексами кара-кобинской группы (типа) пазырыкской культуры Алтая скифо-сакского времени. К показательным характеристикам обряда в этом плане следует отнести каменный ящик из плит, заглубленных в материк; положение умершего на правом боку; ориентировка головой в восточный сектор горизонта; наличие костей животных (остатки тризны, заупокойная пища) и др. Вместе с тем, судя по другим признакам погребальной практики, а также принимая во внимание имеющиеся результаты радиоуглеродного датирования, обозначенные объекты некрополя Карбан-I, безусловно, относятся к раннескифскому периоду. Наибольшее сходство они демонстрируют с курганами бийкенской археологической культуры [Абдулганеев, 1994: 37; Степанова, 1996: 64; Кирюшин, Тишкин, 1997: 35]. При этом отдельные комплексы, рассматриваемые как «переходные» или ранние пазырыкские (кара-кобинские) [Мо-

гильников, 1988: 66, 71–72; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003: 45, 108, рис. 22.-II; Кирюшин, Степанова, 2004: 116; Шульга, 2008: 12] также весьма близки рассматриваемым захоронениям. В связи с этим обратим внимание на предположение В. А. Могильникова [1986: 38–39, 50, 52–53] о формировании «кара-кобинской культуры» на основе одной из групп «майэмирской культуры» Горного Алтая раннескифского периода. Таким образом, материалы раскопок некрополя Карбан-I актуализируют остающийся практически не исследованным комплекс вопросов, связанных с изучением истории населения Алтая между раннескифским и скифо-сакским временем, в том числе с проблемой преемственности общностей кочевников этих периодов. Одним из наиболее четких проявлений возможной связи является восточная ориентировка умерших, фрагментарно фиксируемая в отдельных «нестандартных» объектах VIII–VI вв. до н. э. и получившая наибольшее распространение в традициях населения пазырыкской культуры.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023–0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М. Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.

Волков В. В. Центральная Азия и скифо-сибирская проблема : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 26 с.

Генинг В. В., Генинг В. Ф. Метод определения традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев : Наукова думка, 1985. С. 136–152.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : ГРВЛ, 1980. 256 с.

Грязнов М. П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 256 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Ковалев А. А. Каменные изваяния Чёрного Иртыша (ещё раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 24–29.

Комиссаров С. А. Культуры Чауху — центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) // *Terra Scythica*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 121–129.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кулемзин В. М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у населения Западной Сибири в XVIII–XX вв. // *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Мир реальный и потусторонний*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. II. С. 334–383, 393–422.

Марсадалов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае // *Материалы СААЭ ГЭ*. СПб. : ГЭ, 2001, вып. 4. 184 с.

Мартынов А. И., Кулемзин А. М., Мартынова Г. С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // *Алтай в эпоху камня и раннего металла*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 147–172.

Могильников В. А. Курганы Кер-Кечу // *Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая*. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 60–107.

Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // *Материалы по археологии Горного Алтая*. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 35–67.

Могильников В. А., Суразаков А. С. Раскопки Второго Сальдьярского могильника // *Источники по истории Республики Алтай*. Горно-Алтайск : ГАИГИ, 1997. С. 126–144.

Папин Д. В. Погребальный обряд Бобровского грунтового могильника и некоторые вопросы хронологии переходного времени от бронзы к железу на Верхней Оби // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4 (60). С. 147–150.

Подосинов А. В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М. : Языки русской культуры, 1999. 720 с.

Полосьмак Н. В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 4. С. 337–343.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб. : СПбГУ. 2002. 204 с.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Погребение раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. Вып. XXVIII. С. 341–347.

Степанова Н. Ф. К вопросу о кара-кобинской культуре скифского времени Горного Алтая // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 484–487.

Степанова Н. Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // *Погребальный обряд древних племен Алтая*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 54–69.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. 493 с.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1989. 214 с.

Суразаков А. С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 42–52.

Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс, 1994. 170 с.

Шилов Ю. А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев : СИНТО, 1995. 744 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул : Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010. 238 с.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. *Maiemirskie kurgany Boitygema* [Mayemir burial mounds of Boitogem]. *Arkheologiya Gornogo Altaia* [Archeology of Gorny Altai]. Barnaul: Altai University Press, 1994. P. 37–43 (in Russian).

Frolov Ia. V. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia Barnaul'skogo Priob'ia v VI v. do n. e. — II v. n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of Barnaul Ob in the VI century. BC. — II century AD (according to soil burial grounds)]. Barnaul: Azbuka, 2008. 479 p. (in Russian).

Gening V. V., Gening V. F. *Metod opredelenija tradicij orientirovok pogrebennykh po storonam gorizonta* [Method for determining the orientations of orientations buried along the horizon] // *Arheologija i metody istoricheskikh rekonstrukcij* [Archeology and methods of historical reconstruction]. Kiev: Naukova dumka, 1985. P. 136–152 (in Russian).

Grach A. D. *Drevnie kochevniki v centre Azii* [Ancient nomads in the center of Asia]. Moscow: Nauka, 1980. 256 p. (in Russian).

Grjaznov M. P. *Istorija drevnih plemjon Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village. Bolshaya Rechka]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1956. 256 p. (in Russian).

Khabdulina M. K. *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty: Rakurs, 1994. 170 p. (in Russian).

Kiryushin Iu. F., Stepanova N. F. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Chast' III: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednej Katuni* [Stepanova N. F. Scythian era of Gorny Altai. Part III: Funeral complexes of the Scythian time of the Middle Katun]. Barnaul: Altai University Press, 2004. 292 p. (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Stepanova N. F., Tishkin A. A. *Skifskaja epokha Gornogo Altaia. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoj kul'tury* [Scythian era of Gorny Altai. Part

EE: Burial and memorial complexes of the Pazyryk culture]. Barnaul: Altai University Press, 2003. 234 p. (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Tishkin A. A. *Skifskaja epokha Gornogo Altaia. Chast' I. Kul'tura naseleniia v ranneskifskoe vremia* [Scythian era of Gorny Altai. Part I. Culture of the population in the early Scythian time]. Barnaul: Altai University Press, 1997. 232 p. (in Russian).

Kovalev A. A. Kamennye izvaianiia Chernogo Irtysha (eshche raz o dzhungarskoi prarodine skifov) [Stone statues of the Black Irtysh (once again about the Dzhungarian ancestral home of the Scythians)] // *Skify. Khazary. Slaviane. Drevniaia Rus'* [Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Rus']. Saint Petersburg.: State Hermitage Press, 1998. P. 24–29 (in Russian).

Komissarov S. A. Kul'tury Chaukhu — Tsentral'naia kul'tura skifskoi epokhi na territorii Sin'tsiana (KNR) [Chaochu cultures — the Central culture of the Scythian era in Xinjiang (PRC)]. “*Terra Scythica*” [“Terra Scythica”]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2011. P. 121–129 (in Russian).

Kubarev V. D., Shul'ga P. I. *Pazyrykskaia kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (kurgans Khui and Ursula)]. Barnaul: Altai University Press, 2007. 282 p. (in Russian).

Kulemzin V. M. *Obrjady perevoda iz real'nogo mira v potustoronnij u naselenija Zapadnoj Sibiri v XVIII–XX vv.* [Rites of transfer from the real world to the other world among the population of Western Siberia in the KhVIII–XX centuries.] *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri*. P. II: Mir real'nyj i potustoronnij [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. P. I: The real and otherworldly world]. Tomsk: Tomsk University Press, 1994. P. 334–383, 393–422 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Kompleks pamiatnikov v Semisarte na Altae* [Complex of monuments in Semisart in Altai]. Saint Petersburg: GE, 2001. 184 p. (in Russian).

Martynov A. I., Kulemzin A. M., Martynova G. S. Raskopki mogil'nika u poselka Aktash v Gornom Altae [Excavations of the burial ground near the village of Aktash in Gorny Altai]. *Altai v epokhu kamnia i rannego metalla* [Altai in the era of stone and early metal]. Barnaul: Altai University Press, 1985. P. 147–172 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Kurgany Ker-Kechu [Mounds of Ker-Kechu]. *Problemy izucheniya kul'tury naseleniya Gornogo Altaya* [Problems of studying the culture of the population of Gorny Altai]. Gorno-Altajsk: GANIIYAL, 1988. P. 60–107 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Nekotorye aspekty etnokul'turnogo razvitiya Gornogo Altaya v rannem zheleznom veke [Some Aspects of the Ethnocultural Development of the Altai Mountains in the Early Iron Age]. *Materialy po arheologii Gornogo Altaya* [Materials on the archeology of Gorny Altai]. Gorno-Altajsk: GANIIYAL. 1986. P. 35–67 (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Surazakov A. S. Raskopki Vtorogo Sal'diarskogo mogil'nika [Excavations of the Second Saldiar burial ground]. *Istochniki po istorii Respubliki Altai* [Sources on the history of the Altai Republic]. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskii institut gumanitarnykh issledovanii, 1997. P. 126–144 (in Russian).

Papin D. V. Pogrebal'nyi obriad Bobrovskogo gruntovogo mogil'nika i nekotorye voprosy khronologii perekhodnogo vremeni ot bronzy k zhelezu na Verkhnei Obi [The funeral rite of the Bobrovsky soil burial ground and some questions of the chronology of the transitional time from bronze to iron on the Upper Ob]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. 2008. no 4–2 (60). P. 147–150 (in Russian).

Podosinov A. V. *Ex oriente lux! Orientacija po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation around the world in archaic cultures of Eurasia]. Moscow: Izd-vo Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 720 p. (in Russian).

Polos'mak N. V. Pazyrykskie analogii v mogilakh Sin'tsziana [Pazyryk analogies in the graves of Xinjiang]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998. Vol. 4. P. 337–343 (in Russian).

Savinov D. G. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia. Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез* [Early nomads of the Upper Yenisei. Archaeological cultures and cultural genesis]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2002. 204 p. (in Russian).

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskij S. S. Pogrebenie ranneskifskogo vremeni iz urochishcha Karban (Severnij Altaj) [Early Scythian burial from the Karban tract (Northern Altai)]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Altai University Press, 2022. Iss. XXVIII. P. 341–347 (in Russian).

Shilov Ju. A. *Prarodina ariev. Istorija, obrjady i mify* [The ancestral home of the Aryans. History, rites and myths]. Kiev: SINTO, 1995. 744 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. I* [Riding horse equipment and military belts in Altai. Ch. I]. Barnaul: Azbuka, 2008. 276 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. *Sin'tszian v VIII–III vv. do n. e.: (Pogrebal'nye kompleksy. Khronologii i periodizatsiia)* [Xinjiang in the VIII–OR centuries. BC: (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: Altai State Technical University Press, 2010. 238 p. (in Russian).

Stepanova N. F. K voprosu o kara-kobinskoi kul'ture skifskogo vremeni Gornogo Altaia [To the question of the Kara-Koba culture of the Scythian time of Gorny Altai]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2003. Vol. IX. Part. I. P. 484–487 (in Russian).

Stepanova N. F. Pogrebeniia v kamennykh iashchikakh i ikh datirovka [Burials in stone boxes and their dating]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Altai University Press, 1996. P. 54–69 (in Russian).

Stepnaya polosa aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. M.: Nauka, 1992. 494 p. (in Russian).

Surazakov A. S. *Gornij Altaj i ego severnye predgor'ia v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniia* [Mountain Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Chronology and cultural distinctions]. Gorno-Altajsk: Alt. kn. izd-vo: Gorno-Altajsk Branch, 1989. 214 p. (in Russian).

Surazakov A. S. Kurgany epokhi rannego zheleza v mogil'nike Kyzyk-Telan' — I (k voprosu o vydelenii kara-kobinskoi kul'tury) [Mounds of the Early Iron Age in the Kyzyk-Telan-I burial ground (on the issue of identifying the Kara-Kuban culture)]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Gornom Altae v 1980–1982 godakh* [Archaeological research in Gorny Altai in 1980–1982]. Gorno-Altajsk: GANIИИaL, 1983. P. 42–52 (in Russian).

Surazakov A. S., Tishkin A. A. *Arkheologicheskii kompleks Kyzыk-Telan' — I v Gornom Altae i rezul'taty ego izucheniia* [The archaeological complex of Kyzыk-Telan-I in Gorny Altai and the results of its study]. Barnaul: Azbuka, 2007. 232 p. (in Russian).

Vadetskaia E. B. *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia* [Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka, 1986. 180 p. (in Russian).

Volkov V. V. *Tsentrал'naia Aziia i skifo-sibirskaia problema* [Central Asia and the Scythian-Siberian problem]; avtoreferat dis ... dok. istorich. nauk. Moskva, 1990. 26 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.11.2022.

Принята к публикации 27.02.2023.

Дата публикации 03.04.2023.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 93/94

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-05

С. Дж. Атдаев

Институт истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан)

КРЕПОСТИ ТУРКМЕНСКОГО ПЛЕМЕНИ ТЕКЕ В XVIII–XIX ВВ.

Тема исследования, связанная с изучением текинских крепостей XVIII–XIX вв., в туркменской науке детально еще не изучена. Прежние работы подобного характера были предприняты в основном археологами и ограничиваются лишь техническим описанием исторических объектов. Мы попытались восполнить тот пробел, который был обозначен исследователями еще в 50-х гг. прошлого столетия. Нами предпринята попытка дополнить этот вопрос материалами последних археологических изысканий. Новые данные, почерпнутые из исторических источников, помогли представить общую картину данного вопроса и осознать их значимость в жизни племени теке. Комплексный подход в анализе и подборе документов, сравнение археологического, источниковедческого и этнографического материала составили основу методологического подхода данного исследования.

Исследования показали структурные изменения в планировке текинских бастионов. Крепости ахалского региона характерны тем, что имеют цитадели, окруженные внутренней стеной. В мервском же регионе эта особенность наблюдается нечасто. Другой особенностью являлось то, что названия укреплений можно поделить на определенные группы. Названия одних бастионов были связаны с географическими топонимами. Другие укрепления своим названием были обязаны наименованием проживавших в них текинских родов и колен. Однако названия многих крепостей теперь стали связывать с именами их хозяев, вернее, глав родов и колен. Эта практика начинает все больше использоваться в XVIII–XIX вв. и становится своеобразной чертой этого периода.

Ключевые слова: крепость, цитадель, башня, ворота, вал, ров, кирпич-сырец, родовое объединение, традиция, союз, помощь, хан, сердар.

Цитирование статьи:

Атдаев С. Дж. Крепости туркменского племени Теке в XVIII–XIX вв. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 1, С. 74–92. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–05.

S. J. Atdaev

Institute of History and Archeology of AST, Ashgabat (Turkmenistan)

**FORTRESSES OF THE TURKMEN TEKKE TRIBE
IN THE 18th-19th CENTURIES**

The focus of this study is the Teke fortresses from the 18th-19th centuries in Turkmenistan, which have not been extensively studied in Turkmen science. Previous work on this topic has been limited to technical descriptions of historical objects by archaeologists. The researchers attempt to fill this gap, using materials from the latest archaeological research and historical sources to present a general picture of this issue and its significance to the Teke tribe. An integrated approach, including analysis and selection of documents and comparison of archaeological, source study, and ethnographic material, is used as the methodological approach.

The study reveals structural changes in the layout of Teke bastions, where the fortresses in the Akhal region have citadels surrounded by an inner wall, while this feature is not prominent in the Merv region. The names of the fortifications are divided into different groups, with some named after geographical toponyms, others after Teke clans and tribes living in them, and many named after their owners, specifically the heads of clans and tribes, which becomes a feature of this period.

Overall, this study provides valuable insights into the Teke fortresses from the 18th-19th centuries, shedding light on their structural changes and naming conventions. The integrated approach used in this research, which combines various sources and methods, offers a comprehensive and informative perspective on this topic.

Keywords: fortress, citadel, tower, gate, rampart, moat, raw brick, tribal association, tradition, union, help, khan, serdar.

For citation:

Atdaev S. J. Fortresses of the turkmen Tekke tribe in the 18th-19th centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 74–92. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–05.

Атдаев Сердар Джумаевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан). **Адрес для контактов:** serdar63atdayev@gmail.com, serdar-atdayev@rambler.ru.

Atdaev Serdar Jumaevich, Candidate of Historical Sciences, docent, leading researcher of the sector of ethnography of the Institute of history and archeology of TAS, Ashgabat (Turkmenistan). **Contact address:** serdar63atdayev@gmail.com serdar-atdayev@rambler.ru.

Введение

Туркменские крепости XVIII–XIX вв. — гала (кала, сенгир, хисар) разбросаны по всей территории Южного Туркменистана. Тема, связанная с изучением этих укреплений, в туркменской науке детально еще не изучена. Прежние работы подобного характера были предприняты в основном археологами и ограничиваются лишь техническим описанием исторических объектов. Исследования эти велись в основном в 50-х гг. XX в. и опубликованы в трудах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Можно отметить также статью А. А. Рослякова «Основные черты туркменской фортификации XVIII–XIX вв.» [Росляков, 1960]. Последним же исследованием в этой области является работа А. Бердыева на туркменском языке «Материальная культура Южного Туркменистана XVI–XVIII вв.».

Названия крепостей были связаны либо с местной топонимикой, либо же с племенной принадлежностью. Особенностью данного периода являлось то, что названия ряда укреплений стали больше связывать с именами их основателей, обычно племенных вождей. Можно сказать, что эти так называемые именные крепости стали визитной карточкой исследуемого периода. Мы, по мере возможности, попытаемся осветить этот вопрос. Цель данного труда — изучение причин появления именных укреплений и практика их дальнейшего функционирования. Комплексный подход в подборе и анализе документов, сравнение археологического, источниковедческого и этнографического материала составят основу методологического подхода в исследовании.

Данные археологических исследований

Ряд крепостей, возникших в Южном Туркменистане в XVIII–XIX вв., напрямую связан с процессом заселения этого региона племенем теке. Текинцы, проживавшие прежде на окраине Хивинского ханства, точнее, в урочище Вас с крепостью Теке-Сенгир и группой колодцев в Сакар-Чага, часто испытывали нехватку в поливной воде. Это послужило причиной того, что в начале XVII в. текинцы стали покидать эти места. Часть переселенцев двинулась в юго-западном направлении в сторону Балхан и в начале XVIII в. появилась в предгорьях Копетдага. Другая же группа отправилась в юго-восточном направлении, вдоль реки Амударья, и вскоре поселилась на просторах Мервского оазиса.

Упомянутая выше крепость Теке-Сенгир своим названием указывает на принадлежность к племени теке. Однако после переселения текинцев в южные районы эта традиция начинает забываться. Хорошим примером могут служить текинские крепости в селении Багир близ Ашхабада. Ряд из них сохранил наименования проживавших в них родов: Шайылы-гала (род шайылы), Гарагоч-эссен-гала, искаженное от Гаракчы (род гаракчы) и др. Исследователями было отмечено, что стали появляться укрепле-

ния, названные по имени их хозяев: Гул-Мерген-гала, Тимуринг-галасы, Ораз-ишан-гала, Глыч-Мурад-гала [Левина, 1953: 9].

Подобная картина наблюдалась во всем Ахалском велаяте. Названия значительной части текинских крепостей связаны с географическими топонимами: в Кёши это — Ак-гала, Куле-гала, Арчын-гала, в Безмеине — Салклы-гала, в Гями — Гями-гала, в Анау — Гырмызы-гала. Наряду с этим появляются и именные укрепления: в селе Гёкча это — Ходжа-Нур-гала, в Безмеине — Нур-Сердар-гала и др.

Анализ структуры крепостей

Чтобы понять причину появления бастионов, носивших имена глав родов и племен, нужно изучить саму природу социально-экономических явлений данного феномена. Подсказку в этом вопросе нам может дать исторический материал того времени, с описанием структуры и характера защитных сооружений.

Новые крепости часто возводились на месте некогда покинутых укреплений. При этом частично сохранялась прежняя планировка [Росляков, 1960: 226]. К примеру, в основе крепости Гёк-тепе лежит холм парфянского городища Дингли-тепе [Пугаченкова, 1958: 443]. Однако бастионы строились и на новых местах. Примером может служить укрепление Раши под Ашхабадом с большим числом прямоугольных башен, а также гала в селении Кёне-Ахал (Гюмбетли-яйла) с восемью округлыми башнями. Подобную конструкцию имела Динг-гала близ Гяурса, т. е. прямоугольную форму с бастионом в угловой части сооружения. Внутри располагались юрты, а в дни осады сюда загоняли скот [Пугаченкова, 1958: 434, 444].

Крупные укрепления городского типа были окружены массивными двойными стенами с башнями. Охранялись они постоянным гарнизоном. Были и укрепления меньшего размера, со стенами небольшой высоты и толщины. На подступах к крепостям со стороны въездов иногда возводились дополнительные стены-барьеры [Росляков, 1960: 222].

Крепости теке обычно имеют правильный квадрат и обнесены глинобитной стеной [Marvin, 1883: 146]. Использовали глину из окружающего крепость рва. По мнению ряда ученых, ров не имел прямого назначения в качестве препятствия, а был образован при выемке земли для постройки стены [Росляков, 1960: 222]. Рвы встречались не только снаружи крепости, но и внутри них, прямо перед стенами цитадели, например, в укреплении Баи [Ржевуский, 1885: 122].

Укрепления традиционно снабжались угловыми башнями — *бурчами*. Вместе с тем некоторые бастионы возводились без башен. В таких случаях рядом сооружалась отдельно стоящая башня — *динг*, высотой в 10–12 м. Динги возводились из сбитой глины-*пахсы* или кирпича-сырца. Рассчитаны они были на двух-трех человек, которые отстреливались от неприятеля до прихода помощи. Следует отметить наличие небольших боевых башенок, располагавшихся непосредственно над воротами. Этот средневековый прием со временем утратил свое практическое назначение и имел больше декоративный характер. Подобные башенки позже стали размещать в туркменских усадьбах над воротами или попарно в ограде [Росляков, 1960: 223].

П. С. Васильев в своих очерках перечисляет ряд укреплений Ахала: Ходжа, Бами, Арчепек, Бёрме, Бахарден, Дурун, Келата, Гараган, Яраджи, Кязриз, Ени-гала, Бабараб, Ак-оба, Кипчак (Гыпчак), Мирава, Гёк-тепе, Асхабад (нынешний Ашхабад), Анау, Гяурс, а также ряд мелких гала и сторожевых башен. Давая оценку этим укреплениям, П. С. Васильев пишет, что они имели вид правильного четырехугольника, иногда — многоугольника, обнесенных вокруг глинобитной стеною в 6 м высоты, а также наружным рвом в 3 м глубины и 5 м ширины. Стены крепости были сложены из саманного кирпича-сырца и смазаны толстым слоем глины. Основание стен составляло 6–8 м ширины, кверху они суживаются до 1,5 м, где расположены зубчатые бойницы. Толстые глиняные стены с успехом могли выдержать удары артиллерийских снарядов. В крепости имелись блиндажи и глинобитные постройки, предназначенные как для жилья, так и для хранения боевых и жизненных припасов. Рядом были выкопаны ямы под склады. Во время осады в крепости размещались жители со своим имуществом и скотом. В обычные дни крепости были пустыми, имея небольшой караул, в обязанности которого входил также ремонт [Васильев, 1887: 410–412].

Современные раскопки на территории крепость Парыз-депе близ Безмеина показали, что внутри нее имелось еще одно малое укрепление. Его стены сооружены из камней. В северо-западном углу крепости располагалась башня [Berdiyew, 2020: 143]. Расположенная в Каахкинском этрапе (районе) крепость Говшут также имеет квадратную форму и сооружена из пахсы. Ворота у юго-западной стены имеют две башни-динги. Еще две подобные башни расположены на углах этой стены и одна посередине северо-западной ограды. Толщина стен башен составляет 1,6 м, с внутренним диаметром до трех метров. Вход в башни расположен с внутренней стороны крепости. Башни снабжены отверстиями для стрельбы [Berdiyew, 2020: 146].

Структурное построение укреплений текинцев представляло собою замкнутую крепость с мощными круглыми башнями на углах. Население проживало за пределами стен, укрываясь в крепости лишь в минуты нападения неприятеля. Внутри сооружения возводилось несколько хозяйственных строений и размещались юрты [Левина, 1953: 46].

Говоря об укреплениях Ахалтекинского оазиса, следует отметить, что население проживало либо в небольших укрепленных усадьбах, либо в поселениях городского или «открытого» типа, при которых имелись крепости [Левина, 1953: 10]. Исследования позволили выделить нескольких этапов строительства защитных укреплений: 1) создание больших общинных укреплений; 2) выделение частновладельческих бастионов в результате социальной дифференциации общины; 3) переход к «открытому» типу поселения. Подобная картина была присуща всем текинским поселениям Южного Туркменистана [Левина, 1959: 305, 336].

Материалы исторических источников

Ахал. Как было отмечено выше, продвижение текинцев из пределов Хивинского ханства к предгорьям Копетдага началось в конце XVII в. Уже в начале XVIII в., по сообщениям персидских историков, текинцы проживали в окрестностях Дуруна и Нисы [Атдаев, 2010: 21]. Согласно данным российских источников активное заселение Ахалтекинского оазиса началось в 30-х гг. XVIII в. [Петрусевиц, 1880: 37].

Н. Г. Петрусевич пишет, что деревни у текинцев назывались крепостями. Всех укреплений в Ахале насчитывается до 50 [Петрусевич, 1880: 19, 20]. И. Стебницкий дополняет эту информацию, говоря, что от Кызыл-Арвата тянется линия небольших укреплений числом до 59, построенных на ручьях и родниках. Между ними есть два города: Кяриз-Арват и Асхабат. В Кяриз-Арвате (Кяризеке. — С. А.), имеющем 800 домов, проживает глава ахалских теке Нурберды-хан. Асхабад, превосходящий по численности населения город Кяриз-Арват, ведет активную торговлю с Хивой и Персией [Стебницкий, 1871: 50].

В материалах генерала А. Н. Куропаткина отмечено, что каждое поселение было окружено крепкой глиняной стеной. Упомянуты такие укрепления, как Кызыл-Арват, Гара-Сенгир, Заау и Башы, известные под общим названием Бяш-Гала (пять крепостей), заселенные текинским коленом тогтамыш, которые были подчинены Сопы-хану и Гараджа-хану. Форт Сопы-кала был обнесен крепкой высокой стеной с наблюдательной башней. Крепости Арчман, Бахарден, Дурун, Гарачин, Ак-Тепе, Кярыз и Мехин заселены тогтамышцами (между которых были рассеяны и утамышские семейства) и подчинены Берды-Мурад-хану, сыну Нурберды-хана. Все укрепления от Яраджи до крайнего ахалтекинского укрепления Гяурса преданы совету из четырех ханов: Ораз-Мамед-хана, Овез-Дурды-хана, Кары-онбеги и Мулла-Гадама. Далее говорится, что крепость Бёрме, в которой живут текинцы колена утамыш, подчинена Дыкма-сердару, который имел свой личный бастион — Дыкма-каласы. Утамышами были заселены также крепости Ызгант и Гёкдепе [Куропаткин, 1879: 45].

Русский топограф и геодезист П. И. Гладышев пишет, что колено векилей занимает Кызыл-Арват и Асхабад, беки — Бами, бахши-дашаяки — Арчман и Безмеин, сычмазы — Бёрм, Дурун и Гёк-тепе [Гладышев, 1883: 116]. А. Ржевуский отмечает, что важнейшими пунктами Ахала по числу обитателей после Гёк-тепе можно считать следующие населенные пункты: Асхабад — 2000 семейств, Херрик-гала — 700 дворов, Кёши — 1000 семейств, Безмеин — 1000, Курджа — 700, Ени-гала — 700 и Ызгант — 600, Бёрме и Кызыл-Арват. Указаны также крепости: Бами, Бёрме, Арчман, Гараган, Яраджи, Кяризык, Ени-гала, Бабараб, Ак-оба, Ак-тазепак, Кипчак, Мирава, Асхабад и Гяурс [Ржевуский, 1884: 341].

Н. Г. Петрусевич, приводя детальные описания пунктов, пишет, что со склонов хребта Копет-Даг стекают ручьи: Гёз-баш, Готур, Фирузе, Гаргы-су и Гермаб. У выхода реки Гёз-баш лежит селение Багир в 200 дворов, принадлежащих к роду гёкче. За этим селением речка Гёз-баш делится на пять канав. Одна ветвь идет к деревне Херрик-гала, в 700 дворов, из родов ясман, салык, мириш и челтек. На оконечности канавы, ниже селения Херрик-гала, расположен аул Мирава в 150 дворов рода ясман. Другая водная ветвь идет к селу Кипчак (в 600 дворов) рода гонур. Третья канава питает поселение Гёкче с населением 700 семейств рода гёкче. Четвертая канава служит аулу Кёши, насчитывающей до тысячи семей, наконец, пятая канава направляется к селению Асхабад (Эшхабад, Эшк-абад), в котором проживает до двух тысяч семей. Асхабад был одним из наиболее значительных поселений в Ахале. Его жители были размещены в 8 отдельных крепостях. Речка Гёз-баш, вытекающая из юго-восточной оконечности хребта Копепет-дага (Гюльюль-даг), служит для шести деревень Ахала с населением в 5350

дворов. Места эти были плодородными, а селения близ Асхабада, Кёши и Гёкче богаты садами персиковых и ореховых деревьев и виноградниками. Наиболее крупными селами считаются Гёк-тепе, Ахал и Ени-гала, которые окружены богатыми пастбищами и хлебными полями. Места эти орошаются рекою Гермаб, или Секиз-яб. Крепость Ени-гала, населенная 700 семействами из родов сычмаз, гагшал и бюкри, была разделена на «пять отдельных деревень» [Петрусович, 1880: 21, 22].

Укрепление Кызыл-Арват расположено в долине, где протекает ручей Кызыл-Арват-су, водами которого орошались бахчи, огороды и пашни теке [Куропаткин, 1879: 21]. Британский археолог и дипломат Г. К. Роулинсон отмечает в ахалтекинском оазисе такие важные пункты текинцев, как Кызыл-Арват, Бами и Бёрме [Rawlinson, 1879: 176].

Рядом располагалась крепость Ходжа-гала (Ходжам-гала, Ходжак-гала, Ходжем-гала, Хаджан-гала). У самой крепости была выстроена стена в форме правильного четырехугольника, на двух углах которого выстроены кольцеобразные башни с бойницами, с отверстиями внизу и посередине башни. Их высота не более 4 м. Верхняя площадка ограждена стенкой в 35 см, с вырезами для выставки ружей. В трех километрах от Ходжа-гала расположена еще одна крепость поменьше, с одной башней.

Крепость Бами имела возвышающуюся цитадель, обнесенную толстой саманной стеной в 4 м вышины и 1,5 м толщины. В стенах были прорезаны бойницы. Снаружи стены выкопан ров. Внутри двора размещались саманные постройки с узкими дверями и окошками в форме бойниц [Ржевуский, 1885: 120–122].

Далее следовало более крупное укрепление Бёрме. Рядом течет ручей, омывающий обе стороны крепости. Форт представляет собой круг, обнесенный толстой высокой стеной в 4 м, с воротами на двух противоположных сторонах. Впереди располагался небольшой ров. Внутри укрепления, в 40 м от стены, на возвышенности была возведена другая стена. Внутри крепости огромное количество вырытых пещер и подземных ходов, с деревянными столбами-подпорками во избежание обвалов. Во время обследований здесь были найдены стальная кольчуга и металлические штампы для чеканки монет [Ржевуский, 1885: 126–128].

Следующая крепость Дурун имела неправильную форму и большой ров внутри галы. Внутренняя стена огораживала внутреннюю малую крепость [Ржевуский, 1885: 134]. В Арчмане располагались три галы. Древнейшая из них находилась в разрушенном состоянии. Вторая огорожена внешней стеной. Третья — совершенно новая. Ее стены огораживают большую квадратную площадь, по четырем углам которой поставлены круглые башни. В стенах и башнях проделаны бойницы. Внутри нее находилось несколько кибиток, а на площадке валялись большие запасы сухой ёрунджи (люцерна, клевер) [Ржевуский, 1885: 130–131].

По данным Н. Г. Петусевича, речка Готур, вытекающая западнее реки Гёз-баши, шла к двум крепостям Безмеина, в каждой по тысяче дворов, васеленны родами гара-даш-аяк и ак-даш-аяк. Речка Фирузе направляется к деревням Бабараб, в 100 дворов и Ыз-гант в 600 дворов. Западнее этих деревень, на речке Гаргы-су, расположились четыре деревни: Курджу (Гюрджи) в 700 дворов рода гара-гонур; Шор-гала в 150 дворов рода гёкче; Емишан в 100 дворов рода аман-шах и Келеджар в 80 дворов рода гёкче. На запад от этих деревень, на реке Гермаб, лежит деревня Ени-гала, населенная 700 семей-

ствами из родов сычмаз, гагшал и бюкри. На северо-запад от Ени-гала расположены деревеньки: Келете в 40 дворов рода гараёрме; Гараган в 60 дворов рода ганджык; Барзан в 50 дворов рода гагшал и Дурун в 40 дворов рода ак-даш-аяк. Деревеньки лежат на нескольких ручейках. Около деревни Гёк-тепе сгруппировано не менее 8 тысяч семей. В данный перечень не вошла почти половина всех текинских крепостей [Петрусеви́ч, 1880: 22–23].

Восточнее Асхабада располагались еще два поселения текинцев Ахала: Аннау в 200 дворов и Гяурс в 600 дворов. Аннау лежит на оконечности ручья Кельте-чинар. Гяурс располагается на ручье, бегущем с северного склона хребта Зар-и-кух [Петрусеви́ч, 1880: 23]. В Гяурсе имелись три укрепления, один из которых лежит в руинах и необитаем [Marvin, 1883: 143]. Гяурс составлял крайний пункт племени теке, признающих власть Нурберды-хана, и потому здесь содержится постоянный караул числом до 400 охранников [Стебницкий, 1871: 51]. Чуть далее располагался бастион Бабадурмаз-галасы.

Теджен. Текинцы, появившиеся в 1760-х гг. в пределах Теджена, окончательно оседают тут в начале 1780-х гг. и возводят на левом берегу реки крепость Мопак-гала, по имени Мопак-сердара из рода перренг. Сложная политическая ситуация, однако, заставляет текинцев вскоре оставить крепость и перебраться в низовья Мургаба. После смерти Мопак-сердара в 1808 г. во главе текинцев становится Ораз Яглы-хан из рода гараахмет, родового объединения учруг. Притеснения со стороны Хивинского ханства вынуждают Ораз-хана покинуть берега Мургаба и вновь осесть в Тедженском оазисе. Здесь текинцами возводится крепость Ораз-хан-гала, теперь уже на правом берегу реки. Произошло это около 1840 г. [Петрусеви́ч, 1880: 18]. Иногда поселение Ораз-гала называлось просто Теджен [Ржевуский, 1884: 330]. Согласно записям хорунжего Соколова, сделанным им в 1882 г., Ораз-хан-гала представляла собою четырехугольное укрепление. Вследствие перемены русла реки Теджен крепость со временем оказалась на острове [Соколов, 1883: 171–173]. Н. Г. Петрусеви́ч отмечает, что Ораз-хан возвел на правом берегу реки Герируд укрепление Теджен или Ораз-Кала, вследствие чего вся река «стала называться Теджен-Дарьей» [Петрусеви́ч, 1880: 25–26]. Ч. Марвин также пишет, что эта крепость «огромна и называется Теджен Кала» [Marvin, 1883: 209].

Надо отметить, что еще ранее отцом Ораз Яглы-хана — Анна-Гулы Яглы-ханом близ Теджена также была возведенная крепость, называемая Анна-Гулы Яглы-хан-гала.

Рядом с укреплением Ораз-кала располагался бастион Гара-Оглан-хан-гала, возведенный Гара-Оглан-ханом, главой текинского колена векиль. Генерал Н. И. Гродеков отмечал, что ее «охватывает полукругом внешний вал, называемый оградой Кара-оглана» [Гродеков, 1883: 38]. Ч. Марвин назвал эту крепость «огромная кала» и дополнил, что рядом располагалась «старая ограда крепости Кара-Оглан-Юзбеги» [Marvin, 1883: 171]. На многих картах того времени она обозначена как Гара-хан-кала.

Сарахс. Со временем поселения текинцев в Теджене разрастались. Тогда часть текинцев во главе с Ораз-ханом переселяется в Сарахс [Ржевуский, 1884: 330]. Здесь расположен огромный холм, называемый Яглы-депе. К тому времени Ораз Яглы-хан уже постарел. В 1853 г. текинцы Сарахса созвали совет, где новым ханом избрали Говшут-хана.

Если говорить о крепостях, названных в честь какой-либо личности, то ярким примером служат ряд укреплений, связанных с именем мервского лидера Говшут-хана. В Каахкинском этрапе расположены населенный пункт и старая крепость под названием Говшут. Там, по народным преданиям, и родился Говшут-хан. Слово *говшут* многозначно: это имя ребенка, означающее — «пусть вырастет здоровым и проживет долгую жизнь». Есть мнение, что в момент рождения будущего хана на ночном небосводе появилась звезда под названием Говшут, что послужило причиной наречения ребенка этим именем. Относительно топонима Говшут предполагают, что название селу изначально было дано по имени ее основателя и никак не связано с самим Говшут-ханом. Однако термин *говшут* означает место соединения гребней горной гряды или ущелий. По нашему мнению, это и есть самый верный вариант, который и дал название селу, расположенному в предгорной полосе. В туркменской традиции детям часто давали имя по месту их рождения. Это и случилось с легендарным Говшут-ханом. Согласно археологическому материалу крепость эта относится к XVIII–XIX вв. [Berdiyew, 2020: 146]. После переселения текинцев в Серахсе, на новом месте они возводят крепость Говшут-гала. В 1858 г. текинцы обосновываются в Мерве, где сооружается еще один новый бастион — Говшут-хана-гала.

Мерв. Главной крепостью Мерва считалась Говшут-хан-гала, на описании которой следует остановиться отдельно. По данным Стюарда это укрепление было возведено на восточном берегу западного рукава Мургаба, в петле реки, омывалось водой с двух сторон [Stewarts, 1881: 531]. Ее постройка была начата самим Говшут-ханом при вторжении в страну персидской армии в 1861 г. [Лессар, 1884: 195]. Об этом же сообщает корреспондент британской газеты «Daily News» Эдмонд О'Донован [Donovan, 1883: 143]. Стюарт отмечает, что во время персидского нападения крепость находилась еще в зачаточном состоянии [Stewarts, 1881: 531]. Работы возобновились в 1868 г. сразу после завоевании Россией Бухары.

Укрепление стен крепости с новой силой началось в 1873 г. Причиной ремонтных работ послужило известие о взятии российскими войсками Хивы [Чарыков, 1914: 504]. Об этой дате также сообщают ряд исследователей [Бенуа-Мешэн, 1883: 126; Соколов, 1883: 191]. М. Алиханов-Аварский указывает, что после падения Хивы в 1873 г. Говшут-хан собрал 25 тысяч рабочих и приступил к строительным работам, которые длились 20 дней и ночей. После получения известий, о том, что российские войска приостановили свое дальнейшее продвижение, работы на крепости прекратились [Алиханов-Аварский, 1883: 52].

В 1881 г., во время осады российскими войсками Гёк-тепе, здесь снова приступили к продолжению крепостных работ с участием 25 тысяч строителей. Через три недели работы были остановлены, так как российские войска на Мерв не пошли [Алиханов-Аварский, 1883: 52]. Эти данные встречены и в других источниках [Соколов, 1883: 192; Marvin, 1883: 193].

Ко времени нахождения Донована в Мерве, т. е. в 1881 г., Говшут-хан-гала напоминала мощную крепость. Вал возводили ступень за ступенью, чтобы рабочие могли по нему взбираться, а затем поверху был засыпан землей. На вершине вала высотой в 13 м закреплялся зубчатый бруствер из утрамбованной плотной глины. Однако

ров отсутствовал [Donovan, 1883: 143, 144]. По данным же Н. В. Чарыкова, высота стен равнялась 17 м, ширина основания стен 20 м. Ров существовал, его глубина равнялась 6 м [Чарыков, 1914: 504].

Во время строительных работ 1881 г. каждое утро на рассвете раздавался крик глашатая-джарчи, который обходил дома, собирая людей для работы. На строительных работах были задействованы 7–8 тысяч молодых людей ежедневно. Каждый род выделял определенное число рабочих. Любой трудоспособный житель обязан был отработать четыре дня в месяц или заплатить два франка за пропущенный день. Главным распорядителем работ на крепости был Гаджар-хан. За отказ на отработку положенного времени налагался штраф, а если нарушитель был неплатежеспособен, то с него снимали головной убор, привязывали руки к телу и держали в таком виде на солнце час или два [Donovan, 1883: 161, 377]. У Кёртис также указывает, что на возведении крепости было задействовано 8 тысяч человек [Curtis, 1911: 66].

Н. В. Чарыков отмечает, что крепость была того же типа, что и Ахалская Геок-Тепе: удлинённый прямоугольник, внутри которого, в случае вражеского нашествия, могло укрыться все местное население. По протяженности и профилю Говшут-хан-кала была значительно крупнее бастиона Гёк-тепе [Чарыков, 1914: 504]. То же самое пишет и Ч. Марвин, говоря, что крепость Говшут-хан-кала представляла собою гигантское сооружение, намного превосходящее по своим размерам форт Гёк-тепе [Marvin, 1883: 179]. М. Алиханов-Аварский отмечает, что крепость имела форму конуса, с общей протяженностью стен в 5,5 км [Алиханов-Аварский, 1883: 52]. По данным Марвина, крепость по форме больше походила на равнобедренный треугольник [Marvin, 1883: 193].

М. Алиханов-Аварский сообщает, что наиболее длинным был утамышский участок, с тремя воротами, тянулся он в юго-западном направлении. Перед стеной протекал Мургаб, на реке располагались два моста. Бегский участок ограды тянулся чуть более одного километра. Он охватывал северо-западную стену и далее тянулся в северо-восточном направлении. Далее следовал отрезок в 160 м, носивший название векильско-го вала. Четвертый, юго-восточный, участок стены остался недостроенным и ограничивался старой оградой. Всего ворот было восемь [Алиханов-Аварский, 1883: 51–54]. По данным Соколова, крепость имела 10 больших и малых проломов [Соколов, 1883: 192]. По сообщению Бенуа-Мешэн в стене существовали бреши, так как края участков, построенных четырьмя коленами, остались не связанными между собою. Произошло это из-за того, что ко времени окончания работ пришло известие о том, что российские войска, захватив Хиву в 1873 г., не пошли далее на Мерв, а возвратились в Ташкент [Бенуа-Мешэн, 1883: 126].

М. Алиханов-Аварский сообщает, что стены крепости носили названия тех родов, на долю которых выпала эта постройка [Алиханов-Аварский, 1883: 51–54]. По данным российского дипломата Н. В. Чарыкова, при строительстве крепости: «каждое из четырех отделений мервского народа должно было построить одну из стен» [Чарыков, 1914: 504]. В отчете К. К. Палена говорится, что в постройке участвовали оба текинских колена (утамыш и тогтамыш), причем от каждого из них высылалось одинаковое число рабочих [Пален, 1910, с. 170].

Если говорить о солидарности текинцев и обязательном участии всех четырех колен в разрешении определенных задач, то следует заметить, что проявлялась она во всех сферах жизни племени. Известно, что в первую Ахалтекинскую экспедицию 1879 г. мервцы отправили в Ахал на помощь своим соплеменникам передовой отряд в 800 текинских и 150 сарыкских конников. В сражениях погиб ряд текинских лидеров: Худояр-хан из Бахардена, Алла-Нур и Непес-Гарабела из Бёрме, а также предводитель мервцев Берк-Али-хан. Последнего особенно оплакивали мервские туркмены [Гродеков, 1883: 145, 146]. Под именем Берк-Али-хана следует понимать Беркели-хана, главу текинского колена багши. Капитан А. Быков пишет, что это был молодой человек, сын Утак-бая. Из всех четырех мервских ханов он был самым юным [Быков, 1879: 4]. Основной же мервский отряд в количестве 6 тысяч джигитов во главе с Нур-Берды-ханом двигался следом. Помощь мервцами Ахалу была оказана и в 1881 г., в ходе второй Ахалтекинской экспедиции. Тогда на помощь ахальцам 21 декабря прибыл двухтысячный отряд из Мерва во главе с Гаджар-ханом. В ночь на 4 января 1881 г. в Гёк-тепе прибыла новая группа поддержки из Мерва, в составе трех тысяч человек [Donovan, 1883: 206]. Интересно замечание генерала Л. К. Артамонова, который писал, что при защите крепости Гёк-тепе текинский военачальник Дыкма-сердар разбил войско на четыре части, где каждое племя обороняло одну из четырех стен крепости [Артамонов, 1884: 23]. Известно, что восточную, а также юго-восточную стены оборонял мервский полководец Мурад-хан, а западную — Ихти-сердар [В. Н. Г., 1888: 405, 422].

Крепости были неотъемлемой частью общественно-политической и хозяйственной жизни туркмен, что стало причиной зарождения ряда традиций. Одна из них была связана с военной клятвой. По данным А. П. Андреева, перед выступлением в набег (аламан), воины в крепости Гёк-тепе давали торжественную клятву повиноваться своим сердарам и взаимно поддерживать друг друга до последней крайности. Для закрепления этих обещаний прибегали к церемониальному обычаю (дябу). В каждом из четырех углов крепости выкапывались неглубокие ямки, к которым подходили один за другим все воины и плевали в них. Затем ямки засыпали. По словам главы тогтамышского колена Мерва Юсуп-хана, никто не смел нарушить эту клятву и должен был беспрекословно подчиняться всем приказам избранного военачальника [Андреев, 1902: 122]. У туркмен и поныне бытует выражение, которое используется при принятии единого решения: «Bir ýere tükermek» (т. е. сообща плюнуть в одно место).

Внутри крепости Говшут-хан-кала было установлено несколько гостевых юрт, а также ряд зданий: к примеру, дом Говшут-хана [Stewarts, 1881: 532] и дом Аман-Нияз-хана из рода гараахмет, главы текинского колена утамыш. Здания были выстроены из кирпича-сырца и оштукатурены плотной глиной желтого цвета. Вход и окна были украшены декором из глины [Donovan, 1883: 308].

В западной части крепости располагались 200–300 кибиток и еще несколько кибиток в юго-восточной части укрепления [Соколов, 1883: 192–193]. М. Алиханов-Аварский дополняет, что это был аул Анна-Мурад-Чепека, и около него, вдоль юго-западного фасада крепости, проходили три параллельных гала, предназначенные снабжать водой оборонявшихся [Алиханов-Аварский, 1883: 51–54]. Рядом с аулом располагались 30 медных орудий и две мортиры, трофеи погрома персидской армии в 1861 г. [Али-

ханов-Аварский, 1883: 54]. В укреплении содержался постоянный гарнизон, поровну от каждого отделения. Орудия также были разделены одинаково между отделениями и охранялись караулом [Быков, 1879: 3, 4].

По данным Алиханова-Аварского и Марвина, снарядов к этим орудиям не было, но в случае нужды их можно было привезти из Бухары или же пустить в ход камни [Алиханов-Аварский, 1883: 54; Marvin, 1883: 194]. По сообщению же Соколова, среди кибиток располагался пороховой погреб и мазанка, в которой были сложены снаряды и заряды к орудиям. Отмечается, что некий хивинец Фазыл-бек ранее удостоился права стрелять из одного орудия по случаю избрания Баба-хана [Соколов, 1883: 193]. Donovan писал о намерении Аман-Нияз-хана наладить производство в Мерве современной артиллерии [Donovan, 1883: 153–154]. Часть орудия находилась также и в расположенном рядом ауле Солтан-Эзиз. Это было несколько орудий на развалившихся лафетах [Соколов, 1883: 194].

Внутри крепости находились два небольших арыка с мостиками [Соколов, 1883: 189, 193]. Они питали зеленые посевы [Алиханов-Аварский, 1883: 51–54]. На них выращивались зерновые культуры и дыни [Donovan, 1883: 150, 269]. Эти участки питались от восточного притока Мургаба. Внутри крепости также имелось несколько колодцев [Donovan, 1883: 146].

Судьба укрепления Говшут-хан-гала, как и других бастионов, оказалась печальной. В начале XX в. крепостные стены были срыты, а освободившаяся территория отдана под городскую застройку. Однако остатки гала в виде небольших развалин все еще сохраняются.

Рис. 1. Фрагмент карты с указанием крепостей: Говшут-хана, Майлы-хана близ пункта Гарип-Ата, Сары-хана, Юсуп-хана, Меле-Хейран-хана и др. [Родзевич, 1891]

Fig. 1. A fragment of a map showing fortresses: Govshut-khan, Maili-khan near the point of Garip-Ata, Sary-khan, Yusup-khan, Mele-Heyran-khan, etc. [Rodzevich, 1891]

Помимо крупной крепости Говшут-хан-гала, близ Мерва было множество мелких укреплений, принадлежащих ханам текинских колен и родов. Известно, что свою крепость имел сын Ораз Яглы-хана — Аман-Нияз-хан [Донован, 1883: 126, 304]. Внук Ораз Яглы-хана — Майлы-хан также стоял во главе крупного объединения утамыш [Алиханов-Аварский, 1883: 16] и имел свое укрепление. Все они принадлежали к роду гараахмет. Самым известным из них был Ораз Яглы-хан, некогда возглавлявший мервских теке. Нам известны имена трех его сыновей: Сахат-Нияз-хана, Берды-Нияз-хана и Аман-Нияз-хана, а также его внука — Майлы-хана и правнука Торе-хана. Все они на протяжении середины и второй половины XIX в. стояли во главе большого объединения утамыш, а также малого колена — сычмаз. Автор данной статьи не без гордости отмечает, что принадлежит к этому знаменитому роду. Род гараахмет делится на более мелкие родовые группы — ковумы: биджан, керкили, курт, чапык, чёпедегмез, яглы. В свою очередь эти ковумы делились на еще более мелкие — ковумча. У ковума курт это была ковумча: аглактар. В более обширный ковум керкили входили: чопаногры, ясавуллар и селенглер. Согласно рассказам старожиллов, мой прапрапрадедушка по имени Шагал мог быть основателем — несилбаши, ковумча чопаногры.

Хивинский историк Мунис сообщает, что в 1807 г. текинский глава Мухаммед-Нияз-тархан посылает из Мерва отряд, сформированный из воинов рода гараахмет, в сторону Хивы. На окраине местности Курук они осуществили нападение [МИТТ, 1938: 379]. Согласно этим материалам, осевший в Мерве род гараахмет проживал тогда в местности Гара-яб. Но в 1858 г., когда текинцы массово переселись в Мерв, этот род переселяется на участки вдоль канала Ак-яб. Сохранившиеся до наших дней народные воспоминания и рассказы сообщают, что род гараахмет, или «яйлалы гараахмет», обосновался на месте нынешнего села Медениет дайханского объединения зарпчи. Моим прапрадедом Ламма-баем в знак этого знаменательного события был высажен тутовник, который и поныне, спустя более 160 лет, растет и радуется сельчан своим величием. Среди первых осевших здесь поселенцев рода гараахмет была очень популярна личность духовного лидера Яхья Пира. Умер он в 1873 г. Считается, что древнее кладбище села связано с его именем, он является тем, кто первым был здесь захоронен — гонамбаши. Близ села некогда располагалась крепость — Аяз-хан галасы.

Руководивший коленом багши Сары-хан тоже владел подобным бастионом. Крепость имел и глава колена векиль — Юсуп-хан. В произведении туркменского поэта Абду-с-Саттара Казы упоминается такая личность, как Меле-Хейран [Абду-с-Саттар Казы, 1914: 107]. В Сарахсе ныне находится местность под названием Меле-Хейран. По-видимому, здесь ранее была крепость, которая и дала название этому району. Позже, когда текинцы переселились в Мерве, здесь появляется укрепление с аналогичным названием Меле-Хейран.

Рядом со стенами Говшут-хана-гала располагалось укрепление с бойницами и амбразурами — Гоша-Сенгир. Чуть поодаль находятся бастион Чебишген и форт Баба-хана — Баба-хан-галасы [Соколов, 1883: 194–195]. Неподалеку стояли крепости: Гёк-тепе, Ёлбарс и Гулаклы-гала [Пален, 1910: 169]. Имелось также укрепление Саманлы и форт Мухаммед-Нияз-хана [Ржевуский, 1884: 334–336]. По сообщению капитана А. Быкова, города и поселки текинцев представляли собой обширные пространства, обнесенные

стенами и рвом. Главное назначение таких укрепленных пунктов — укрывать за своими стенами на время опасности жителей, их имущество и скот, но не служить местом их постоянного проживания [Быков, 1879: 3].

Рис. 2. Фрагмент карты с указанием крепости Аман-Нияз-хана [Donovan, 1883: 203]
Fig. 2. A fragment of a map showing the fortress of Aman-Niyaz Khan [Donovan, 1883: 203]

Заклучение

Изучая историю текинских крепостей XVIII–XIX вв., мы попытались восполнить тот пробел, который был обозначен исследователями еще в 50-х гг. прошлого столетия. Работы эти носили чисто археологический характер и ограничиваются техническими описаниями исторических объектов. Нами была предпринята попытка дополнить этот вопрос материалами последних археологических изысканий. Новые данные, почерпнутые из исторических источников, помогли представить общую картину данного вопроса. Картографический материал помог визуальнo увидеть многие укрепления той поры и осознать их значимость в жизни племени теке. Комплексный подход в анализе и подборе документов, сравнение археологического, источниковедческого и этнографического материала составили основу методологического подхода данного исследования.

Изложенный выше материал показывает, что на территории Южного Туркменистана население проживало в поселениях городского типа, при которых имелись кре-

пости. Люди находились также в небольших укрепленных усадьбах. Крепости возводились как на месте некогда покинутых поселений, так и на совершенно новых местах. Структурная характеристика укреплений говорит о том, что крепости имели прямоугольную или квадратную форму, с рядом ворот и угловых башен. Некоторые укрепления возводились без башен, но имели отдельно стоящие башни — динги. Характерный элемент крепостей — ров присутствовал не во всех случаях. Основным назначением укреплений было укрытие жителей, их имущества и скота во время военной опасности. В мирное же время люди жили и работали вне стен укреплений.

Структурные изменения наблюдаются в планировке бастионов. Крепости ахалского региона характерны тем, что имеют цитадели, окруженные внутренней стеной. В мервском же регионе эта особенность особо не наблюдается. Другой особенностью являлось то, что названия укреплений можно поделить на определенные группы. Названия одних бастионов были связаны с географическими топонимами. Другие укрепления своим названием были обязаны наименованием проживавших в них текинских родов и колен. Однако названия многих крепостей теперь стали связывать с именами их хозяев, вернее, глав родов и колен. Эта практика начинает все больше использоваться в XVIII–XIX вв. и становится своеобразной чертой этого периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абду-с-Саттар Казы. Книга рассказов о битвах текинцев: Туркменская историческая поэма XIX века. СПб., 1914. 82 с.

Алиханов-Аварский М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883. 108 с.

Андреев А. П. Туркменский Аламан (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141.

Артамонов Л. Г. Покорение туркмен-текинцев русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1880–81 гг. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 32 с.

Атдаев С. Туркмены Хивинского ханства в XVIII в. Казань: Российский гуманитарный научный фонд, 2010. 129 с.

Быков А. Теке-Мерва. URL: <http://www.ts.manas.edu.kg> (дата обращения: 09.01.2023).

Васильев П. С. Ахал-текинский оазис, его прошлое и настоящее. Очерки // Русский вестник. 1887. № 5. С. 391–427.

В. Н. Г. Очерк экспедиций в Ахал-Теке 1879 и 1880 гг. // Военный сборник. 1888. № 5. С. 204–426.

Гладышев П. И. Заметки об Атеке и Кара-Куме // Изв. Кавказского отдела РГО. Тифлис, 1883. Т. 8, № 1. С. 109–127.

Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб. : Тип. В. Балашова, 1883.

Куропаткин А. Туркмения и туркмены. СПб. : тип. В. А. Полетики, 1879. 57 с.

Левина В. А. К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении (по данным археологии) // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад : Изд-тво АН Туркменской ССР, 1959. Т. 9. С. 283–346.

Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища // Труды ЮТАКЭ. М. : Гос. изд-во лит-ры по стр-ву и архитектуре, 1953. Т. 3. 84 с.

Лессар П. М. Заметки о Закаспийском крае и соседних странах (Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджуй и Хиву) // Записки Кавказского отдела РГО. 1884. Т. 13. С. 161–211.

Мешэн. Б. Записка барона Бенуа-Мешэн о Мервских туркменах 1883 г. // СМА. СПб. : Военная типография, 1883. Вып. 6. С. 122–131.

МИТТ. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. Т. 2. 700 с.

Пален К. К. Областное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. СПб. : Сенатская типография, 1910. 353 с.

Петрусевич Н. Г. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки Кавказского отдела РГО. Тифлис, 1880. Т. 11, вып. 1. С. 1–80.

Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабства и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. 6. М., 1958. 492 с.

Ржевуский А. От Тифлиса до Денгиль-тепе (Из записок участника) // Военный сборник. 1885. № 3. С. 117–158.

Ржевуский А. От Тифлиса до Денгиль-тепе (Из записок участника) // Военный сборник. 1884. № 10. С. 329–350.

Родзевич А. И. Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги. СПб., 1891.

Росляков А. А. Основные черты туркменской фортификации XVIII–XIX вв. // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М. ; Л. 1960. С. 222–226.

Соколов. Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжия 1-й конной батареи Терского казачьего войска Соколова 1882 г. // СМА. СПб. : Военная типография, 1883. Вып. 6. С. 156–199.

Стебницкий И. Заметки о Туркмении. Тифлис : Типография Меликова и К°, 1871. 111 с.

Чарыков Н. В. Мирное завоевание Мерва (Из воспоминаний о походе генерала А. В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. 1914. № 11. С. 486–518.

Curtis W. E. *Turkestan: "The Heart of Asia"*. New York: George H. Doran Company, 1911. 342 p. (in English).

Donovan E. *The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news"*. G. P. Putnam's Sons, New York. 1883. Vol. II. 500 p (in English).

Marvin Charles Thomas. *The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India*. By Charles Marvin. London. 1883. 470 p. (in English).

Rawlinson H. C. *The Road to Merv* // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series*. 1879. Vol. 1, no. 3. P. 161–191 (in English).

Stewarts C. E. *The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers*. // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series*. 1888. Vol. 3, no. 9. pp. 513–546 (in English).

Berdiyew A. Günorta Türkmenistanyň XVI–XVIII asyrlardaky maddy medeniýeti. Ashgabat: Ylym, 2020. 184 p. (на туркменском языке).

REFERENCES

Abdu-s-Sattar Kazy. *Kniga rasskazov o bitvakh tekintsev: Turkmenskaya istoricheskaya poema XIX veka* [Book of stories about the battles of the Tekins: Turkmen historical poem of the 19th century]. St. Petersburg, 1914. 82 p. (in Russian).

Alikhanov-Avarsky M. *Mervskiy oasis i dorogi, vedushchiye k nemu* [Merv oasis and roads leading to it]. SPb. 1883, 108 p. (in Russian).

Andreev A. P. *Turkmenskiy Alaman (Eskiz) [Turkmen Alaman] (Sketch). Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin]. 1902, no. 7. P. 109–141 (in Russian).

Artamonov L. G. *Pokoreniye turkmen-tekintsev russkimi voyskami pod nachal'stvom generala Skobeleva v 1880–81 gg.* [The conquest of the Turkmen-Tekins by Russian troops under the command of General Skobelev in 1880–81]. Saint Petersburg: Type. MM. Stasyulevich, 1884, 32 p. (in Russian).

Atdaev S. *Turkmeny Khivinskogo khanstva v XVIII v.* [Turkmens of the Khiva Khanate in the 18th century]. Kazan: Russian Humanitarian Science Foundation, 2010, 129 p. (in Russian).

Bykov A. *Teke-Merva* [Teke-Merva]. Available at: <http://www.ts.manas.edu.kg> (accessed January 9, 2023) (in Russian).

Charykov N. V. *Mirnoye zavoyevaniye Merva. (Iz vospominaniy o pokhode generala A. V. Komarova v 1885 g.)* [Peaceful conquest of Merv. (From the memoirs of the campaign of General A. V. Komarov in 1885)]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin]. 1914, no. 11. P. 486–518 (in Russian).

Gladyshev P. I. *Zametki ob Ateke i Kara-Kume* [Notes on Atek and Kara-Kum]. *Izv. Kavkaz. otd. RGO.* [Izv. Kavkaz. det. Russian Geographical Society]. Tiflis, 1883, Vol. 8, no. 1. P. 109–127 (in Russian).

Grodekov N. I. *Voyna v Turkmenii. Pokhod Skobeleva v 1880–1881 gg.* [War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881]. St. Petersburg: Printing house of V. Balashova, 1883 (in Russian).

Kuropatkin A. *Turkmeniya i turkmeny* [Turkmenistan and Turkmens]. Saint Petersburg, Printing house of V. A. Poletiki, 1879, 57 p. (in Russian).

Levina V. A. *K voprosu o genezise i tipakh pozdnykh poseleniy Yuzhnoy Turkmenii (po dannym arkheologii)* [On the issue of the genesis and types of late settlements in South Turkmenistan (according to archeology)]. *Trudy YUTAKE* [Proceedings of YUTAKE]. Ashkhabad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 1959, Vol. 9. S. 283–346 (in Russian).

Levina V. A., Ovezov D. M., Pugachenkova G. A. *Arkhitektura turkmenskogo narodnogo zhilishcha* [Architecture of the Turkmen people's dwelling]. *Trudy YUTAKE* [Proceedings of YUTAKE]. Moscow, State publishing house of literature on building and architecture, 1953, Vol. 3. 84 p. (in Russian).

Lessar P. M. *Zametki o Zakaspiyskom kraye i sosednykh stranakh (Poyezdka v Persiyu, Yuzhnuyu Turkmeniyu, Merv, Chardzhuy i Khivu)* [Notes on the Trans-Caspian Territory and neighboring countries (Journey to Persia, South Turkmenistan, Merv, Chardzhuy and Khiva)].

Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. 1884. Vol. 13. P. 161–211 (in Russian).

Meshen B. *Zapiska barona Benua-Meshen o Mervskikh turkmenakh 1883 g.* [Note of Baron Benois-Meshen about the Merv Turkmens of 1883]. *SMA*. [CMA]. St. Petersburg: Military Printing House, 1883, Iss. 6. P. 122–131 (in Russian).

МИТТ. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938. Vol. 2. 700 p. (in Russian).

Palen K. K. *Oblastnoye upravleniye. Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, provedennoy po vysochayshemu poveleniyu Senatorom Gofmeysterom grafom K. K. Palenym* [Regional administration. Report on the revision of the Turkestan region, carried out by the highest order of Senator Chamberlain Count K. K. Palenym]. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. 353 p. (in Russian).

Petrusevich N. G. *Turkmeny mezhdru starym ruslom Amu-Dar'i (Uzboyem) i severnymi okrainami Persii* [Turkmens between the old channel of the Amu Darya (Uzboy) and the northern outskirts of Persia]. *Zapiski Kavkaz. otd. IRGO* [Zapiski Kavkaz. otd. IRGO]. Tiflis: Type. Head. ex. us. Caucasus, 1880. Vol. 11, no. 1. P. 1–80 (in Russian).

Pugachenkova G. A. *Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma* [Ways of development of the architecture of Southern Turkmenistan during the period of slavery and feudalism]. *Trudy YUTAKE* [Works of the YUTAKE]. Moscow, 1958, vol. 6. 492 p. (in Russian).

Rodzevich A. I. *An essay on the construction of the Transcaspian military railway*. St. Petersburg, 1891.

Roslyakov A. A. *Osnovnyye cherty turkmenskoy fortifikatsii XVIII–XIX vv.* [The main features of the Turkmen fortification of the XVIII–XIX centuries]. *Issledovaniya po istorii kul'tury narodov Vostoka* [Research on the history of culture of the peoples of the East]. Moscow; Leningrad, 1960. P. 222–226 (in Russian).

Rzhevusky A. *Ot Tiflisa do Dengil' — tepe (Iz zapisok uchastnika)* [From Tiflis to Dengil-tepe (From the participant's notes)]. *Voyennyi sbornik* [Military collection]. 1885, no. 3. P. 117–158 (in Russian).

Rzhevusky A. *Ot Tiflisa do Dengil' — tepe (Iz zapisok uchastnika)* [From Tiflis to Dengil-tepe (From the participant's notes)]. *Voyennyi sbornik* [Military collection]. 1884, no. 10. P. 329–350 (in Russian).

Sokolov. *Zapiska o doroge iz Askhabada v Merv khorunzhiya 1-y konnoy batarei Terskogo kazach'yego voyska Sokolova 1882 g.* [A note on the road from Askhabad to Merv by the cornet of the 1st horse battery of the Terek Cossack army Sokolov, 1882]. *SMA* [SMA]. St. Petersburg: Military Printing House, 1883, Is. 6. P. 156–199 (in Russian).

Stebnitsky I. *Zametki o Turkmenii* [Notes on Turkmenistan]. Tiflis: Typography of Melikov and CO, 1871, 111 p. (in Russian).

Vasiliev P. S. *Akhal-tekinskiy oasis, yego proshloye i nastoyashcheye. Ocherki* [Akhal-Teke oasis, its past and present. Essays]. *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin]. Saint Petersburg, 1887, no. 5. P. 391–427 (in Russian).

V.N. G. Ocherk ekspeditsiy v Akhal-Teke 1879 i 1880 gg. [Essay on expeditions to Akhal-Teke in 1879 and 1880]. *Voyennyy sbornik* [Military collection]. 1888, no. 5. P. 204–426 (in Russian).

Curtis W.E. Turkestan. The Heart of Asia. New York: George H. Doran Company, 1911, 342 p. (in English).

Donovan E. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". G. P. Putnam's Sons, New York, 1883, Vol. II. 500 p. (in English).

Marvin Charles Thomas. The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India. By Charles Marvin. London, 1883, 470 p. (in English).

Rawlinson H. C. The Road to Merv. Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series. 1879, Vol. 1, no. 3. P. 161–191 (in English).

Stewarts C. E. The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers. Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series. 1881, Vol. 3, no. 9. P. 513–546 (in English).

Berdiyew A. Günorta Türkmenistanyň XVI–XVIII asyrlardaky maddy medeniýeti [Material culture of Southern Turkmenistan of the 16th–18th centuries]. Ashkhabad: Ýlym, 2020. 184 p. (in Turkmen).

Статья поступила в редакцию: 26.11.2022.

Принята к публикации 18.02.0022.

Дата публикации 03.04.2023.

УДК 296.2+211.5

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-06

Т. А. Фолиева*Лиссабонский университет, Лиссабон (Португалия)*

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛЬМЫ И БОРЬБА С АНТИСЕМИТИЗМОМ В 20–30-Х ГГ. XX В. В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого столетия в Советском Союзе поднимается волна антисемитизма. Она столь значима, что с 1926 г. ее подавление воспринимается как первоочередная задача. Причиной расцвета юдофобии является сложная социально-экономическая ситуация, ошибки органов государственной власти и шовинизм. В советской литературе некоторые экономические причины принимались в расчет, однако всплеск антисемитизма связывали прежде всего с империалистическим прошлым, пережитками и контрреволюцией. На борьбу с антисемитизмом был привлечен Союз воинствующих безбожников (СВБ), поскольку господствовала идея, что борьба с юдофобией является частью антирелигиозной работы. Один из методов работы СВБ — использование кинематографа в пропагандистских целях, воздействие на зрителей с помощью антирелигиозных фильмов. В статье рассматривается публикация М. Н. Кефала, автор подготовила материал, состоящий из двух частей. В первом — подборка из семи фильмов, которые затрагивают еврейский вопрос, во второй части — материалы для доклада об антисемитизме. Борьба с антисемитизмом продолжалась до 1932 г., в работе СВБ она была включена в антирелигиозную пропаганду, методы и инструменты были одинаковыми, схожим был и результат — юдофобия и религиозность были вытеснены из общественной сферы в повседневную в результате давления органов власти.

Ключевые слова: антирелигиозная борьба, антирелигиозное движение, Союз воинствующих безбожников, антирелигиозные фильмы, антисемитизм, религия и кино.

Цитирование статьи:

Фолиева Т. А. Антирелигиозные фильмы и борьба с антисемитизмом в 20–30-х гг. XX века в Советском Союзе // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1. С. 93–102. DOI: 10.14258/nreur(2023)1-06.

T. A. Folieva

University of Lisbon, Lisbon (Portugal)

ANTI-RELIGIOUS FILMS AND THE FIGHT AGAINST ANTI-SEMITISM IN THE 20–30S. XX CENTURY IN THE SOVIET UNION

During the late 1920s and early 1930s, there was a surge of anti-Semitism in the Soviet Union, which was considered the first immediate task since 1926. This wave of Judeophobia was attributed to the socio-economic situation, mistakes made by the state authorities, and chauvinism. While there were some common reasons cited in Soviet literature, anti-Semitism was primarily associated with the imperialist past, survivals, and counter-revolution. To combat anti-Semitism, the Union of Militant Atheists (UMA) was involved, as the fight against Judeophobia was seen as part of anti-religious work. The UMA used cinema as a propaganda tool to attract viewers through the use of anti-religious films.

The article discusses the completion of the publication of M. N. Kefala, which consists of two parts. The first part contains a selection of seven works that cover the Jewish question, while the second part contains materials for a report on anti-Semitism. The fight against anti-Semitism continued until 1932, and the SVB included it in anti-religious propaganda. Methods and tools were developed, and results were achieved, as Judeophobia and distrust were squeezed out of public organizations into the daily sphere of activity due to pressure from the authorities.

Keywords: anti-religious struggle, anti-religious movement, League of militant atheists, anti-religious films, anti-Semitism, religion and cinema.

For citation:

Folieva T. A. Anti-religious films and the fight against anti-Semitism in the 20–30s. XX century in the Soviet Union. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 93–102. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–06.

Фолиева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, докторант, Университет Лиссабона Faculty of Humanities of the University of Lisbon Alameda da Universidade, 1600–214 Lisboa. **Адрес для контактов:** tatiana_folieva@yahoo.com, ORCID: 0000–0001–6631–6022, ResearcherID ABE-7097–2020.

Folieva Tatyana Alexandrovna, PhD in Philosophy, PhD student, University of Lisbon, Faculty of Humanities of the University of Lisbon, Alameda da Universidade, 1600–214 Lisboa. Contact address: tatiana_folieva@yahoo.com, ORCID: 0000–0001–6631–6022, ResearcherID ABE-7097–2020.

Введение

В конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого столетия в Советском Союзе поднимается волна антисемитизма. На борьбу с ней отправляются все доступные силы — от партийных деятелей до творческой интеллигенции. Привлекается и Союз воинствующих безбожников, который к концу 20-х гг. накопил опыт активной пропаганды. Цель статьи — исследовать использование антирелигиозного кинематографа в борьбе с юдофобией. То, какое значение придавалось кинематографу, специфика материала и особенности его подачи — все это вызывает большой интерес среди отечественных исследователей [Головнева, Головнев, 2021, 2022; Гурьянов, 2018; Дианова. 2022. Карлявина, 2019; Шерстнев, 2016].

Часть публикаций выстраивается вокруг общей характеристики антирелигиозных фильмов [Дианова, 2022; Карлявина, 2019; Шерстнев, 2016], другая часть посвящена конкретным кинолентам [Головнева, Головнев, 2021, 2022]. В нашей статье мы попытаемся определить, для чего и почему в борьбе с антисемитизмом использовалось кино. Источником нам послужит публикация Марии Николаевны Кефала в журнале «Антирелигиозник» [Кефала, 1931], речи Емельяна Ярославского [Ярославский, 1935, 1935а], работы, посвященные всплеску антисемитизма, написанные в 1930-х гг. [Ларин, 1929].

Всплеск антисемитизма в Советском Союзе и Союз воинствующих безбожников

В 20-е гг. прошлого столетия в советском обществе происходит всплеск антисемитизма, исследователи выделяют несколько причин этого явления. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, продолжалась «антисемитская традиция» — идеи, которые существовали в Российской империи, а после революции не исчезли, наоборот, в какой-то момент актуализировались [Ларин, 1929: 37–44. Шварц, 1952: 13–14].

Во-вторых, появилась и обострилась дискуссия по крымскому вопросу, или «Южному проекту», который предполагал переселение еврейского населения на полуостров и создание там автономной области. До 1924 г. переселение было стихийным, но позже «приняло плановый, строго централизованный характер» [Кондратюк, 2021: 64]. Планировалось, что в результате «через 10 лет евреи должны составлять около 25% населения Крыма» [Ларин, 1929: 74]. При этом правительство не учитывало, что на территории только одной Украины «насчитывалось до 5 млн безземельных крестьян из числа коренного населения. Если учесть, что на их глазах еврейские колонисты получали бесплатно земельные угодья, заграничную сельскохозяйственную технику, семена и породистый скот, тогда как им власти предлагали искать лучшую долю на обширных пространствах за Уралом, становятся очевидными причины, вызвавшие взрыв массового антисемитизма в стране во второй половине 20-х годов» [Костырченко, 2003: 99].

В-третьих, в это время изменились области расселения еврейского населения — произошло массовое переселение из черты оседлости в другие регионы страны, а из местечек в города: «еврейское население из преимущественно местечкового (и мелкогородского) превратилось в преимущественно крупногородское и отчасти деревенское» [Ларин, 1929: 57–58]. В связи с этим изменилось и присутствие евреев в различных сек-

торах социальной и экономической жизни, они стали конкурентной силой [Костырченко, 2003: 100–101].

В четвертую группу можно объединить важные, но менее заметные причины: обнищание части еврейского населения и увеличение в этих слоях преступности, бытовая неустроенность населения в целом и т. д. [Костырченко, 2003: 101–102].

Волна антисемитизма была столь сильна, что вызвала обеспокоенность в партийных и государственных структурах. Борьбу с антисемитизмом начинает М. И. Калинин, его поддерживает нарком здравоохранения Н. А. Семашко [Семашко, 1926], позже к ним присоединяются нарком просвещения А. В. Луначарский [Луначарский, 1928] и известный революционный деятель Ю. Ларин [Ларин, 1929], постепенно к процессу подключаются партийные структуры [Шварц, 1952: 80–97], академические ученые [Лозинский, 1929; Плисецкий, 1931] и др. Одним из первых на борьбу с антисемитизмом был призван Союз воинствующих безбожников (СВБ), поскольку юдофобия связывалась с религиозными представлениями и вероисповедной политикой до 1917 г. Сам СВБ не избежал влияния волны антисемитизма, но такие явления скорее были исключением и достаточно жестко подавлялись руководством [Кефала, 1931: 95; Лучшев, 2016: 244–245].

Кампания по преодолению антисемитизма началась в 1926 г., «достигнув своего апогея в 1929 — начале 1930 года, затем стала ослабевать, пока не сошла на нет в 1932 году... значительно укрепившемся к тому времени режиму власти уже не составляло большого труда сначала пресечь открытые проявления антиеврейских настроений, а затем прекратить (якобы в интересах консолидации общества) публичное обсуждение и самой проблемы антисемитизма» [Костырченко, 2003: 108]. Активность членов Союза воинствующих безбожников также пришлось на эти годы: от первого выступления идеолога группы Емельяна Ярославского в 1926 г. до последних публикаций в журнале «Антирелигиозник» в 1932 г.

Позицию Союза воинствующих безбожников можно представить, основываясь на программных выступлениях Ем. Ярославского:

(а) «антисемитизм на протяжении веков являлся орудием эксплуататорских классов, групп, партий, организаций»; (б) «антисемитизм в России... с самого начала возник на почве борьбы интересов различных торговых групп, которые видели в еврейских купцах конкурентов себе»; (в) «антисемитизм в Советской России — орудие контрреволюции... Основной корень, который питает и сохраняет антисемитизм, это сохранение эксплуататорских классов ... бывшие люди всех мастей, все они объединены величайшей ненавистью к революции, и все они не прочь использовать антисемитизм как орудие в борьбе с Советской властью» [Ярославский, 1935: 342–343, 346–347].

Для того чтобы победить антисемитизм, «надо уметь вскрыть его конкретные реакционные черты, надо уметь показать социальные, классовые корни антисемитизма в каждый данный момент, надо срывать маску с замаскированных, скрытых антисемитов, наиболее опасных; надо давать антисемитизму отпор при всех его проявлениях, а не отмалчиваться» [Ярославский, 1935: 351].

На практике борьба с антисемитизмом должна была реализовываться через усиление антирелигиозной пропаганды, создание кружков и клубов, куда бы входили нацменьшинства, с помощью подготовки лекторов, которые могли бы бороться с юдофо-

бий. Это стандартные методы работы, которые применялись СВБ как в центральных регионах, так и на периферии. Таким образом, борьба с религией и борьба с антисемитизмом, выстроенные по одному принципу, получали одинаковое значение. Например, Ем. Ярославский указывает: «У меня лежит записка о закрытии синагоги в Москве. Это имело бы громадное значение и для борьбы с антисемитизмом» [Ярославский, 1935а: 69].

Антирелигиозные фильмы и борьба с юдофобией

В 1908 г. появился первый русский фильм «Стенька Разин», в это же время формируется особая культура «кино-чтения»: «в журналах печатались «либретто» фильмов, представленных в прокате. Сначала это были либретто зарубежных фильмов, которые шли на российских экранах, постепенно рядом с ними стали появляться описания отечественных кинокартин» [Ковалова, 2013: 34]. Кинолибретто — предтеча сценария и трейлера, своеобразная реклама киноленты и помощник для зрителя (они ориентировали в происходящем и объясняли сюжет). С развитием советского кинематографа и государственных институтов всеобщего образования и просвещения кинолибретто становится инструментом передачи полезной, с точки зрения власти, информации.

Теперь после непосредственного пересказа фильма включались дополнительные материалы: доклады, статистика, статьи политических деятелей. Не остались в стороне и безбожники — антирелигиозные фильмы и дополнительные к ним материалы активно применялись на местах: «кинокартину можно с большим успехом комбинировать с лекцией, экскурсией, агитсудом, конкурсом, викториной, окружением картины лозунгами, плакатами и всеми другими видами пропаганды» [Полтевский, 1930: 3].

Один из ярких примеров подобного доклада был подготовлен Марией Николаевной Кефала и опубликован в журнале «Антирелигиозник» [Кефала, 1931]. Данный материал состоит из двух частей. Первая представляет собой подборку фильмов (с пересказом сюжета), которые рекомендуются для борьбы с юдофобией. Всего таких кинолент 7: «Бунт бабушек» (1929, реж. Оскар Галлай, 52 мин., фильм не сохранился); «Каин и Артем» (1929, реж. Павел Петров-Бытов, 85 мин.); «Запомните их лица» (1931, реж. Иван Мутанов, 69 мин.); «Колючая проволока» («Barbed Wire», 1927, реж. Роулэнд В. Ли, 70 мин.); «Мабул. Кровавый поток» (1925, реж. Евгений Иванов-Барков, 43 мин.), «Его превосходительство» (1925, реж. Григорий Рошаль, 66 мин.); «Крест и маузер» (1925, реж. Владимир Гардин, 74 мин.). Представленные киноленты очень разнохарактерны: подборка М. Н. Кефала включает фильмы разных жанров — от комедий («Бунт бабушек») до романтических историй («Колючая проволока»). Но этим данный перечень и хорош, так как автор попыталась учесть разнообразные вкусы аудитории.

В то же время фильмы отражают те вопросы, которые следовало прорабатывать в ходе пропаганды. Рассмотрим, какие конкретные задачи решались в этих кинолентах. Например, кинолента «Бунт бабушек» рассказывает о конфликте между еврейской и русской семьей. Обе семьи прогоняют молодоженов, у которых позже рождается ребенок. «Бабушки, желающие нянчиться с новорожденным, устраивают «бунт», и примирение совершается на Октябринах, организованных комсомольской ячейкой» [Кефала, 1931: 93]. Здесь и бабушки прогрессивные, и национальные предрассудки побеждены с помощью атеистических обрядов.

Фильм «Каин и Артем» снят по мотивам одноимённого рассказа М. Горького и рассказывает о становлении революционеров. Основная тема «Колючей проволоки» — «проявление шовинизма во время империалистической войны 1914–1918 гг. среди французского крестьянства при столкновении с немецкими военнопленными» [Кефала, 1931: 93]. «Мабул. Кровавый поток» снят по мотивам повести Ш. Алейхема «Кровавый поток», в киноленте с негативной оценкой показан погром: «перед зрителем проходят картины ужасающих зверств (грабежа, насилий, убийств), данных с беспощадной реальностью» [Кефала, 1931: 93]. Фильм «Его превосходительство» основан на реальных событиях — покушении сапожника Гирша Леккерта на убийство виленского генерал-губернатора фон Валя, а «Крест и маузер» показывает, как появлялись кровавые наветы.

Особо стоит выделить киноленту «Запомните их лица». Она была снята на волне борьбы с антисемитизмом специально и, скорее всего, по государственному заказу. Сюжет фильма таков: «Рабочий кожевенного завода еврей Нахум Бейчик изобретает машину, облегчающую тяжёлый труд по выделке кожи. Частный предприниматель, бывший кулак Лопатин, пытается купить изобретение и использовать его в своих корыстных интересах. Встретив со стороны Нахума Бейчика решительный отказ, кулак использует антисемитские настроения отсталой части рабочих и с помощью своих сообщников, хулиганов и прогульчиков, пытается убить изобретателя...». Если ранее описанные фильмы рассказывали об «империалистах», дореволюционных временах и освещали пережитки внутри семей, то «Запомните их лица» рассказывает об антисемитизме в рабочей среде. Сам фильм является своеобразной предтечей жанра мокьюментари — псевдодокументального кино. В киноленту включены неигровые кадры (рабочие на свои местах, ярмарка и т. д.), камера часто акцентирует внимание на лицах, лозунгах и стенгазетах «на заводе». Это самый агитпроповский фильм из всей подборки, но именно он является киноиллюстрацией тезиса Ем. Ярославского о том, что антисемизм — оружие контрреволюции.

Однако цель М. Н. Кефала состояла не только в указании на фильмы, но и в подтверждении идей, которые в них заложены. Отсюда вытекает вторая часть — «Материалы для доклада». Первое, что делает автор, — признает распространение национализма и антисемитизма в Советской России. По ее мнению, это связано с «обострением классовой борьбы в связи с последовательно и твердо проводимым партией и советской властью нашего Союза социалистическим наступлением» [Кефала, 1931: 94]. Антисемитизм есть «распространение вражды к еврейской нации» и «гнусное наследие прошлого, это кровавое, «отравленное оружие, выпавшее из рук царя и жандарма», ныне подхвачено врагами трудящихся» [Кефала, 1931: 94]. Автор развивает данные утверждения, в ее глазах проявление антисемитизма свидетельствует о том, что трудящиеся подтверждены контрреволюционному влиянию. Антисемитизм — это наследие царской власти, он использовался в Российской империи, чтобы отвлечь население от «истинных виновников их тяжелого положения» [Кефала, 1931: 95]. Вследствие этого к вопросу требуется особое внимание со стороны партийных органов и лекторов от СВБ. Корни юдофобии, согласно рассматриваемому докладу, имеют социально-экономические причины, которые также обнаруживаются в прошлом: и в Римской империи, и в Российской. Однако социально-экономические причины имперской властью

скрывались — «эксплуататорские классы прибегали к услугам религии, под маской которой во все времена, во всех странах они скрывали свои классовые интересы и цели... По отношению к евреям была выработана целая система религиозно-национальных обвинений» [Кефала, 1931: 96]. Соответственно, борьба с религией означает раскрытие социально-экономической сущности антисемитизма и окончательную победу над ним.

Перед нами обращение к прошлому как обоснование настоящего. Однако вопросы, которые задаются рабочими в фильме (и которые приводит сама М. Н. Кефала), свидетельствуют о том, что героев мало волнуют особенности экономических отношений в недалеком прошлом: «Есть ли засилье евреев во власти?», «Почему евреям дали хорошую землю в Крыму, а русским дают где похуже?», «Почему партийная оппозиция на 76% была из евреев?», «Почему евреи не стоят в очередях?» и др. [Кефала, 1931: 93]. Вряд ли рассказ о погромах в царской России или указание на антисемитизм «бывших» могли ответить на вопрос про очереди. М. Н. Кефала следует заданному официальному дискурсу, который игнорирует антисемитизм на повседневном уровне и манипулирует сложными теоретическими построениями. И вот здесь кинематограф выступает как помощник лектора, готовый ответить на вопросы населения, рассказать о том, что было («Крест и маузер», «Мабул»), показать, что будет («Бунт бабушек», «Запомните эти лица»), создать образ еврея-революционера («Каин и Артем»).

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить следующее. В конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого столетия в Советском Союзе поднимается волна антисемитизма. Она столь значима, что с 1926 г. ее подавление воспринимается как первоочередная задача. На решение данного вопроса направляются активисты из партийных кругов и творческой интеллигенции. Современные исследователи подчеркивают, что причиной расцвета юдофобии является сложная социально-экономическая ситуация, ошибки органов государственной власти и шовинизм, который в послереволюционное время не исчез. В советской литературе некоторые экономические причины принимались в расчет, однако всплеск антисемитизма связывался прежде всего с империалистическим прошлым, пережитками, контрреволюцией и деятельностью «бывших людей», которые влияли на рабочих и крестьян. Одновременно с этим антисемитизм рассматривался как наследие вероисповедной политики в Российской империи, результат конкуренции православия и иудаизма, поэтому на борьбу с ним и выступил Союз воинствующих безбожников. Одним из методов работы являлась демонстрация кинематографа, просмотры фильмов сопровождалась дополнительными материалами — от докладов до агитсудов. Специалистами СВБ составлялись специальные подборки для лекторов «на местах», при этом описывался сюжет каждого фильма, объяснялся выбор той или иной ленты. Кинематограф как форма досуга привлекал многих людей, поэтому становился хорошей платформой для иллюстрации пропагандистских текстов, делая их более понятными и жизненными.

Борьба с антисемитизмом была включена в антирелигиозную пропаганду, методы и инструменты использовались одинаковые, схожим был и результат — юдофобия и религиозность были выдвинуты из общественной в повседневную сферу в результа-

те давления органов власти. В то же время стоит отметить, что к концу 1930-х гг. меняется стиль работы СВБ. Организация становится более формальной и идеологически выдержанной, интерес к использованию антирелигиозных фильмов исчезает вплоть до начала хрущевской кампании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головнева Е. В., Головнев И. А. Советская антирелигиозная фильма. «Сектанты» Владимира Королевича (1930) // Религиоведение. 2021. № 3. С. 151–159.

Головнева Е. В., Головнев И. А. Антирелигиозный фильм Анатолия Терского «У сектантов» (1930) // Религиоведение. 2022. № 1. С. 147–156.

Гурьянов П. С. Антирелигиозная борьба большевиков в 1920–1930-е гг. при помощи кино // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8 (52). С. 131–135.

Дианова Е. В. Научно-просветительные культурфильмы в антирелигиозных кампаниях 1920-х годов // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Международной научной конференции. Иваново, 2022. С. 311–318.

Карлявина А. И. Антирелигиозный кинематограф в советской пропаганде 1920-х годов // Артикульт. 2019. № 3 (35). С. 97–104.

Кефала М. Религия и антисемитизм // Антирелигиозник. 1931. № 8. С. 93–99.

Ковалова А. О. Сценарий в русском кино 1910–1920-х годов: к истории вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 3. С. 33–47.

Кондратюк Г. Н. Переселение в Крым евреев: начальный этап (1924–1928 годы) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 63–91.

Костырченко, Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М. : Междунар. отношения, 2001. 778 с.

Ларин Ю. Евреи и антисемизм в СССР. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 311 с.

Лозинский, С. Г. Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время. М.: Атеист, 1929. 205 с.

Луначарский, А. В. Об антисемитизме. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 48 с.

Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. СПб. : Информационно-техническое агентство Ритм, 2016. 364 с.

Плисецкий М. С. Религия и быт грузинских евреев. М. ; Л. : Моск. рабочий, 1931. 178 с.

Полтевский А. Н. Антирелигиозная фильма: Справочно-метод. пособие по работе с антирелигиозной фильмой в клубе и избе-читальне. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1930. 32 с.

Семашко Н. А. Кто и почему травит евреев: С прил. ст. М. И. Калинина «Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым». М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 29 с.

Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 262 с.

Шерстнев Г. Обличение приема: к прагматике звукового антирелигиозного фильма // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). С. 170–181.

Ярославский Ем. М. Против религии и церкви: Пролетарская революция в борьбе с религией. М. : Гаиз, 1935. Т. 3. 563 с.

Ярославский Ем. М. Против религии и церкви: Борьба за преодоление религии. М.: Гаиз, 1935. Т. 4. 420 с.

REFERENCES

Dianova E. V. Nauchno-prosvetitel'nye kul'turfil'my v antireligioznykh kampaniiakh 1920-kh godov [Scientific and educational cultural films in the anti-religious campaigns of the 1920s]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [State, society, church in the history of Russia in the XX–XXI centuries. Materials of the XXI International Scientific Conference]. Ivanovo, 2022. P. 311–318 (in Russian).

Golovneva E. V., Golovnev I. A. Antireligiozniy fil'm Anatoliia Terskogo “U sektantov” (1930) [Anti-religious film by Anatoly Tersky “At the sectarians” (1930)]. *Religiovedenie*. [Study of Religions]. 2022, no 1. P. 147–156 (in Russian).

Golovneva E. V., Golovnev I. A. Sovetskaia antireligioznaia fil'ma. “Sektanty” Vladimira Korolevicha (1930). [Soviet anti-religious film. “Sectarians” by Vladimir Korolevich (1930)]. *Religiovedenie*. [Study of Religions]. 2021, no 3. P. 151–159 (in Russian).

Gur'ianov P. S. Antireligioznaia bor'ba bol'shevikov v 1920–1930-e gg. pri pomoshchi kino [The anti-religious struggle of the bolsheviks in the 1920s-1930s through the cinema]. *Obshchestvo: filosofia, istoriia, kul'tura*. [Society, philosophy, culture]. 2018, no 8 (52). P. 131–135 (in Russian).

Karliavina A. I. Antireligiozniy kinematograf v sovetskoii propagande 1920-kh godov [Anti-religious cinema in the Soviet propaganda of the 1920s]. *Artikult*. 2019, no. 3 (35). P. 97–104 (in Russian).

Kefala M. Religii i antisemitizm [Religion and anti-Semitism]. *Antireligioznik*. [Anti-religious]. 1931, no. 8. P. 93–99 (in Russian).

Kovalova A. O. Stsenarii v russkom kino 1910–1920-kh godov: k istorii voprosa [Scenario in Russian cinema of the 1910–1920s: on the history of the issue]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of St. Petersburg University. Art history]. 2013, no. 3. P. 33–47 (in Russian).

Kondratiuk G. N. Pereselenie v Krym evreev: nachal'nyi etap (1924–1928 gody) [Resettlement of Jews in Crimea: the initial stage (1924–1928)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya “Istoricheskie nauki”*. [Uchenye zapiski V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Series “Historical Sciences”]. 2021, vol. 7 (73), no 1. 2021. P. 63–91 (in Russian).

Kostyrchenko, G. V. *Tainaia politika Stalina: Vlast' i antisemitizm*. [Stalin's Secret Politics: Power and Anti-Semitism] M.: Mezhdunar. otnosheniia, 2001. 778 p. (in Russian).

Larin Iu. *Evrei i antisemitizm v SSSR*. [Jews and Anti-Semitism in the USSR]. M.: Gosudarstvennoe izd-vo; L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1929. 311 p. (in Russian).

Lozinskii, S. G. *Sotsial'nye korni antisemitizma v srednie veka i v novoe vremia* [Social roots of anti-Semitism in the Middle Ages and in modern times]. M.: Ateist, 1929. 205 p. (in Russian).

Lunacharskii, A. V. *Ob antisemitizme* [About anti-Semitism]. M.: Gosudarstvennoe izd-vo; L.: Gosudarstvennoe izd-vo. 1929. 48 p. (in Russian).

Luchshev E. M. *Antireligioznaia propaganda v SSSR: 1917–1941 gg.* [Anti-religious propaganda in the USSR: 1917–1941]. SPb.: «Informatsionno-tekhicheskoe agentstvo Ritm', 2016. 364 p. (in Russian).

Plisetskii, M. S. *Religiia i byt gruzinskikh evreev* [Religion and way of life of Georgian Jews]. M., L.: Mosk. rabochii, 1931. 178 p.

Poltevskaia, A. N. *Antireligioznaia fil'ma: Spravochno-metod. posobie po rabote s antireligioznoi fil'moi v klube i izbe-chital'ne* [Anti-religious film: A reference method. manual for working with an anti-religious film in the club and reading room]. M.: Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1930. 32 p.

Semashko, N. A. *Kto i pochemu travit evreev: S pril. st. M. I. Kalinina "Evreiskii vopros i pereselenie evreev v Krym"* [Who and why poisons the Jews: With adj. Art. M. I. Kalinina "The Jewish Question and the Resettlement of Jews in the Crimea"]. M.; L.: Gos. izd-vo, 1926. 29 p. (in Russian).

Sherstnyov G. *Oblichenie priema: k pragmatike zvukovogo antireligioznogo fil'ma* [Exposure of reception: to the pragmatics of a sound anti-religious film]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Review] 2016, no 2 (138). P. 170–181 (in Russian).

Shvarts S. M. *Antisemitizm v Sovetskom Soiuze* [Anti-Semitism in the Soviet Union]. N'iu-Iork: Izd-vo im. Chekhova, 1952. 262 p. (in Russian).

Yaroslavskii, Em. M. *Protiv religii i tserkvi: Proletarskaia revoliutsiia v bor'be s religiei* [Against religion and the church: Proletarian revolution in the fight against religion.]. M.: Gaiz, 1935. Vol. 3. 563 p. (in Russian).

Yaroslavskii, Em. M. *Protiv religii i tserkvi: Bor'ba za preodolenie religii*. [Against religion and the church: The struggle to overcome religion]. M.: Gaiz, 1935. Vol. 3. 420 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 01.12.2022.

Принята к публикации 22.12.2023.

Дата публикации 03.04.2023.

УДК 94 (47).089.1+94 (47).084.2+94 (438).074+94 (438).071

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–07

А. Ю. Бахтурина

Российский государственный гуманитарный университет; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва (Россия)

ЭВАКУИРОВАННОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО В ПОЛИТИКЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И БОЛЬШЕВИСТСКОГО СОВНАРКОМА В 1917 Г.

В статье рассматриваются деятельность российских министерств по обеспечению положения эвакуированных государственных служащих в условиях начавшегося в 1917 г. процесса ликвидации российских государственных учреждений в Царстве Польском. Показана позиция польского эвакуированного чиновничества в вопросе о назначении им пособий, рассмотрена аргументация чиновников-поляков, добивавшихся дополнительных выплат, позиционировавших себя как жертв самодержавного режима. Указывается, что под влиянием февральских революционных событий 1917 г. усиливается национальная самоидентификация государственных служащих — поляков, единые интересы бюрократии как корпорации разрушаются под влиянием политической борьбы. Приход большевиков к власти ознаменовался изменением подходов к чиновникам-полякам. Советская власть уже не рассматривала их в качестве жертв царизма. В январе-феврале 1918 г. местные Советы на основании декрета СНК приступили к масштабной ликвидации эвакуированных учреждений и прекращению выплат жалованья и пособий их служащим. Делается вывод о том, что в процессе распада Российской империи текущие политические задачи влияли на положение представителей определенных национальностей и профессиональных групп населения, а сами они, как видно на примере эвакуированной польской бюрократии, стремились использовать политические лозунги революции в собственных, зачастую чисто материальных интересах.

Ключевые слова: Царство Польское, бюрократия, гражданские служащие, эвакуация, революция 1917 г., Временное правительство.

Цитирование статьи:

Бахтурина А. Ю. Эвакуированное чиновничество Царства Польского в политике Временного правительства и большевистского Совнаркома в 1917 г. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1. С. 103–115. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–07.

A. Yu. Bakhturina

Russian State University for the Humanities; State Academic University of Humanities, Moscow (Russia)

THE EVACUATED BUREAUCRACY OF THE KINGDOM OF POLAND IN THE POLICY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT AND THE BOLSHEVIK COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS IN 1917

The article investigates the efforts made by Russian ministries to assist civil servants who were evacuated during the liquidation of Russian state institutions in the Kingdom of Poland, which began in 1917. The position of the evacuated Polish bureaucracy regarding their entitlements is examined, along with the arguments presented by Polish officials who demanded additional payments, while portraying themselves as victims of tsarism. The article notes that the national identity of Polish civil servants became more pronounced following the February Revolution of 1917, and the bureaucratic corporation became fragmented due to political processes. The Soviet authorities no longer considered them as victims of tsarism. In January-February 1918, local councils began to terminate payments of wages and benefits to the employees of evacuated institutions based on a decree issued by the SNK. The article concludes that the collapse of the Russian Empire had a significant impact on the situation of specific nationalities and professional groups, and the evacuated Polish bureaucracy attempted to utilize political slogans of the revolution to serve their own material interests.

Keywords: The Kingdom of Poland, bureaucracy, civil servants, evacuation, February Revolution of 1917, Provisional Government.

For citation:

Bakhturina A. Yu. The evacuated bureaucracy of the Kingdom of Poland in the policy of the Provisional government and the bolshevik Council of people's commissars in 1917. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 103–115. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–07.

Бахтурина Александра Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры истории России Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** igu_fdta@rggu.ru.

Bakhturina Alexandra Yurievna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of State Institutions and Public Organizations of the Russian State University for the Humanities; Professor of the Department of History of Russia of the State Academic University of Humanities, Moskau (Russia). **Contact address:** igu_fdta@rggu.ru.

Введение

История распада империй начала XX столетия, привлекающая огромное число исследователей, в течение многих лет является преимущественно историей политической борьбы, хотя жертвами крушения империй стали не только государства, но и рядовые члены общества. Разрыв имперских связей нанес сокрушительный удар именно по повседневной жизни, определил глубинные основы последующего социального поведения, взаимоотношения государства и различных общественных слоев.

Длительное изучение истории распада империй в начале XX в. в контексте Первой мировой войны и последующих революций сформировало пристальный интерес к исследованию положения таких социальных групп, как беженцы и военнопленные, где наибольшее внимание вызывают их национальная принадлежность и материальное положение. Не рассматривалось ранее положение эвакуированных государственных служащих, составлявших самостоятельную социальную группу и понесших значительный ущерб не только из-за войны и эвакуации, как и большинство беженцев, но и ставших жертвами краха имперского государственного аппарата.

Временное правительство и создание Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского

Одним из наиболее показательных случаев в этом плане стали решения Временного правительства по польскому вопросу, включавшие ряд практических задач, призванных обеспечить формирование независимой польской государственности не только в политическом, но и в практическом, административном и гуманитарном аспектах.

В марте 1917 г. Указом Временного правительства создается Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского под председательством члена Государственной Думы первого созыва А. Р. Ледницкого. Одновременно принимается Положение о ликвидационной Комиссии, определившее ее состав и основные функции. Комиссия учреждалась в составе представителей от министерств внутренних дел, иностранных дел, народного просвещения, юстиции, военного, а также общественных организаций (Совета съездов польских организаций, Польского общества помощи жертвам войны, Центрального гражданского комитета в Москве, занимавшегося организацией помощи польским беженцам).

Провозглашение права польского народа на самостоятельное определение «своей судьбы» и «государственный строй» через созыв в столице Польши Учредительного собрания, избранного всеобщим голосованием, и создание Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, декларированное 16 (29) марта 1917 г. «Воззванием Временного правительства к полякам» [Документы и материалы..., 1963: 35–36], для многих современников означали наступление нового этапа в решении польского вопроса. Политические аспекты проблемы активно изучали российские и зарубежные исследователи [Zamoyski, 1987: 333–336; Яжборовская, Парсаданова, 2005: 91].

Начало ликвидации российских государственных учреждений в Царстве Польском

Весной-летом 1917 г. оставалось весьма много неясностей относительного практической стороны вопроса при определении статуса Польши, и эти проблемы в наи-

большей степени беспокоили тогда польскую общественность и деятелей Ликвидационной комиссии [Матвеев, 2009: 90, 87–91; Фалькович, 2009: 24–25; Тимофеева, 2017: 160–171; Stolen, 1990: 92; Toporowicz, 1973: 297–347]. Но, независимо от политических задач, в Положении о создании Ликвидационной комиссии значились ее практические цели, в том числе определение по «соглашению с подлежащими ведомствами порядка ликвидации государственных учреждений, действовавших в Царстве Польском» [Положение о Ликвидационной комиссии..., 1917: 1–2]. Процесс ликвидации российских учреждений в Царстве Польском непосредственно затрагивал положение государственных служащих. К 1917 г. значительная их часть находилась в Петрограде, Москве и ряде российских городов, куда они были эвакуированы во время войны. В структуре Комиссии действовало шесть отделов, занимавшихся вопросами ликвидации российских административных, земских, судебных учреждений, благотворительных и общественных организаций, действовавших на территории Царства Польского. В их числе находился самостоятельный шестой отдел, ведавший делами эвакуированных польских чиновников [Toporowicz, 1973: 326].

Эвакуация гражданских служащих

Эвакуация чиновников из Царства Польского проходила неоднократно в связи с наступлениями германской армии осенью 1914 — летом 1915 г. Первый раз чиновники уездного уровня эвакуировались в сентябре 1914 г. из Сувалкской губернии. После стабилизации фронта была проведена частичная реэвакуация в начале 1915 г. В мае 1915 г. немцы осуществили Горлицкий прорыв, в июне началась промышленная эвакуация Варшавы, а затем и гражданских учреждений.

Часть гражданских служащих по распоряжениям властей осталась на территории Царства Польского и не была эвакуирована. Во время немецкой оккупации они продолжали получать жалование через иностранные дипломатические представительства, чем специально занималось российское Министерство иностранных дел. В Москву и Петроград в годы Первой мировой войны эвакуировались чиновники всех ведомств: судебного, внутренних дел, народного просвещения, железнодорожные служащие. Эвакуированные из Царства Польского учреждения были присоединены к соответствующим российским структурам в Петрограде и Москве. Служащие сохраняли свои должности, жалование, право на пособие, наименования должностей не менялись. Часть учреждений, эвакуированных во внутренние российские губернии, действовала самостоятельно, например, Страховое управление.

Материальное положение эвакуированных польских чиновников накануне революции

В массиве исследований, посвященных польским беженцам в Центральных и Восточных губерниях Российской империи, гражданские служащие в отдельную группу не выделяются [Белова, 2012: 110–117; Мондзик, 2002: 317–326; Нам, 2015: 274–284; Tułaszy los..., 2007], что представляется вполне закономерным, т. к. они обладали особыми привилегиями, а их положение регулировалось отдельными нормами.

Материальное положение польских чиновников в 1917 г. определяли принятые еще в начале Первой мировой войны нормы. Положение «О вывозе за счет казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств» определяло виды и размеры пособий государственных служащих и членов их семей. Выплачивались пособия двух видов: суточные и единовременные. Их размер зависел от чина и класса чиновника по Табели о рангах, а также от дальности района эвакуации. Действительные тайные советники получали 3 рубля суточных и пособия в зависимости от расстояния — до трех тысяч верст 125 рублей, свыше шести тысяч верст 375 рублей. Чиновники 9–4 классов — один рубль суточных и пособия от 50 до 150 рублей, неклассные чины и служащие по вольному найму 45 коп. суточных и пособия от 25 до 75 рублей. Члены их семей пользовались правом преимущественной посадки в поезд относительно других гражданских пассажиров [РГИА. Ф. 1282. Оп. Д. 1007. Л. 9–11].

Затем размеры пособий увеличились. В мае 1915 г. Николай II утвердил «Временные правила о дополнительных из казны пособиях служащим в учреждениях гражданского ведомства в районе военных действий», а вслед за этим издается приказ Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича по этому вопросу.

Согласно Временным правилам дополнительные пособия включали суточные деньги и ежемесячные пособия на наём квартир семьям служащих [ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 2167. Л. 73]. Размеры пособий гражданским служащим в 1915 г. корректировались и зависели не только от должности и размера жалования, но и от ведомства, поскольку отдельные министерства и местные учреждения выделяли для своих служащих дополнительные пособия. Так, дополнительные суточные назначались для чинов управления помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Размер одного пособия составлял в месяц в среднем 38 рублей [ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 2167. Л. 37, 46]. Для сравнения укажем, что беженцы, находившиеся в Орловской губернии, получали 4 рубля 50 копеек денежного пособия на продовольствие на взрослого и 2 рубля 3 копейки на детей до пяти лет и квартирное пособие от 2 до 5 рублей в месяц на семью [Белова, 2014: 128].

Положение эвакуированных гражданских служащих в 1917 г.

С началом ликвидации гражданских учреждений царского правительства в Царстве Польском менялся служебный статус польских чиновников, находившихся в эвакуации. Административные структуры, эвакуированные из Царства Польского и присоединенные к соответствующим ведомствам в Москве и Петрограде, должны быть ликвидированы, служащие уволены с назначением соответствующих пособий, а Ликвидационной комиссии предстояло решить вопрос об их дальнейшей судьбе. Но уже на начальном этапе вопрос о гражданских служащих был передан из Ликвидационной комиссии ее членам — представителям министерств. При Министерстве внутренних дел было создано межведомственное Совещание для разработки положения о порядке ликвидации эвакуированных учреждений Царства Польского. Предлагалось разработать предложения по каждому министерству о порядке увольнения служащих и выплата пособий, обобщить их в рамках межведомственного совещания при МВД,

а затем передать законопроект в Ликвидационную комиссию А. Р. Ледницкого [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 21]. Наиболее актуальным стал вопрос о размере пособий и круге лиц, которые могли бы претендовать на его получение.

Межведомственное совещание при МВД разработало общие принципы обеспечения чиновников ликвидируемых учреждений. Они переводились в категорию заштатных чиновников и могли претендовать на содержание в размере получаемого оклада, единовременное пособие, прогонные деньги и пенсии. По окончании войны для возвращения в Польшу они имели право получить единовременное пособие в размере трехмесячного оклада [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 21–22].

Помимо межведомственного совещания при МВД, порядок ликвидации эвакуированных учреждений Царства Польского в 1917 г. разрабатывается применительно к отдельным ведомствам. Так, Министерство путей сообщения ввело дополнительные выплаты для служащих Варшавской железной дороги. При этом, предвидя возможные злоупотребления в связи с дополнительными выплатами, руководство МПС приняло специальное решение о запрете приема новых служащих в ликвидируемые учреждения [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 23].

Все эти решения в условиях, когда рубль стремительно дешевел, а цены росли, чиновники эвакуированных из Царства Польского учреждений не считали исчерпывающими. Начинается борьба за увеличение пособий, в которой основными становятся не правовые и финансовые, а политические аргументы. В условиях нарастания революционной активности масс можно наблюдать, как эвакуированное польское чиновничество выходит за пределы традиционного бюрократического поведения, аргументируя свои претензии не послужными списками и заслугами перед государством, а принадлежностью к угнетаемой царизмом национальности.

Общественные организации польских чиновников

Феномен польского чиновничества, находящегося на российской государственной службе, рассматривался российскими и польскими специалистами применительно к различным периодам истории. При этом не сложилось единого мнения о том, как пребывание на российской службе влияло на национальную самоидентификацию. Некоторые авторы высказывали мнение о том, что государственная служба способствовала ненасильственной ассимиляции польских юристов, профессоров, чиновников [Мобек, 2007: 175–177; Миллер, 2002: 142].

Революция усилила процессы национальной самоидентификации гражданских служащих польского происхождения, оказавшихся в Петрограде и Москве. Они начинают объединяться по национальному и политическому признакам. Но проявляют гражданскую активность, создают общественные и профессиональные объединения служащие, которых по роду профессиональной деятельности никак нельзя отнести к пособникам царского режима: железнодорожники, нотариусы, счетоводы и др. Возникает Союз польских счетных работников, Первое общество чиновников-поляков Министерства финансов и другие организации. Эвакуированные из Царства Польского государственные служащие в 1917 г. позиционируют себя не в качестве представителей чиновного мира, а как поляков и жертв павшего режима.

14 июня 1917 г. был учреждено Первое общество чиновников-поляков Министерства финансов под председательством Иосифа Иосифовича Охримовича. В Уставе общества говорилось, что оно состоит из эвакуированных чиновников — поляков Царства Польского без различия вероисповедания, служащих в казенных палатах и казначействах губерний Варшавской, Петроковской, Калишской. Также членами общества могли быть все служащие любых финансовых учреждений, эвакуированных из Царства Польского. Основной целью общества объявлялась «забота... об исходатайствовании справедливого вознаграждения членам общества за их государственную службу, возмещении убытков, понесенных вследствие эвакуации, содействие в приискании службы как в России, так и в будущем в Царстве Польском, помощь при возвращении на родину. Выдача пособий в экстренных случаях членам, находящимся вследствие несчастных случаев в исключительно безвыходном материальном положении» [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 50–54].

Была составлена Записка чиновников-поляков Министерства финансов. Цель записки была очевидна — представить убедительные аргументы для назначения максимально возможных пособий. Пособия, которые выплачивались эвакуированным чиновникам до 1917 г., зависели от чина по Табели о рангах, выслуги лет и размера жалованья. Для того, чтобы расчет пособий изменился в большую сторону, авторы записки указывали, что служащие-поляки в Царстве Польском были ограничены в продвижении по службе и получали меньшее жалование. Также в Записке говорилось о положении вольнонаемных служащих, которых среди поляков было большинство, поскольку до революции «поляков принимали на должность вольнонаемного, а русского в штат, поэтом вольнонаемные не приобретали права на государственную пенсию», и это обстоятельство должно быть учтено при увольнении вольнонаемных служащих [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 33 об. — 34].

Претензии польских чиновников не были лишены оснований. Действительно, хотя 12 декабря 1904 г. был принят указ, отменявший ограничения по национальному признаку, продолжали действовать Положение Комитета министров от 6 июля 1905 г. о порядке выполнения пункта 7 именного указа в отношении губерний Царства Польского, отдельным пунктом предписывалось министрам и главному управляющим составить список должностей, которые «в губерниях Царства Польского не могут быть замещаемы лицами польского происхождения и представить... списки... на усмотрение Комитета министров» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 869. Л. 221].

Следующим аргументом в пользу увеличения пособий стало указание на потерю имущества при эвакуации. В тексте отмечалось, что эвакуация проходила в экстренном порядке, поэтому большинство служащих Варшавской, Калишской и Петроковской губерний до 20 июля 1914 г. не получали никаких распоряжений об эвакуации. «Наступление было до того неожиданно, что большинство служащих осталось на местах. Часть выехала, но потеряла личное имущество. В остальной части названных губерний и в Варшаве в 1914 и 1915 гг. местные власти почти до последнего момента держали население в полной уверенности, что эта часть края не будет сдана. Ход событий обманул все мечты о несокрушимости фронта, и началась спешная эвакуация всех учреждений» [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 37]. При эвакуации служащие могли вы-

везти до 10 пудов багажа, но в спешке многие не успели этого сделать, «о распродаже громоздкого имущества не приходилось думать, не было покупателей... Весь домашний скарб не вывезен, квартиры в Варшаве оставлены на попечение домовладельца» [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 37 об.].

Итогом обсуждений проектов в министерствах стал итоговый документ, утвержденный в Ликвидационной комиссии Царства Польского. Служащие упраздняемых учреждений Царства Польского выводились за штат, но им выплачивались единовременные пособия в размере полуторагодового оклада, возмещалось утраченное во время военных действий движимое имущество, пособия для возвращения на родину, также были положены дополнительные пособия в зависимости от выслуги лет и пенсии [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 20].

В наихудшем положении оказались «пособники» самодержавия — служащие полиции и жандармерии. 4 (17) марта Временное правительство приняло решение о ликвидации Особого корпуса жандармов и полиции. Это решение распространялось и на губернии Царства Польского. Таким образом, служащие полиции и жандармерии остались вне государственных структур и не могли претендовать на какие-либо льготы или пособия.

Но, несмотря на принятые решения по гражданским служащим, проблема решена не была. Процесс ликвидации эвакуированных учреждений Царства Польского продолжался довольно долго, и после прихода большевиков к власти часть учреждений продолжала функционировать.

Эвакуированные польские чиновники после свержения Временного правительства

9 декабря 1917 г. Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского декретом СНК переходит с подчинение комиссару по польским делам в Наркомате по делам национальностей (Наркомнаце), а должность ее председателя упраздняется [Декрет СНК о передаче Ликвидационной комиссии..., 1963: 194].

Помимо Наркомата по делам национальностей, делами польских эвакуированных служащих стали заниматься также созданные ранее польские общественные организации. На первом месте были вопросы трудоустройства и реэвакуации.

20 января 1918 г. за подписью председателя СНК В. И. Ленина появляется декрет «О ликвидации эвакуированных во время войны окружных, губернских и уездных правительственных учреждений всех ведомств» [О ликвидации эвакуированных... 1957: 399]. Указывая на факт эвакуации чиновничества в ходе войны, авторы декрета подчеркивали, что эвакуированные чиновники, «фактически не неся обязанностей, получали жалование». Это положение СНК называл «ненормальным», и декрет должен был его «прекратить» [О ликвидации эвакуированных... 1957: 399]. Для этого центральные ведомства должны были перестать финансировать эвакуированные учреждения, а местным Советам предписывалось немедленно ликвидировать все эвакуированные учреждения, «приняв от них все дела, документы, имущество и деньги», а также «следить, чтобы выдача жалования эвакуированным чиновникам была немедленно прекращена» [О ликвидации эвакуированных... 1954: 400]. Через несколько дней, 23 января, текст декрета подвергся редакции: в него внесли дополнительные полномочия местных Со-

ветов, которым разрешалось в случае признания какого-либо эвакуированного учреждения «общественно-полезным» приостановить ликвидацию и обсудить вопрос с соответствующим наркоматом [О ликвидации эвакуированных... 1957: 401].

Реакция различных ведомств на решение СНК требует самостоятельного изучения, но отдельные данные показывают, что пока силами большевиков шел процесс овладения дореволюционным государственным аппаратом, в ведомствах стремились помочь эвакуированным служащим. Так, в Министерстве финансов, которое продолжало функционировать в прежнем режиме несмотря на переименование и назначение туда народного комиссара, началась работа по срочному трудоустройству эвакуированных чинов ведомства, оказывавшихся без работы и средств к существованию. Это касалось и чиновников-поляков. Циркуляром от 21 (8) февраля 1918 г. за подписью помощника народного комиссара по Министерству финансов Д. П. Боголепова предлагалось предоставить всем прикомандированным к местным учреждениям данного министерства служащим «все имеющиеся свободные вакансии» [ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204. Л. 98]. Для тех, кого не удавалось устроить, составлялись списки для министерства, которое брало на себя поиск мест для эвакуированных служащих в местных казенных палатах.

Заключение

После свержения самодержавия происходят определенные изменения в положении гражданских служащих, эвакуированных из Царства Польского. С весны 1917 г. происходит расслоение профессиональной бюрократической корпорации, наблюдается консолидация как по национальному, так и по профессиональным признакам в рамках отдельных министерств. Служащие полиции и жандармерии, выброшенные из бюрократического сообщества, оказываются вне системы помощи эвакуированным гражданским служащим Царства Польского. Служащие министерств финансов, путей сообщения и других ведомств, наоборот, ведут активную борьбу за пособия и дополнительные выплаты, активно позиционируют себя как жертв павшего режима. Эти требования в той или иной мере поддерживаются Временным правительством, но с приходом к власти большевиков ситуация зимой 1917–1918 гг. кардинально меняется. Прекращается выплата пособий, ликвидация учреждений Царства Польского приводит к потере рабочих мест. В политике в отношении служащих-поляков доминирует классовый подход. В течение всего 1917 г. польские эвакуированные служащие из представителей российской дореволюционной бюрократии сначала превращаются в жертв царского режима, а затем в его верных представителей. Это убедительно свидетельствовало о том, что в условиях распада Российской империи на положение представителей отдельных национальностей и профессиональных групп населения влияли текущие политические задачи, а сами они, как это видно на примере эвакуированного польского чиновничества, стремились использовать политические лозунги революции в собственных, часто сугубо материальных интересах.

Благодарности

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образо-

вания Российской Федерации (тема № FZNF-2020–0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М. : АИРО-XXI, 2014. 432 с.

Белова И. Б. Судьба беженцев Первой мировой войны из Западных губерний Европейской России и Польши в Советской России в 1920 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 6. С. 110–117.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 265. Оп. 1. Д. 2167.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5115. Оп. 3. Д. 204.

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о передаче Ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского в ведение Комиссариата по польским делам. Петроград, 9 (22) декабря 1917 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Февраль 1917 г. — ноябрь 1918. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. 303 с.

Матвеев Г. Ф. Февральская революция в России и польский вопрос // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. М. : Институт славяноведения РАН, 2009. 336 с.

Миллер А. И. Русификация: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 133–149.

Мобек В. В. Национальная идентичность и государственная лояльность польских чиновников Российской империи // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: материалы Международной научной конференции. М. : ИВИ РАН, 2007. 492 с.

Мондзик М. Деятельность Польского общества помощи жертвам войны в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь в истории и культуре польского народа. М. : Ладомир, 2002. С. 317–326.

Нам И. В. Польские беженцы Первой мировой войны в Сибири // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начала XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: сборник научных трудов. Омск, 2015. С. 274–284.

О ликвидации эвакуированных во время войны окружных, губернских и уездных правительственных учреждений всех ведомств // Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957. Т. I. 504 с.

Положение о Ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 10. 16 (29) марта. С. 1–2.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1007.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 869.

Тимофеева О. В. Февральская революция в России и польский вопрос по дневникам Александра Ледницкого // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3 (78). С. 160–171.

Фалькович С. М. Польский вопрос в трех российских революциях // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. М. : Институт славяноведения РАН, 2009. 336 с.

Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. 404 с.

Tułaczy los: uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej / Mariusz Korzeniowski, Marek Mądzik, Dariusz Tarasiuk. — Lublin: Wydaw. Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. 238 p. (in Polish).

Stolen A. Aleksander Lednicki (1866–1934). Pierwsze kroki na niwie społecznej i politycznej // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 1990. P. 55–70 (in Polish).

Toporowicz W. Sprawa Polska w Polityce Rosyjskiej. 1914–1917. Warszawa Państwowe wydawnictwo naukowe. 1973. 411 p. (in Polish).

Zamoyski Adam. The Polish way: A thousand-year history of the Poles a. their culture. London, 1987. 422 p. (in Polish).

REFERENCES

Belova I. B. *Vynuzhdennyye migranty: bezhency i voennoplennyye Pervoy mirovoj vojny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925] Moscow: AIRO-XXI, 2014. 432 p. (in Russian).

Belova I. B. Sud'ba bezhencev Pervoy mirovoj vojny iz Zapadnykh gubernij Evropejskoj Rossii i Pol'shi v Sovetskoj Rossii v 1920 godu [The fate of World War I refugees from the Western provinces of European Russia and Poland in Soviet Russia in 1920]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki.* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences]. 2012. no 6. P. 110–117 (in Russian).

Dekret Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR o peredache Likvidacionnoj komissii po delam Korolevstva Pol'skogo v vedenie Komissariata po pol'skim delam. Petrograd, 9 (22) dekabrya 1917 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR on the transfer of the Liquidation Commission for the Kingdom of Poland to the Commissariat for Polish Affairs. Petrograd, December 9 (22), 1917]. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skih otnoshenij. Fevral' 1917 g. — noyabr' 1918.* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. February 1917 — November 1918] Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963. Vol. I. 303 p. (in Russian).

Fal'kovich S. M. Pol'skij vopros v trekh rossijskikh revolyuciyah [The Polish Question in three Russian Revolutions]. *Revolucionnaya Rossiya 1917 goda i pol'skij vopros: Novyye istochniki, novyye vzglyady.* [Revolutionary Russia of 1917 and the Polish Question: New sources, new views] Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. 2009. P. 20–27 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossijskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund 265. Inventory 1. File 2167 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossijskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund 5115. Inventory 3. File 204 (in Russian).

Matveev G. F. Fevral'skaya revolyuciya v Rossii i pol'skij vopros [The February Revolution in Russia and the Polish question]. *Revolucionnaya Rossiya 1917 goda i pol'skij vopros: Novye istochniki, novye vzglyady*. [Revolutionary Russia of 1917 and the Polish question: New sources, new views] Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. 2009. 336 p. (in Russian).

Miller A. I. Rusifikaciya: klassificirovat' i ponyat' [Russification: classify and understand]. *Ab Imperio*. 2002. no. 2. P. 133–149 (in Russian).

Mobek V. V. Nacional'naya identichnost' i gosudarstvennaya loyal'nost' pol'skih chinovnikov Rossijskoj imperii [National identity and state loyalty of Polish officials of the Russian Empire]. *Imperskie i nacional'nye modeli upravleniya: rossijskij i evropejskij opyt. Sb. materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. [Imperial and National management models: Russian and European experience: Collection of materials of the international scientific conference.] Moscow: IVI RAN. 2007. pp. 175–177 (in Russian).

Mondzik M. Deyatel'nost' Pol'skogo obshchestva pomoshchi zhertvam vojny v Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny [Activities of the Polish Society for Assistance to Victims of the War in Siberia during the First World War]. *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda*. [Siberia in the history and culture of the Polish people] Moscow: Lodomir, 2002. P. 317–326 (in Russian)

Nam I. V. Pol'skie bezhency Pervoj mirovoj vojny v Sibiri [Polish refugees of the First World War in Siberia]. *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroj polovine XVIII — nachala HKH veka v vospriyatii rossijskoj administracii, pereselencev i korenyh narodov Sibiri: Sb. Nauchnyh trudov*. [Polish exiles in Siberia in the second half of the XVIII — early XX century in the perception of the Russian administration, settlers and indigenous peoples of Siberia: A collection of scientific papers] Omsk. 2015. P. 274–284 (in Russian)

O likvidacii evakuirovannyh vo vremya vojny okruzhnyh, gubernskih i uездnyh pravitel'stvennyh uchrezhdenij vsekh vedomstv' [On the liquidation of district, provincial and county government institutions of all departments evacuated during the war']. *Dekrety Sovetskoj vlasti. 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918 g.* [Decrees of the Soviet Government. October 25, 1917 — March 16, 1918]. Moscow: Politizdat. 1957. Vol. 1. 504 p. (in Russian).

Polozhenie o Likvidacionnoj komissii po delam Korolevstva Pol'skogo [Regulations on the Liquidation Commission for the Kingdom of Poland]. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva. Petrograd*, [Bulletin of the Provisional Government]. 1917. no. 10. P. 1–2 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGA) [The Russian State Historical Archive]. Fund 1282. Invenrory. File 1007 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGA) [The Russian State Historical Archive]. Fund 1282. Invenrory 2. File 869 (in Russian).

Timofeeva O. V. Fevral'skaya revolyuciya v Rossii i pol'skij vopros po dnevnikam Aleksandra Lednicogo [The February Revolution in Russia and the Polish question according to the diaries of Alexander Lednitsky]. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*. [Bulletin of the Prikamsky Social Institute.] 2017. no. 3 (78). P. 160–171 (in Russian).

YAzhborovskaj I. S. Parsadanova V. S. *Rossiya i Pol'sha. Sindrom vojny 1920 g.* [Russia and Poland. The War Syndrome of 1920] Moscow: 2005. 404 p. (in Russian).

The fate of the Wanderers: Polish refugees in the Russian Empire during the first World War [Tułaczy los: uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej] /

Mariusz Korzeniowski, Marek Mądzik, Dariusz Tarasiuk. Lublin: Wydaw. Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. 238 p. (in Polish).

Stolen A. Aleksander Lednicki (1866–1934). Pierwsze kroki na niwie społecznej i politycznej [Aleksander Lednicki (1866–1934). Pierwsze kroki na niwie społecznej i politycznej]. Scientific Journals of the Jagiellonian University. Historical Works [Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellonstiego. Prace Historyczne.]. 1990. P. 55–70 (in Polish).

Toporowicz W. The Polish issue in Russian politics. 1914–1917 [Sprawa Polska w Polityce Rosyjskiej. 1914–1917]. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe. 1973. 411 p. (in Polish).

Zamoyski Adam. The Polish Way. London, 1987. 422 p. (in Polish).

Статья поступила в редакцию: 23.11.2022.

Принята к публикации 22.02.2023.

Дата публикации 03.04.2023.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 286

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-08

Т. П. Назарова

Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

О. Ю. Редькина

Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград (Россия)

ГУТТЕРСКОЕ БРАТСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1770 г. — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1870-х гг.): В ПОИСКЕ ИДЕАЛА ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ

Целью работы стал анализ эволюции социально-религиозного и хозяйственного уклада гуттеров как христианской общины в период их проживания в условиях южного фронта Российской империи. Гуттерское братство эмигрировало в Россию из Восточной Европы в конце XVIII в., заключив контракт с графом П. А. Румянцевым-Задунайским. Главной отличительной чертой гуттеров как протестантской группы было стремление вести коммунальный образ жизни по примеру общин ранних христиан, на основе принципов равенства и христианской любви, пацифизма, общности имущества. Было доказано, что в XIX в. неоднократные конфликты в гуттерском братстве возникали в результате борьбы между сторонниками коммунального и индивидуального образа жизни. Государство в Российской империи некоторое время позволяло сохранять христианскую коммуну гуттеров. Однако предпочтительным для властей было ведение индивидуального хозяйства, а не коммуна. Гуттерам в отличие от близких им по религии меннонитов не удалось стать заметной и успешной переселенческой группой из-за низкой рождаемости и внутренних конфликтов. В условиях быстрого экономического развития капитализма в Новороссии, проведения в России военной реформы гуттеры приняли решение о переселении на новый фронт — отдаленные районы Среднего Запада Северной Америки, где они сумели воплотить свой идеал христианской общины в жизнь. Статья помогает глубже понять специфику переселенческой

политики российской власти в XVIII–XIX вв. в отношении гонимых европейских религиозных групп и влияние на них российских условий.

Ключевые слова: гуттеры, меннониты, гернгутеры, протестанты, христианская коммуна, переселение, Черниговская, Екатеринославская, Таврическая губернии.

Цитирование статьи:

Назарова Т. П., Редькина О. Ю. Гуттерское братство в Российской империи (1770 г. — вторая половина 1870-х гг.): в поиске идеала христианской общины // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1 С. 116–128. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–08.

T. P. Nazarova

Volgograd State University, Volgograd (Russia)

O. Yu. Redkina

Volgograd State Agricultural University, Volgograd (Russia)

THE HUTTER BROTHERHOOD IN THE RUSSIAN EMPIRE (1770 — THE SECOND HALF OF THE 1870S): IN SEARCH OF THE IDEAL OF THE CHRISTIAN COMMUNITY

We conducted an analysis of the socio-religious and economic lifestyle of the Hutterers, a Christian community that emigrated from Eastern Europe to the southern frontier of the Russian Empire at the end of the 18th century. The Hutterers were known for their desire to live communally, based on the principles of equality and Christian love, pacifism, and community of property. While the Russian authorities initially allowed the Hutterers to maintain their community, they preferred individual farms over communes. Unlike the Mennonites, another religious group in the area, the Hutterers struggled with low birth rates and internal conflicts and were not successful in their resettlement. As capitalism rapidly developed in Novorossiia and military reforms took place in Russia, the Hutterers decided to move to the Midwest of North America where they could realize their ideal of a Christian community. This article provides insight into the resettlement policy of the Russian authorities in the 18th and 19th centuries towards persecuted European religious groups and how the Russian conditions affected them.

Keywords: Gutters, Mennonites, Gerngutgers, Protestants, Christian commune, resettlement, Chernihiv province, Yekaterinoslav province, Tauride Province.

For citation:

Nazarova T. P., Redkina O. Y. The Hutter brotherhood in the Russian empire (1770 — the second half of the 1870s): in search of the ideal of the christian community. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 116–128. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–08.

Назарова Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного аграрного университета, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** hist_tatyana@mail.ru.

Редькина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** redkina@volsu.ru.

Nazarova Tatyana Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Volgograd State Agrarian University, Volgograd (Russia). **Contact address:** hist_tatyana@mail.ru.

Redkina Olga Yuryevna, Doctor of Historical Sciences, Professor of Volgograd State University, Volgograd (Russia). **Contact address:** redkina@volsu.ru.

Введение

Российская империя во второй половине XVIII в. значительно расширила свои территории в Восточной Европе, населенные славянами, прибалтами, евреями, армянами, греками и др. Важным шагом к укреплению российской власти здесь стало провозглашение политики религиозной терпимости по отношению к католикам, протестантам, иудеям, мусульманам, старообрядцам; а также приглашение европейцев принять участие на льготных условиях, с охранением прав на свободу вероисповедания, в хозяйственном освоении пустующих земель в Поволжье и Новороссии. История гуттерского братства в Российской империи привлекала внимание дореволюционных российских исследователей (как правило, чиновников), современных украинских и словацких историков, этнографов, религиоведов [Клаус, 1869: 24–25; Велицын, 1893: 125–130; Бондарь, 1916: 6–12; Васильева, 1993; Мороз, 2017]. Несмотря на определенный интерес исследователей к наследию гуттерского братства в российских губерниях, остается не проясненным вопрос о причинах стремления гуттеров к сохранению коммунального образа жизни и об их решении покинуть Россию. Кроме того, мало внимания уделялось влиянию меннонитов на гуттеров и его последствиям; оценке российскими властями и современниками социального и хозяйственного опыта братства. Отсутствуют современные работы российских авторов по истории гуттеров.

Переселение гуттерского братства в Российскую империю

Гуттерское братство, широко распространенное в 1530-х — 1595 гг. в Моравии (свыше 100 общин), возникло в результате взаимовлияния идей и практик различных протестантских групп региона, выступавших против претензии папы Римского быть наместником апостола Петра (к ним относились вальденсы Германии, Австрии, Чехии, Моравии, гуситы Чехии, анабаптисты Швейцарии, Южной Германии). Эти группы требовали пересмотра католического вероучения и обрядов на основе идеалов раннего христианства, признание общности имущества и коммунального образа жизни, равенства прав всех верующих, секуляризации имущества Римско-католической церкви, отказа от церковной десятины; некоторые отвергали войну и насилие как способы воплощения своих взглядов в жизнь [Клаус, 1869: 24–28; Христианство, 1994: 117–118].

Анабаптистский проповедник Якоб Гуттер, спасаясь от преследований австрийских властей и инквизиции, привел в 1529 г. из Тироля своих последователей в Моравию, где социально-политическая ситуация была более спокойной. По примеру раннехристианской общины в Иерусалиме сторонники Гуттера приняли решение обобществить свое имущество и деньги. Гуттер признавался наставником многих общин Моравии вплоть до сожжения его на костре в Инсбруке в 1536 г. Его последователи стали именовать себя гуттерами. В научной литературе Австрии, Германии, Венгрии, Румынии, Чехии и Словакии существует термин «хабани» (*habani*) [Вайс, 2017: 98; Мороз, 2017]. Общины действовали не только в Моравии, но и в Словакии, Венгрии. Гуттерское братство активно воплощало в жизнь идею общности имущества исходя из христианского принципа любви к ближнему [Васильева, 1995: 75, Гуттериты, 2011: 528–530].

Гуттеры переосмыслили христианские таинства. В частности, не признавали крещения младенцев. Евхаристия, согласно их представлениям, являлась деянием, символизирующим единство «общины Бога» (земного «тела Христа»), напоминанием об искупительной жертве, а не приобщением к Христу путем вкушения воплощенных в хлебе и вине тела и крови. Сложным было отношение гуттеров к светской власти, которая защищала «человеческие», а не «божьи» законы. Члены братства подчинялись государству лишь в тех случаях, когда требования властей не противоречили взглядам гуттеров. Зачастую они отказывались от участия в любых формах государственного управления, принятия присяги, уплаты налогов (особенно военных), службы в армии [Васильева, 1995: 76].

В конце XVI в. положение гуттерского братства в Моравии резко ухудшилось из-за войн Австрии с Османской империей. В ходе Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) католическая армия разрушила 12 и разграбила 17 колоний. Многие гуттеры после 1622 г. были вынуждены принять католичество или бежать в Словакию и Венгрию. В первой половине XVII в. крупной (около 1000 человек) была община гуттеров у г. Алвинц в Трансильвании (современная Румыния) [Гуттериты, 2011]. В 1767 г. гуттеры основывают свои поселения под Бухарестом (княжество Валахия, современная Румыния). Однако их положение резко ухудшилось в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Эпидемия, погром в колонии, устроенный валахами, заставили общину искать убежища в России. В апреле 1770 г. старейшины небольшой общины сумели добиться аудиенции у фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского, который пригласил их поселиться в его имении Вишенки Черниговской губернии [Клаус, 1869: 31–32; Васильева, 1995: 76].

Переселение совершалось на условиях контракта, заключенного гуттерским братством с графом П. А. Румянцевым-Задунайским 4 июня 1770 г. Общине предоставлялись широкие права: свободное исповедание веры, освобождение от присяги в любых инстанциях, от военной службы. Гарантировалось невмешательство в дела общины, разрешалось работать и платить подати всем сообща; заниматься ремеслами и промыслами без записи в цеха, продавать изделия ремесла. Гуттеры получали три льготных года без уплаты поземельной подати, средства на проезд (30 рублей) и постройку домов. До заведения хозяйства общине выделялось в день по четверти муки, лес на постройку домов. Так как до зимы невозможно было построить дома, то гуттерам были

выделены временные помещения для жилья. По контракту община получала пашню, луга для сенокосов (13 десятин), землю для огородов, лес. По истечении льготных лет община должна была платить поземельную подать за землю и дома наличными деньгами несколько раз в год. Помещик обязывался не лишать членов общины свободы [РГИА, 1797–1801: 13–13 об.].

Гуттерское братство в Малороссии

В августе 1770 г. 67 гуттеров прибыли в Малороссию. Члены общины избирали старейшину, который пожизненно управлял церковными и хозяйственными делами общины. В помощь старейшине избирались помощники — по религиозным и хозяйственным вопросам. В 1770-х гг. благосостояние общины укрепилось. Был построен большой двор с жилыми и хозяйственными помещениями. Члены братства проживали в одном большом доме с особыми отделениями для жилых помещений (разделены по полам и возрастам), для молитвы, для хозяйственных работ, для отдыха, трапезы и т. д. Была организована школа для детей. Все полевые работы проводились коллективно. Развивались ткацкое, кузнечное, гончарное, сапожное, кожевенное, шляпное ремесло. В 1784 г. в общину были приняты еще 16 семей гуттеров (47 человек), переселившихся из Венгрии и Чехии [Клаус, 1869: 32–33]. Васильева полагала, что при помощи украинских гуттеров 56 их единоверцев из Словакии смогли переселиться в Вишенки [Васильева, 1995: 77]. В 1796 г. численность братства составила 155 человек (73 мужчины и 82 женщины) [РГИА, 1797–1801: 1].

Граф П. А. Румянцев-Задунайский покровительствовал гуттерскому братству. Однако после его смерти в декабре 1796 г. положение общины резко ухудшилось. Возник конфликт с его наследником графом С. П. Румянцевым-Задунайским из-за дополнительного сбора денег и муки на военные нужды. Гуттеры опасались, что граф стремится сделать их своими крепостными. Представители братства обратились в 1797 г. с прошением к императору Павлу I уравнивать их в правах с другими иностранными колонистами [РГИА, 1797–1801: 1–1 об.]. В документах, направляемых властям, гуттеры просили предоставить им те же льготы, которые были дарованы меннонитам, поселенным на казенной земле. Они заявляли, что вместе с меннонитами являются единым анабаптистским братством. В переписке различных государственных структур гуттеры стали даже именоваться меннонитами [РГИА, 1797–1801: 15–34]. Павлом I в ответ на прошение гуттеров было принято решение: «...что сим менонистам яко принадлежащим владельцу, просимаго уравниения получить не следует, но чтоб остались они и впредь на том же самом положении, на каковом были при выше упомянутом генерал-фельд-маршале» [РГИА, 1797–1801: 29].

Ситуация изменилась весной 1801 г. Александр I, откликнувшись на просьбы гуттеров, издал именной указ «О переселении менонистов с земли графа Румянцева на казенную землю в Малороссийской губернии и о предоставлении им прав, пожалованных новороссийским менонистам» [ПСЗР, 1830b: 656].

Гуттеры переселились на участок государственной земли в 12 верстах от Вишенок. Они получили права и привилегии, такие же в указе от 6 сентября 1800 г. были дарованы меннонитам, переселившимся в Новороссию [ПСЗР, 1830a: 286–287]: свободу веро-

исповедания, земельный надел в 65 дес. на семью с обязательством выплачивать поземельную (4,5 коп. серебром с удобной десятины надела) и подушную (14 коп. серебром с души) подати; вечную свободу от рекрутства и военного постоя (кроме времени прохода войск), права на производство и продажу в пределах своего округа вина, пива, уксуса и др.; право внутренней общинной полиции и суда и т. д.

Община гуттеров стала называться Радичевской меннонитской колонией и находилась в ведении Новороссийской конторы опекуинства иностранных поселенцев в Екатеринославе. Братство состояло из 44 семей (99 мужчин и 103 женщины), владело 753 десятинами земли по обоим берегам Десны. От властей была получена ссуда в 4000 рублей на возведение общинного двора [Клаус, 1896: 34].

В 1806 г. Радичевская община (200 человек) по-прежнему проживала в едином дворе; ее члены занимались земледелием, ткацким, слесарным, кузнечным, токарным, столярным, кожевенным ремеслами, производством и торговлей посуды, шляп и пр. Тонкие полотна, которые гуттеры продавали по 1 руб. 10 коп. за аршин, не уступали по качеству голландским тканям. Братство посадило сад из 1000 шелковичных деревьев, планируя увеличить его до 5000 деревьев [Клаус, 1896: 34].

В январе 1818 г. Радичевское братство посетил смотритель Санкт-Петербургских колоний статский советник Бунин, составивший донесение министру внутренних дел О. П. Козодавлеву. Он описывал общину как колонию меннонитов. Братство размещалось в одном дворе в 70 кв. сажен, обнесенным плетеным забором с одними воротами. Братство считало себя одной семьей. Во дворе размещалось шесть каменных и два деревянных одноэтажных строения, несколько небольших домиков. Крыши над корпусами домов были высокими. На чердаке были устроены коридоры, по обеим сторонам которых расположены небольшие комнаты без отопления, с минимальным набором мебели. В них проживали семейные пары. В больших комнатах на 12–16 человек проживали холостые мужчины старше 15 лет, принявшие крещение. Они размещались по двое на одной кровати. Также отдельно проживали незамужние девушки [Клаус, 1896: 35; Бондарь, 1916: 8].

В целом, Радичевское братство гуттеров по своему религиозно-социальному устройству, организации хозяйства сильно напоминало колонию евангелических братьев (гернгуттеров) Сарепты, которая располагалась близ Царицына и внесла огромный вклад в экономическое и социокультурное развитие территории на Нижней Волге [Сарепта: история успеха, 2013].

Так же, как и Сарепта, Радичевское братство не смогло долго сохранять свой общинный уклад жизни. Бунин описал конфликт, потрясший гуттерское братство уже на рубеже 1817–1818 гг. Второй помощник старейшины Яков Вальтер с братом и двумя женатыми сыновьями решили построить отдельный дом на землях общины и присвоили часть общинного имущества. Однако жены и дети их продолжали жить в общине. Старейшина общины И. Вальднер жаловался властям на действия раскольников. Однако далее за выход из общины стали выступать 24 семьи. Бунин пытался их примирить, но успеха не достиг [Клаус, 1896: 38–40]. Он полагал, что причин раскола было несколько: снижение нравственности в общине (появление лиц, уклонявшихся от трудовых обязанностей, но продолжавших пользоваться общественными благами); нару-

шение принципа равенства членов братства; конфликты между старшим и молодым поколениями; рост личной инициативы и предприимчивости мастеров, заведовавших общинными мастерскими (стали основывать собственные мастерские, начали продавать изделия своего производства, утаивая средства от кассы братства); влияние контактов с меннонитами, которые жили отдельными семьями. Принцип отказа от личного имущества легко сохранялся во время гонений и притеснений, когда необходимо было направлять все усилия на спасение общины. Однако в спокойной обстановке, по мере улучшения общего благосостояния, в братстве начинаются конфликты [Клаус, 1896: 41; Бондарь, 1916: 9–10].

Приверженцы сохранения общинных порядков рассматривались российскими чиновниками как фанатики. Кроме того, по сравнению с меннонитами, в общине отмечалась низкая рождаемость, что также было негативным экономическим показателем для властей, которые признавали предпочтительным семейный образ жизни [Клаус, 1896: 42].

В 1818 г. по договоренности с общиной Яков Вальтер и его соратники (24 семьи) должны были уехать в Новороссию, а оставшиеся — продолжать жить общиной. Каждой семье было выделено братством по 400 руб.; 250 руб. на покупку барки, половину имевшегося у общины скота, три ткацких станка, инструменты для ремесла, личную одежду. В итоге уехало 30 семей (69 мужчин и 74 женщины). Однако не все жены последовали за своими мужьями. В Радичеве осталось 20 семей, сохранивших общинный уклад жизни. Вальтер и его соратники прибыли в хортицкие колонии меннонитов Екатеринославской губернии поздней осенью, что помешало обустройству на новом месте. Они не смогли определиться с выбором: жить им своею колонией или присоединиться к меннонитам. В марте 1819 г. часть гуттеров заявила о желании вернуться в Радичев и обосноваться там отдельными семьями. В это время в Радичеве произошел пожар, уничтоживший общинный двор. Общественный скот был разделен между членами братства [Клаус, 1896: 43–44].

В такой ситуации власти фактически взяли в свои руки уничтожение коммунального образа жизни гуттерского братства. Они разрешили гуттерам вернуться из Екатеринославской губернии в Радичев на следующих условиях: поселение отдельными семьями; равный раздел между ними земли, скота и движимого имущества. Лес, винокурни, мельницу, общественные строения разрешено было оставить в общественном владении. Яков Вальтер был назначен шульцем (старостой), И. Вальднер — духовным старшиной. Оставшихся в Екатеринославской губернии должны были приписать к Хортицким колониям меннонитов. После этого все уехавшие предпочли вернуться. Образовались две колонии по 24 и 25 хозяйств [Клаус, 1896: 45].

Ревизия 1834 г. выявила ряд тревожных тенденций в экономическом состоянии колоний гуттеров (в документах проходили как Радичевский меннонитский округ). На этот момент в них проживало 153 мужчины. Из 775 десятин только 270 десятин составляла пашня, расположенная в 43 чересполосных участках (зачастую совместно с несколькими русскими селениями), на расстоянии 10–15 верст от усадеб. Приходилось покупать сено для скота из-за нехватки сенокосов. Выросло число ремесленников, им стало труднее сбывать продукцию. Происходили конфликты с русским населением.

Отношение властей к радичевским колонистам было двойственным. С одной стороны, их положение признавалось неплохим. Они имели по 2,5 дес. усадебной, сенокосной и пахотной земли на ревизскую душу, 375 дес. леса, две мельницы, рыболовное озеро, паром на реке Десне, следовательно, «могли бы содержать себя безбедно и исправно нести лежавшие на них ничтожные повинности и подати» [Клаус, 1896: 47]. С другой стороны, чересполосность земель, отдаленность от населенных пунктов, где можно было сбывать продукцию ремесленников, упадок прежней нравственности, ухудшение отношения к ним окружающего населения — все это стало причинами того, что «поселенцы приходили в упадок и не приносили уже краю прежней пользы» [Клаус, 1896: 47].

На наш взгляд, обвинение гуттеритов в падении нравственности малоправдоподобно. Черниговский губернатор в 1841 г. отмечал, что члены братства отличались христианскими добродетелями, нравственностью. По свидетельству многих купцов, они вели торговые дела честно [Клаус, 1896: 35]. Более вероятно, что шло увеличение контактов молодежи общины с окружающим иноконфессиональным населением, что не устраивало старшее поколение. Рост населения в колониях при сохраняющемся малоземелье не позволял развивать хозяйство. Поэтому в феврале 1842 г. власти разрешили переселение гуттерского общества в полном составе и за свой счет в Таврическую губернию. Особым условием была помощь гуттерам со стороны молочанских меннонитов и их представителя Иоганна Корниса (1789–1848), пользовавшегося особым доверием министра государственных имуществ П. Д. Киселева [Бондарь, 1916: 11].

Украинские историки отмечают значительный вклад гуттеров в развитие сельского хозяйства (скотоводство, садоводство), многих ремесел (особенно производства фаянсовой посуды) на Черниговщине; заметным было и влияние на украинских ремесленников, которые сумели сохранить традиции гуттерских мастеров [Васильева, 1993; Васильева, 2004; Безносова, 2009; Вайс, 2017; Мороз, 2017].

Гуттерское братство в Новороссии

Осенью 1842 г. гуттериты поселились на реке Тащенак в 18 верстах от Мелитополя, рядом с имением И. Корниса. Они получили на 50 семей 3300 десятин земли. Переселенцам пришлось распродать скот и постройки в Черниговской губернии по низкой цене. Они истощили свои средства, стали должниками. Была основана колония Гуттерталь (Hutthertal) (с. Кирпичное Запорожской области), названная в честь Якоба Гуттера [Дизендорф, 2006: 142]. К осени 1843 г. в Гуттертале было построено 30 домов, а на следующий год все семьи жили в собственных жилищах.

Колония Гуттерталь быстро вернула свои долги, стала богатеть. Население активно росло. В 1852 г. на запасные земли округа переселились 17 молодых семей, создав колонию Иоганесру (Johannesruh) (с. Долинское Запорожской области). Колония была названа в честь Иоганна Корниса.

По ревизии 1857 г. в Гуттертале проживало 50 семей (250 мужчин), в Иоганесру — 21 семья (71 мужчина). Внешне обе колонии процветали. Каждая усадьба скрывалась в зелени садов и плантаций. Особенно богатой казалась колония Иоганесру, где все постройки были кирпичные, крытые черепицей. Однако А. Клаус отмечал, что благосостояние этих поселений все еще уступает меннонитским колониям. Причиной этого

стали большие затраты на строительство, что привело к увеличению долгов хозяйств колонии Иоганесру [Клаус, 1896: 49].

Важным обстоятельством сохранения традиционных взглядов стала религиозная и культурная обособленность гуттеров от меннонитов. Вероятно, на это влияло и то обстоятельство, что меннониты вступали в брак исключительно с представителями своей этноконфессиональной общности.

Несмотря на рост благосостояния гуттеров, идея коммунальной жизни не была полностью забыта, особенно старшим поколением. По мнению О. В. Безносовой, на гуттеров оказали влияние распространившиеся в протестантских колониях Юга России во второй половине XIX в. проповеди Э. Вюста, представителя Вюстова братства — сторонников укрепления церковной дисциплины, ревнителей благочестия, популярных среди молочанских меннонитов [Безносова, 2014: 178]. В 1850 г. среди колонистов Гуттерталя выделилась группа, требовавшая возродить христианскую коммуну. Они направили прошение в органы управления о создании отдельного братства [Ходченко, 2012: 74].

В 1856 г. 40 семей гуттеров сложили свое имущество, распродали дома и приобрели за 21000 руб. у помещицы Кушевой 1500 десятин земли близ Орехова Екатеринославской губернии. В новом поселении, которое назвали Гуттердорф (Hutterdorf), был введен общинный двор. Однако вскоре начались конфликты и выход из общины отдельных членов. В 1859–1860 гг. участки частных хозяйств соседствовали с двумя «братскими дворами». К 1867 г. в Гуттердорфе остались 4 семьи. В 1870 г. рядом с Гуттердорфом сторонниками христианской коммуны было основано поселение Шеромет (земля, приобретенная у Г. Шереметьева) [Клаус, 1896: 52; Безносова, 2014: 178]. В 1873 г. в обеих коммунах проживало 220 человек, независимо от хутора с отдельными семейными хозяйствами [РГИА, 1873: 1 об.].

Великие реформы 1870-х гг. кардинальным образом повлияли на судьбу гуттеров в Российской империи. Особенно беспокоили их планы правительства ввести с 1 января 1874 г. всеобщую воинскую обязанность. В феврале 1873 г. представители Гуттерского братства Екатеринославской губернии (колония Гуттердорф) обратились к императору Александру II с просьбой освобождения их от воинской службы согласно их вероучению [РГИА, 1873: 1–3 об.]. В отличие от меннонитов, они получили отказ по причине их малочисленности и гораздо меньшему влиянию на хозяйственную жизнь региона проживания.

Параллельно велась переписка с властями Канады, представитель которых установил с гуттерами контакт в 1873 г., заверил их в сохранении свободы совести и коммунального образа жизни в случае эмиграции общины. В 1874–1877 гг. все гуттеры Новороссии тремя группами эмигрировали в США, основав в штате Дакота три колонии. Все они изначально планировались как христианские коммуны, были ориентированы на натуральное хозяйство. Каждый житель поселений специализировался либо в сельскохозяйственном, либо в других нужных сообществах направлениях (гончарном, кузнечном, швейном и т. п.). Таким образом, с одной стороны, колонии достигли желаемой цели — экономической независимости и избежали нежелательных идеологических воздействий извне. Перепись 1880 г. зафиксировала в штате Дакота 321 гуттери-

та, проживавших в коммунах. С другой стороны, около половины гуттеров-эмигрантов стали индивидуальными собственниками земли и в дальнейшем организовали независимые колонии [Ходченко, 2012: 74]. Гуттеры так и не приняли ни капиталистических отношений, ни культуры принимающих стран, доказав на практике жизнеспособность идеала христианской коммуны, основанной на вере [Ходченко, 2012: 77–79].

Заключение

Эмиграция гуттеров в Российскую империю на условиях сохранения свободы совести и общинного устройства позволила им ряд десятилетий жить традиционным для них укладом. Гуттеры проживали на юге Российской империи 100 лет, меняя свой статус: иностранные поселенцы на частновладельческой земле, иностранные колонисты с широкими привилегиями меннонитской этноконфессиональной общности. Последнее обстоятельство сыграло двоякую роль в судьбе гуттерского братства. С одной стороны, оно давало большие экономические возможности (больше, чем у немецких колонистов) и соблюдение пацифистского статуса общины. С другой стороны, пример меннонитского этноконфессионального сообщества, создававшего процветающие колонии, не отрицавшего индивидуальной хозяйственной активности, частной собственности при сохранении общинной благотворительности и взаимопомощи, был губителен для гуттерского братства, существовавшего на принципах уравнительности и отрицания индивидуальности членов, личного имущества и пространства. В XIX в. неоднократные конфликты в гуттерском братстве возникали как результат борьбы между сторонниками коммунального и индивидуального образа жизни. Государство в Российской империи длительное время позволяло сохранять христианскую коммуну гуттеров. Однако предпочтительным для властей было ведение индивидуального хозяйства, а не коммуна. В условиях быстрого экономического развития капитализма в Новороссии, проведения в России военной реформы гуттеры приняли решение о переселении на новый фронт — отдаленные районы Среднего Запада Северной Америки, где они сумели воплотить свой идеал христианской общины в жизнь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безносова О. В. Екатеринославская губерния: Terra incognita евангельского движения в Российской империи (середина XVIII в. — 1917 г.). Steinhagen : Samenkorn, 2014. 543 с.

Бондарь С. Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Пг. : тип. В. Д. Смирнова, 1916. 207 с.

Вайс Я., Хавер Н. П. Колонии гуттеритов в Таврической губернии // *Минуле і сучасність: Таврія. Херсонщина. Каховка: збірник матеріалів II Всеукраїнської науково-практичної краєзнавчої конференції з міжнародною участю (14–15 вересня 2017 р.)*. Каховка ; Херсон : Гілея, 2017. С. 96–99.

Васильева М. В. К истории раннего анабаптизма: хуттеровское братство // *Германская история эпохи Реформации: исследования и документы*. Вологда : Русь, 1993. С. 81–99.

Васильева М. Черниговские Вишенки как центр постхабанского гончарного производства последней трети XVIII в. // *Український керамологічний журнал*. 2004. № 4. С. 60–74.

Велицын А. А. Немцы в России: Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб. : изд. «Русского Вестника», 1893. 144 с.

Гуттериты // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/168446.html> (дата обращения: 15.08.2022).

Дизендорф В. Ф. Немцы России. Населенные пункты и места поселения : энциклопедический словарь. М. : ЭРН, 2006. 472 с.

Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. 516 с.

Полный свод законов Российской империи. 1830а. Собр. 1-е. Т. 26. С. 286–287. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=117&regim=3 (дата обращения: 10.08.2022).

Полный свод законов Российской империи. 1830б. Собр. 1-е. Т. 26. С. 656. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=117&regim=3 дата обращения: 10.08.2022).

Российский государственный исторический архив (РГИА). (1797–1801). Ф. 383. Оп. 29. Д. 861.

Российский государственный исторический архив (РГИА). (1873). Ф. 821. Оп. 5. Д. 1001.

Сарепта: история успеха. Волгоград : Издатель, 2013. 267 с.

Христианство: словарь. М. : Республика, 1994. 559 с.

Безносова О. В. Гутерівське братство в Україні. Історія релігій в Україні : Матеріали ХІХ міжнар. наук. конф. Львов, 2009. С. 161–169 (in Ukrainian).

Васильева М. Гуттерівське братство на Чернігівщині // Сіверянський літопис. 1995. № 5. С. 75–81 (in Ukrainian).

Мороз В. Невідомі протестанти України: загадки габанської кераміки. URL: https://risu.ua/nevidomi-protestanti-ukrajini-zagadki-gabanskoji-keramiki_n86637 (дата обращения: 15.02.2022) (in Ukrainian).

Ходченко О. Є. Тривалий шлях гутерської комуні (від утворення до сьогодні) // Вісник Дніпропетровського університету. Серія Історія та археологія. 2012. № 20. С. 72–79 (in Ukrainian).

REFERENCES

Beznosova O. V. *Ekaterinoslavskaya guberniya: Terra incognita evangel'skogo dvizheniya v Rossiiskoi imperii (seredina XVIII v. — 1917 g.)* [Ekaterinoslav province: Terra incognita of the evangelical movement in the Russian Empire (mid — XVIII century — 1917)]. Steinhagen: Samenkorn Publ., 2014, 543 p. (in Russian).

Bondar' S. D. *Sekta mennonitov v Rossii (v svyazi s istoriei nemetskoj kolonizatsii na yuge Rossii)* [Mennonite sect in Russia (due to the history of German colonization in the south of Russia)]. Petrograd: V. D. Smirnova Publ., 1916, 207 p. (in Russian).

Dizendorf V. F. *Nemtsy Rossii. Naselennye punkty i mesta poseleniya: Entsiklopedicheskii slovar'* [The Germans of Russia. Localities and places of settlement: An Encyclopedic dictionary]. Moscow: ERN Publ., 2006, 472 p. (in Russian).

Gutterity. Pravoslavnaya entsiklopediya. [Gutters. Orthodox encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/168446.html> (accessed August 15, 2022) (in Russian).

Khristianstvo: Slovar' [Christianity: dictionary]. Moscow: Respublika Publ., 1994, 559 p. (in Russian).

Klaus A. *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoi kolonizatsii v Rossii* [Our colonies. Experience and materials on the history and statistics of foreign colonization in Russia]. Sankt Peterburg, 1869, 516 p. (in Russian).

Polnyi svod zakonov Rossiiskoi imperii [Complete set of laws of the Russian Empire]. 1830a. Edition. 1-e. Vol. 26. P. 286–287. Available at: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=117&regim=3 (accessed August 10, 2022) (in Russian).

Polnyi svod zakonov Rossiiskoi imperii [Complete set of laws of the Russian Empire]. 1830b. Edition. 1-e. Vol. 26. P. 656. Available at: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=117&regim=3 (accessed August 10, 2022) (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. (1797–1801). Fund. 383. Inventory. 29. File. 861.

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. (1873). Fund. 821. Inventory. 5. File. 1001.

Sarepta: istoriya uspekha [Sarepta: the history of success]. Volgograd: Izdatel' Publ., 2013, 267 p. (in Russian).

Vais Ya., Khaver N. P. *Kolonii gutteritov v Tavricheskoi gubernii. Minule i suchasnist': Tavriya. Khersonshchina. Kakhovka, zbirnik materialiv II Vseukraïns'koï naukovo-praktichnoi kraeznavchoï konferentsii z mizhnarodnoyu uchastyu (14–15 veresnya 2017 r.)* [Gutterite colonies in Tauric Gu-Bernia. Past and present: Tavria. Kherson region. Kakhovka: collection of materials of the II All-Ukrainian scientific and practical local history conference with international participation (September 14–15, 2017. Kakhovka; Kherson: Gileya Publ., 2017. P. 96–99 (in Russian).

Vasil'eva M. Chernigovskie Vishenki kak tsentr postkhabanskogo goncharnogo proizvodstva poslednei treti XVIII v. [Chernihiv Cherries as a center of post-habanic pottery production of the last third of the XVIII century]. *Ukraïns'kii keramologichnii zhurnal* [Ukrainian ceramic Journal]. 2004, no. 4. P. 60–74 (in Russian).

Vasil'eva M. V. K istorii rannego anabaptizma: khutterovskoe bratstvo [To the history of early Anabaptism: the Hutter Brotherhood]. *Germanskaya istoriya epokhi Reformatsii: issledovaniya i dokumenty* [German history of the Reformation era: research and documents]. Vologda: Rus' Publ., 1993. P. 81–99 (in Russian).

Velitsyn A. A. *Nemtsy v Rossii: Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh kolonii na yuge i vostoke Rossii* [Germans in Russia: sketches of the historical development and current position of German colonies in the south and east of Russia]. Saint Petersburg: Izd. Russkogo Vestnika Publ., 1893, 144 p. (in Russian).

Beznosova O. V. The Hutter Brotherhood in Ukraine. History of religions in Ukraine. Materials of the XIX International Conference. scientific conference [Гутерівське братство в Україні. Історія релігій в Україні: Матеріали XIX міжнар. наук. конф]. L'viv, 2009. P. 161–169 (in Ukrainian).

Khodchenko O. Є. The long journey of the guterskaya commune (from creation to the present). The Bulletin of Dnepropetrovsk National University, History and Archaeology Series, 2012, no. 20. P. 72–79 (in Ukrainian).

Moroz V. Unknown Protestants of Ukraine: riddles of Gaban ceramics. Available at: https://risu.ua/nevidomi-protestanti-ukrajini-zagadki-gabanskoji-keramiki_n86637 (accessed February 15, 2022) (in Ukrainian).

Vasil'eva M. Gutterov Brotherhood in Chernihiv region. The northern Chronicle, 1995, no. 5. P. 75–81 (in Ukrainian).

Статья поступила в редакцию: 17.10.2022.

Принята к публикации 12.02.2023.

Дата публикации 03.04.2023.

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2023)1-09

Ц. Пурэвсурэн*Ховдский государственный университет, Монголия***ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ МОНГОЛИИ**

На основе анализа различных источников было выделено три периода в развитии религиозных процессов в Монголии в конце XX — начале XXI в. Первый период (1990–2000 гг.) характеризуется тем, что огласно данным монгольской статистики, в это время было отмечено наибольшее количество появившихся религиозных общин. В этот период сменился социалистический строй, произошел переход к демократии, плюрализму, свободным рыночным отношениям. Социальная нестабильность, экономические трудности, восстановление традиционных религий и культур, поиск чего-то нового и внезапное ослабление ответственности вызвали хаос и стремление к неограниченной свободе. Иностраные религиозные организации начали работать в некоторых областях Монголии. Началось обучение сотрудников в зарубежных и отечественных религиозных школах. В обществе начали формироваться поликультурные религиозные отношения.

Во второй период (2001–2010 гг.) демократическая политическая система стала более стабильной, произошел переход к демократии, плюрализму, свободным рыночным отношениям. В этот период было создано множество религиозных организаций и монастырей. В третий период (с 2010 г. по настоящее время) в стране созрели основы демократии, сформировались рыночные отношения и плюрализм. Изменился общественный менталитет, в хозяйственной жизни заработала домашняя промышленность, граждане возродили свои традиционные религии и культуру, в аймаках и местностях уже воссозданы религиозные организации и храмы. В религиозных общинах сформировались национальные кадры, появилось жилье и финансовые возможности (внешние и внутренние ресурсы). Стала складываться целая сеть религиозных общин.

Исследователи пришли к выводу, что религиозная ситуация в регионе сегодня является постоянным напоминанием не только о национальных, но и об интеллектуальных, традиционных ценностях и национальной безопасности. Религиозный ренессанс затрагивает все стороны общественной жизни и ставит множество вопросов, требующих внимания государства, органов местного самоуправления и правоохранительных органов.

Маловероятно, что на современном этапе будет создано много новых религиозных организаций и храмов. При этом основное внимание будет уделяться укреплению статуса существующих религиозных общин. В этой связи необходимо создать учреждение или институт, занимающийся религиозными делами, поддержать университет-

---

скую учебную программу для религиоведов и реформировать правовую среду, осуществляя дальновидную правильную политику, не ставя под угрозу национальные интересы и уважая интересы граждан. Кроме того, изучение религиозных организаций должно основываться на Концепции регионального развития Монголии. Нужно с осторожностью относиться к деятельности иностранных религиозных организаций, должным образом знакомить внешний мир с многогранной религиозной ситуацией и культурой населения Монголии.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, Монголия, религиозные общины, буддизм, ислам, христианство, идентичность, традиционная культура

Цитирование статьи:

Пурэвсурэн Ц. Оценка деятельности религиозных организаций в западном регионе Монголии // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 1. С. 129–140.

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–09.

Ts. Purevsuren

Khovd State University (Khovd, Mongolia)

EVALUATION OF THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE WESTERN REGION OF MONGOLIA

Based on the analysis of various sources, this article identifies three periods in the development of religious processes in Mongolia from the end of the 20th to the beginning of the 21st century.

During the first period (1990–2000), there was a surge in the number of religious communities due to the transition to democracy, free market relations, the restoration of traditional religions and cultures, and the search for new forms of expression.

The second period (2001–2010) saw the establishment of numerous religious organizations and monasteries as the democratic political system became more stable.

In the third period (from 2010 to the present), the foundations of democracy, free market relations, and pluralism have matured in the country, leading to the formation of a whole network of religious communities.

The article concludes that the religious renaissance in Mongolia affects all aspects of public life and requires attention from the state, local governments, and law enforcement agencies. To strengthen the status of existing religious communities, the article suggests establishing an institution or institution dealing with religious affairs, supporting the university curriculum for religious studies, and reforming the legal environment with far-sighted policies that respect national interests and the interests of citizens.

The article also stresses the need to approach foreign religious organizations with caution, properly acquaint the outside world with the multifaceted religious situation and culture of the population of Mongolia, and study religious organizations based on the «Concept of Regional Development of Mongolia».

Keywords: state-confessional policy, Mongolia, religious communities, Buddhism, Islam, Christianity, identity, traditional culture.

For citation:

Purevsuren Ts. Evaluation of the activities of religious organizations in the western region of Mongolia. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 129–140.

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–09.

Пурэвсурэн Ц., кандидат философских наук, Ховдский государственный университет (Монголия). **Адрес для контактов:** purevsuren.khu@gmail.com.

Purevsuren Ts., Candidate of Philosophy, Khovd State University (Mongolia).

Contact address: purevsuren.khu@gmail.com.

Введение

В Западной Монголии преобладают буддизм, шаманизм и ислам, но есть и нетрадиционные христианские течения, в том числе и протестантские деноминации. В данной статье мы обсуждаем распространение (регистрацию) и деятельность религиозных организаций (церквей) в западном регионе Монголии, оцениваем последствия позитивных и негативных воздействий на общество, определяем то, какая правовая среда в будущем будет самой подходящей. Вопрос о религии является одним из важнейших в изучении различных современных теорий. В частности, возрастает потребность в научных исследованиях и необходимость дальнейшего изучения религии.

Одной из основных причин этого является стремительное изменение религиозного статуса и религиозных отношений у народов в условиях глобализации. В некоторых частях мира за последние 30 лет растущее или уменьшающееся влияние той или иной религии на жизнь разных стран привело к сложным отношениям, таким, как принятие разных культур, их частичная ассимиляция или соперничество и отрицание друг друга. Религия оказывает многообразное влияние на общественную жизнь и имеет много последствий, как это видно из истории человечества и теорий ученых.

Аналогичные тенденции вовлеченности в процессы глобализации наблюдаются и в Монголии. Сегодня мы рассматриваем реальность и перспективы этого вопроса в связи с тенденцией социальных изменений в стране и отношением населения Монголии к религии в общественной жизни, уровнем религиозности населения, ролью религии в нашей интеллектуальной культуре и в обществе в целом. Естественно, что возникает необходимость изучать и оценивать многие вопросы с плюралистической точки зрения. Статья 38.3 главы 3 Конституции Монголии 1992 г. стала правовой основой для разработки и осуществления политики регионального развития.

Концепция национальной безопасности Монголии, одобренная парламентом в 1994 г., содержит ряд положений, касающихся регионального развития. Например, к «...внутренним факторам, которые могут негативно повлиять на экономическую безопасность, относятся: потеря экологической политики, сокращение водных, лесных и сельскохозяйственных угодий; государственные документы, такие как углубление региональных диспропорций и экономических диспропорций...» Концепция регионального развития Монголии реализуется как часть государственной политики. Поэтому мы считаем, что большую практическую пользу принесет четкое изучение религиозного положения населения нашей страны, особенно в региональной сфере. Мы считаем, что результаты исследования следует рассматривать, осмысливать, освещать, при этом не противоречить друг другу, а дополнять и обогащать друг друга. Это философский подход к исследованию, который сочетает в себе общее, целое, непрерывность и традицию, а также конкретное, фрагментарное и прерывистое.

Результаты исследования

Закон Монголии о государственно-церковных отношениях гласит: «Монастыри, церкви, дацаны, центры и их органы управления (далее в настоящем Законе — церкви) являются официальными организациями, созданными для удовлетворения потребностей религиозной общины и проведения религиозных обрядов, собраний и просветительской деятельности». Сегодня в Монголии действуют Монгольская буддийская ассоциация, Монгольская ассоциация буддистских женщин «Буман Ханд», Монгольская мусульманская ассоциация, Монгольское библейское общество, Монгольская евангелическая коалиция и Церковь Иисуса Христа последних дней, Монгольская ассоциация бахаи, Христианская церковь Монголии, Возвещатели хороших новостей Царства и Ассоциация христианских баптистских церквей. Они и являются неправительственными религиозными организациями в Монголии.

Эти неправительственные организации получают разрешения от Министерства юстиции и внутренних дел и представляют различные конфессии. Такие организации функционируют в разных административных единицах. Их последователи относятся к разным социальным группам (женщины, взрослые люди, учителя, студенты, школьники и др.). В то же время реализуются программы иностранных пожертвований, помощи от органов здравоохранения и образовательных учреждений (Ассоциация преподавателей английского языка, Desert, NLM и т. д.). Эта особенность, или вертикальные и горизонтальные приемы управления, проявляется в неправительственных организациях с христианской традицией. Например, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (впервые учреждена в Монголии в 1994 г. министром юстиции и внутренних дел) была зарегистрирована и аттестована Приказом № 56 от 13 марта 2002 г. Хурал гражданских представителей Ховдского аймака принял Постановление № 20 от 24 июня 1999 г., разрешающее Церкви Иисуса Христа Святых последних дней регистрироваться в государственном регистре и действовать в Ховдском аймаке.

Важно обратить внимание на третью статью Закона о неправительственных организациях Монголии. Сфера действия закона следующая: «Настоящий закон применяется к неправительственным организациям, кроме партий, профсоюзов и церквей». 2. «На-

стоящий закон в равной степени распространяется на международные и другие неправительственные организации, их филиалы и представительства, созданные и действующие на территории Монголии». Однако реальность такова, что многие религиозные организации, ассоциации и общества в Монголии имеют регистрацию, сертификацию и статус неправительственных организаций. В Ховде, например, последователи религиозного течения Свидетели Иеговы имеют статус неправительственных организаций.

С позиции исследователя, несмотря на такое большое количество различных религиозных организаций, можно прояснить их различия с точки зрения структуры, организации и стиля. Следуя такому подходу и методологии, немецкий исследователь Э. Трелльх утверждал, что «любая религиозная организация делится на два типа: церковь и деноминация. Церковь представляет собой достаточно институционализированную форму религиозной организации. Другими словами, это религиозная организация с формальной публичной структурой в плане иерархии, священства и жесткой централизации руководства. Деноминации являются общей чертой христианских институтов. Эта концепция была впервые использована американским теологом Х. Р. Нибуром в произведении “The social sources of denominationalism” (1929). Эта обычная религиозная группа, которая стремится установить межрелигиозные, межконфессиональные, позитивные и ориентированные на сообщества мероприятия. Несколько более высокий уровень центральной власти, иерархическая система управления подчеркивают духовное возрождение верующих, сильную направленность на религиозные учения, оппозицию историческим церквям, уникальность религиозных взглядов и ценностей на том, чтобы Творец восхищался и понимал труды богоизбранного народа. Организация хорошо спланирована по „вертикали” и „горизонтали” (различные группы управления, подгруппы, группы ячеек, собрания и т. д., женщины, дети, старики и т. д.). Верующие называются миссионерами, верующими и т. д. Дискриминация официально отрицается, но профессиональные миссионеры и священнослужители считаются экстраординарными «посланниками», передающими пророчества и проповеди, способными толковать слово Творца. Важны равенство всех членов и механизм выбора лидера. При этом „элитная” группа, обладающая наивысшим авторитетом, формирует управленческую команду» [Алтайбаатар, 2017].

В дальнейшем нам необходимо разделить понятия «церкви» и «религиозные организации», чтобы упорядочить деятельность христианских церквей. Сегодня мы более ясно видим природу деноминации в христианстве и исламе. В организационном плане было бы целесообразно включить все организационные единицы, оказывающие религиозные услуги гражданам (например, монастыри), в пятиуровневый институциональный совет в каждом из пяти районов, аймаков и сомонов. Ассоциации, которые мы сегодня называем неправительственными организациями, на самом деле лежат в основе создания конкретных сект и руководства ими.

Однако природа веры очевидна в буддийских учениях. Буддийские монастыри в Монголии организационно самостоятельны, финансово самодостаточны, почти не имеют внешней финансовой помощи, зависят от пожертвований подвижников и основаны на традиционных монашеских практиках. Хотя обе формы имеют свои преимущества и недостатки, в свете будущего и текущей ситуации религиозные организации

и монастыри должны быть отражены по-разному. Религиозная организация определяется как головная организация монастыря, осуществляющая религиозную деятельность на всей территории страны с одобрения компетентного министерства Монголии. Считаю, что под монастырем следует понимать общественную организацию, осуществляющую основные виды деятельности. В Ховдском аймаке это «Храм Вечного Крестителя», «Хара Ходжай» и «Ганданпунцагчойлин», которые принадлежат этой религиозной организации и оказывают религиозные услуги гражданам. Кроме того, церкви, действующие в аймаках, столице и районах, должны получить разрешение соответствующей административной единицы или Хурала гражданских представителей. Можно считать, что это будет иметь преимущества организации, подотчетности, надзора и отчетности, связи с властями и надзора. Западный регион состоит из пяти аймаков, 92 сумов и 461 бага. Этот регион занимает 26,5% территории Монголии, около 16% населения страны живут в этом регионе. По национальному составу халхи составляют 42%, казахи 25%, остальные — национальности — 33%. При этом в структуре населения Баян-Улгийского аймака Монголии около 90% составляют казахи. В населении Ховдского аймака более 20% составляют халхи и захчинцы, более 10% — казахи. Следующую картину можно увидеть за последние 5 лет на основе данных Национального статистического управления и исходного материала собственного исследования управления, организации, деятельности и целей вышеупомянутых религиозных организаций в западном регионе Монголии.

Рис. 1. Количество церквей по регионам Монголии в 2015–2018 гг.

Fig. 1. Number of churches by region of Mongolia for 2015–2018

Относительно пяти регионов Монголии распространение буддийской идеологии и расположение буддийских храмов на основе статистических данных показывает сле-

дующую картину. Наибольшее количество религиозных организаций и церквей зарегистрировано в столице, меньше всего — в восточном регионе. В некотором смысле это напрямую связано с плотностью населения, количеством городов и развитием инфраструктуры. Наибольшее количество буддийских монастырей находится в Хангайском районе, наибольшее количество исламских монастырей — в западном регионе, а наибольшее количество христианских монастырей — в столице.

Рис. 2. Распространение буддийских, мусульманских и христианских общин на территории Монголии

Fig. 2. The spread of Buddhist, Muslim and Christian communities in Mongolia

Рис. 3. Количество религиозных общин в западной части Монголии

Fig. 3. The number of religious communities in the western part of Mongolia

Количество действующих религиозных общин в западном регионе Монголии за последние пять лет и подотчетных аймаку Хурала гражданских представителей — 48, что составляет 12,9% от общего числа церквей в Монголии (364 общины по состоянию на 2018 г.). Наибольшее количество исламских общин Монголии находится в западном регионе (Баян-Ульгийский аймак). По всей стране 19 из 134 буддийских храмов (около 14%), 22 из 24 исламских мечетей (более 90%), около 5% из 196 христианских монастырей находятся в западном регионе. Здесь ислам ассоциируется с этничностью, буддизм — с традицией, а христианство — с плотностью населения. Распространение буддизма на современном этапе так или иначе связано с расположением бывших монастырей, тогда как зона влияния исламского мировоззрения ограничивается преимущественно в границах расселения казахов в Монголии. Христианские общины распространены по разным регионам Монголии.

Рис. 4. Количество религиозных общин в западном регионе Монголии за 2014–2018, 2022 гг.

Fig. 4. The number of religious communities in the western region of Mongolia for 2014–2018, 2022

В данной работе мы попытаемся объяснить изменение статистических данных в связи со спецификой религиозных верований и церквей [Дэмбэрэл, 2017; Пүрэвсүрэн, 2009; Чимэг, 2009; <https://www.jw.org/mn/-/Еховагийн>]. Существует два типа буддийских монастырей: построенные на общественные пожертвования (1) и построенные на частные средства (2). Например, каждый из монастырей Ганданпунцагчойлин (Ховд), Төгс Буянт Жавхлант (Завхан), Дэчинравжаалин (Увс), Дашпэлжээлин (Гоби-Алтай), которые находятся в центре аймака, имеет 10–15 монахов и священников. Монастыри построены на общественные пожертвования. Монастыри Манбадацан, Дашпунцэглэн, Дэцэндаржаалин, Очирпүрэвт Цогт-Эрдэнэ-4 (Завхан) и монастырь Тэгчинчойнхорлин (Ховд) построены на частные средства, где монахи ведут религиозную деятельность, опираясь на собственные силы. Кроме того, в суммах есть небольшие монастыри, где проводятся религиозные мероприятия в дни Цагаан Сар и Дуйч, а также во время некоторых благотворительных мероприятий.

Большие монастыри в центре аймака обслуживают около 40–50 человек в день и заняты во время Цагаан Сар и в днях Дуйч.

В западном регионе действуют суннитские общины мусульман. В исламских общинах увеличиваются иностранные инвестиции и прослеживается влияние имамов с религиозным образованием, полученным за границей. Кроме того, в некоторых сомонах Баян-Улгийского аймака построены новые медресе. В Баян-Улгийском и Ховдском аймаках имеются центры обучения мусульманской религиозной традиции.

Мировоззрение христианского мира сосредоточено на том, как был создан мир, на смысле человеческой жизни, на вере, Евангелии и на пути к спасению, религиозные учения и деятельность направлены на продвижение пути спасения. Христианские организации, прежде всего протестантской направленности, в Монголии работают регулярно. По составу в каждой церкви есть один глава, двое-трое учителей (пастыри), есть старейшина, лидеры ячеек, счетоводы, казначеи и охранники. Через общины проходят религиозные обмены и встречи в Улан-Баторе и других аймаках. Финансирование поступает от стран-доноров, таких как Корея, Япония, США и Норвегия и пожертвования от верующих (одна десятая доходов), пожертвования от частных лиц и операционный доход. Заработная плата пасторов и служебных старейшин определяется церковным советом. Среднемесячный доход протестантской общины в среднем составляет 150–300 тысяч тугриков [Отчет Баптистской церкви Ховдскому аймаку ХНГ за 2016 г.].

Протестантские общины имеют хорошие отношения с аналогичными зарубежными и отечественными организациями и устоявшиеся правила (сострадание к верующим, нарушающим библейские учения, изгнание верующих, не подчиняющихся церковному руководству, и др.), пожертвования, помощь. Общины занимаются гуманитарной деятельностью (посадка деревьев, помощь в благоустройстве, пожертвование теплых вещей и т. д.), имеют проекты, программы (больничные проекты, инвалидные проекты, проекты по английскому языку, проекты помощи жертвам семейного насилия и т. д.), проявляют активность в служении в сумах и багах или в распространении своей религии и вербовке новых верующих.

Сегодня в случае с буддизмом и исламом важнейший вопрос заключается в том, как сохранить уникальную традиционную религию и культуру кочевников, признанную в мире и привлекающую внимание всего мира, и развивать ее в наиболее адекватном соотношении между традицией и реформированием жизни. Например, перед монгольскими казаками встает вопрос о том, сохранить ли традиционные ценности кочевой культуры, такие как Наурыз, Тойя, Праздник орла, музыку, исполняемую на домре, танец. Кроме того, необходимо искать пути сохранения национальной и этнической идентичности, сосуществовавшей в кочевой жизни.

В случае с христианством, однако, вопрос заключается в том, совместимы ли некоторые вещи, имевшие место в оседлой среде, с кочевым образом жизни, адаптируемся ли мы к традиционным кочевым ценностям или враждебно относимся к ним. Передо мной как исследователем стоит вопрос, смогут ли монголы и другие народы-кочевники сохранить традиционные ценности кочевой культуры. Также неясно, к какой религиозной организации они принадлежат, поэтому не могут быть привлечены к ответственности. Подчеркну здесь, что зафиксированы случаи, когда под видом религи-

озной организации или гуманитарной помощи действовали группы лиц, которые фактически нарушали законодательство Монголии.

Заключение

На основании всего вышеизложенного предлагается в процессе деятельности религиозных организаций и монастырей в Монголии с 1990-х гг. выделить следующие три этапа развития.

Первый период (1990–2000 гг.)

Согласно данным монгольской статистики, в этот период было отмечено наибольшее количество появившихся религиозных общин. В этот период сменился социалистический строй, произошел переход к демократии, плюрализму, свободным рыночным отношениям. Социальная нестабильность, экономические трудности, восстановление традиционных религий и культур, поиск чего-то нового и внезапное ослабление ответственности способствовали хаосу и стремлению к неограниченной свободе. Иностраные религиозные организации начали работать в некоторых областях, представляющих интерес для Монголии, и определять пути их поддержки. Мы начали обучать наших сотрудников в зарубежных и отечественных религиозных школах. В обществе начали формироваться поликультурные религиозные отношения. Люди относились к данному периоду с определенной тревогой и надеждой.

Второй период (2001–2010 гг.).

Политическая система стала более стабильной, произошел переход к демократии, плюрализму, свободным рыночным отношениям. Изменился дух общества, в хозяйственной жизни оживилась домашняя промышленность, граждане возродили свои традиционные религии и культуры, начала созреть почва для понимания перемен, происходящих в стране. Многочисленные религиозные организации и монастыри создавались с упором на количество, а не на качество, со своими приверженцами, строительством новых храмов, распределением пожертвований и гуманитарной деятельностью. Многие религиозные и культурные отношения стали конкурентными. Было очевидно, что одно отвергает другое, поэтому в семье, среди друзей и родственников возникало недопонимание.

Третий период (с 2010 г. по настоящее время).

В стране созрели основы демократии, свободных рыночных отношений и плюрализма. Изменился общественный менталитет, в хозяйственной жизни заработала домашняя промышленность, граждане возродили свои традиционные религии и культуру, в аймаках и местностях уже созданы религиозные организации и храмы. В религиозных общинах сформировались свои кадры, появилось жилье и финансовые возможности (внешние и внутренние ресурсы). Стала складываться целая сеть общин. Например, христианские организации создали свое пространство в обществе. Нельзя отрицать, что в социокультурной жизни наблюдается тенденция к поликультурности религиозных отношений, их пониманию и непониманию. Как это станет происходить в будущем, во многом будет зависеть от деятельности монгольского правительства, его органов и правовой среды.

Исследователи пришли к выводу, что религиозная ситуация в регионе сегодня является постоянным напоминанием не только о национальных, но и об интеллектуальных традиционных ценностях и национальной безопасности. Религиозный ренессанс затрагивает все стороны общественной жизни и ставит множество вопросов, требующих внимания государства, органов местного самоуправления и правоохранительных органов.

На современном этапе маловероятно, что будет создано много новых религиозных организаций и храмов. При этом основное внимание будет уделяться укреплению статуса существующих религиозных общин. В этой связи необходимо создать учреждение или институт, занимающийся религиозными делами, поддержать университетскую учебную программу для религиоведов и реформировать правовую среду с дальновидной и правильной политикой, не ставя под угрозу национальные интересы и уважая интересы граждан. Кроме того, изучение религиозных организаций должно основываться на Концепции регионального развития Монголии, необходимо с осторожностью относиться к деятельности иностранных религиозных организаций. Нужно должным образом знакомить внешний мир с многогранной религиозной ситуацией и культурой населения Монголии. У исследователей остается еще много нерешенных проблем в области изучения религиозных процессов в Монголии, которые и дальше планируются анализировать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алтайбаатар Х. О двух методологических подходах к изучению новых религиозных течений // *Философия и религиоведение* № 19 (475). Улан-Батор, 2017. С. 134–144 (на монгол. яз.).

Богословская брошюра. Центр изучения Библии. Улан-Батор, 2016 (на монгол. яз.).

Дэмбэрэл С. Методы воздействия и избрания членов новых религиозных течений, действующих в Монголии // *Философия и религиоведение*. № 19 (475). Улан-Батор, 2017. С. 104–113 (на монгол. яз.).

Новый контракт. Матай. 28.18. С. 13 (на монгол. яз.).

Отчет Баптистской церкви Ховдскому аймаку ХНГ за 2016 г. (на монгол. яз.).

Пүрэвсүрэн Ц. Новые религиозные движения в западной Монголии // *Философия и религиоведение*. № 308 (51). Уланбатор, 2009. С. 154–164 (на монгол. яз.).

Чимэг О. Протестантская религия // *Философия и религиоведение*. Уланбатор, 2009. № 318. С. 55–93 (на монгол. яз.).

REFERENCES

Altajbaatar H. O dvuh metodologicheskikh podhodah k izucheniyu novykh religioznykh techenij [On two methodological approaches to the study of new religious trends]. *Filosofiya i religovedenie* [Philosophy and Religious Studies]. No. 19 (475). Ulan-Bator, 2017. P. 134–144 (in Mongolian).

Bogoslovskaya broshyura. Centr izucheniya Biblii [Theological pamphlet. Bible Study Center]. Ulan-Bator, 2016 (in Mongolian).

Chimeg O. Protestantskaya religiya [Protestant Religion]. *Filosofiya i religiovedenie* [Philosophy and Religious Studies]. Ulan-Bator, 2009. no. 318. P. 55–93 (in Mongolij).

Demberel S. Metody vozdejstviya i izbeganiya chlenov novyh religioznych techenij, dejstvuyushchih v Mongolii [Methods of influence and election of members of new religious movements operating in Mongolia]. *Filosofiya i religiovedenie* [Philosophy and Religious Studies]. no. 19 (475). Ulan-Bator, 2017. P. 104–113 (in Mongolij).

Novyj kontrakt [New contract]. Mataj. 28.18. P. 13 (in Mongolij).

Otchet Baptistской cerkvi Hovdskomu ajmaku HNG za 2016 god [Report of the Baptist Church to Khovd Aimag of KhNG for 2016] (in Mongolij).

Pyrevsyren C. Novye religioznye dvizheniya v zapadnoj Mongolii [New religious movements in western Mongolia]. *Filosofiya i religiovedenie* [Philosophy and Religious Studies]. no. 308 (51). Ulan-Bator, 2009. P. 154–164 (in Mongolij).

Статья поступила в редакцию: 24.12.2022.

Принята к публикации 28.02.2023.

Дата публикации 03.04.2023.

УДК 947.083.71

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–10

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)***Н. П. Зиберт***Барнаул (Россия)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ГРУПП ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ В ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1950-х — НАЧАЛЕ 1960-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)

В статье на основе архивных материалов Исторического архива Омской области рассматривается положение общин евангельских христиан-баптистов Омска в контексте реализации государственно-конфессиональной политики советской власти конца 1950-х — начале 1960-х гг. Процессы ужесточения законодательства о культах, происходившие в этот временной период, привели к лишению общин евангельских христиан-баптистов самостоятельности и поставили их под особый контроль государственных органов. Одновременно с этим внутренние духовные разногласия в понимании евангельского учения способствовали выдвижению в руководство некоторыми общинами проповедников, занимавших позицию противостояния как с союзным центром евангельских христиан-баптистов, так и с государственной властью. В начале 1960-х гг. на рассматриваемой территории широкое распространение получила сеть небольших консолидированных общин, объединённых общей идеей и организационной структурой. В свою очередь, распространение большого количества незарегистрированных религиозных общин, скрытые методы работы последних и систематическое уклонение от государственной регистрации затруднили учет фактически действующих религиозных групп и заставили органы государственной власти пересмотреть свои методы работы с целью предотвращения дальнейшего распространения религиозных вероучений и реакционной идеологии.

Ключевые слова: Западная Сибирь, СССР, государственно-конфессиональные отношения, религиозные общины, протестанты, верующие.

Цитирование статьи

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Деятельность незарегистрированных групп евангельских христиан-баптистов в областных центрах западной сибирии в конце 1950-х — начале 1960-х гг. (на примере Омска) // *Народы и религии Евразии*. 2023. Т. 28, № 1. С. 141–156. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–10.

P. K Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

N. P. Zibert

Altai State University, Barnaul (Russia)

ACTIVITIES OF UNREGISTERED GROUP OF EVANGELICAL CHRISTIAN-BAPTISTS IN THE REGIONAL CENTERS OF WESTERN SIBERIA IN THE END OF THE 1950S AND THE BEGINNING OF THE 1960S (BY THE EXAMPLE OF THE CITY OF OMSK)

The article examines the situation of Evangelical Christian Baptist communities in Omsk during the late 1950s and early 1960s by analyzing archival materials from the Historical Archive of the Omsk Region. During this period, the Soviet government tightened legislation on cults, leading to the loss of independence for Evangelical Christian Baptist communities and placing them under special state control. Additionally, internal spiritual differences contributed to opposition among some communities and the promotion of opposition preachers. As a result, a network of consolidated communities emerged in the early 1960s. However, the widespread presence of unregistered religious communities made it difficult for state authorities to account for them, forcing them to reconsider their methods to prevent the spread of religious beliefs and reactionary ideology. The article sheds light on the state-confessional policy of the Soviet government during this period and its impact on religious communities in Omsk.

Keywords: Western Siberia, USSR, state-confessional relations, religious communities, Protestants, believers

---

For citation:

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Activities of unregistered groups of evangelical christian-baptists in the regional centers of Western Siberia in the end of the 1950s and the beginning of the 1960s (by the example of the city of Omsk). *Nations and Religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 141–156. DOI: 10.14258/nreur(2023)1–10.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозно-исследовательских исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Зиберт Наталья Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник АГУ, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** zibert.natalya18@mail.ru.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fnp.asu.ru. Orcid.org/0000–0002–4933–8809.

Zibert Natalya Petrovna, Candidate of Historical Sciences, senior research fellow, Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** zibert.natalya18@mail.ru.

Введение

На современном этапе одной из важнейших задач государственно-конфессиональной политики страны является выстраивание эффективного диалога между различными религиозными организациями и органами светской власти. Для эффективного решения данной задачи необходимо учитывать не только накопленный опыт межконфессионального взаимодействия, но и исторически сложившуюся специфику внутри конфессиональных отношений.

В настоящее время заметным явлением стало широкое распространение протестантских общин, что делает актуальными такие вопросы, как соотношение исторического опыта с современностью, особенности и предпосылки выстраивания социальных связей внутри различных протестантских сообществ.

Опыт деятельности государственных институтов по взаимодействию с протестантскими организациями России и в частности Западной Сибири освещен в работах таких авторов, как Л. И. Сосковец [Сосковец, 2003], А. В. Горбатов [Горбатов, 2015: 119–140], Е. А. Серова [Серова, 2011: 277–280], Е. В. Конев [Конев, 2020: 20–25], Р. О. Поплавский [Поплавский, 2011: 43–47], А. Добровольский [Добровольский, 2020: 158–161], Н. В. Воробьева [Воробьева, 2020: 49–58], С. Г. Сизов [Сизов, 1999: 65–67], В. П. Ключева [2009: 95–100] и др. Кроме того, среди работ, отчасти касающихся данной проблематики, следует отметить монографии, отдельные разделы которых частично освещают положение протестантских общин на территории Западной Сибири в 1950–1960 гг. [Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75–83; Серова, 2019: 147–165; Дашковский, Дворянчикова, 2019: 165–172; Дашковский, Зиберт, 2020: 76–96].

В данной статье предпринята попытка исследования положения различных общин евангельских христиан-баптистов Омска, а также выявления их отношения к проводимой советской властью государственно-конфессиональной политике. В качестве основной источниковой базы исследования выступили архивные материалы, хранящиеся в Историческом архиве Омской области, позволившие уточнить некоторые исторические предпосылки существующих взаимоотношений религиозных общин.

Важно отметить, что функционирование протестантских общин в разные исторические периоды сопровождалось рядом внутренних объединений и расколов, что сказывалось не только на взаимоотношениях между различными общинами, но и на отношении к проводимой государственно-конфессиональной политике, а также на диалоге с представителями советских органов власти [Никольская. 2009; 2021].

Одним из важнейших событий в истории функционирования протестантских общин в стране стало формирование в 1944 г. союза ЦЕХБ (Церковь Евангельских Хри-

стиан-Баптистов). При этом следует отметить, что если объединение баптистов и евангельских христиан прошло относительно спокойно благодаря большой схожести их вероучений, то вхождение в этот союз пятидесятников в 1945 г. сопровождалось всеобщим массовым недовольством и закончилось расколом последних на тех, кто категорически не допускал возможность объединения, и тех, кто в силу различных причин считал допустимым некий компромисс и вступление в союз ЦЕХБ. Уже с 1947 г. стал наблюдаться отток некоторых протестантских общин из союза ЦЕХБ [Протестанты на службе России: биографические очерки, 2012: 294], что в 1950-е — начале 1960-х гг. привело к большому количеству бесконтрольно функционирующих религиозных общин в разных регионах страны, в том числе и в Омской области.

К 1960 г. все чаще причиной разделения и расколов в религиозных группах евангельских христиан-баптистов стало недовольство действиями Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), принявшего на Пленуме 1959 г. «Положение о Союзе ЕХБ в СССР» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ». Данные документы сводили функции старших пресвитеров к наблюдению за соблюдением установленного порядка и не давали им возможности принимать участие в богослужениях, ограничивали крещение молодых верующих в возрасте от 18 до 30 лет. Пресвитерам поместных церквей предписывалось избегать призывов к покаянию во время богослужений. Кроме того, запрещались хоровые выступления в сопровождении оркестра и декламации. К проповеди на богослужебных собраниях допускались только пресвитер и члены исполнительного органа, реже — ревизионной комиссии. Пункт 3 Инструктивного письма в качестве главной задачи богослужений называл не привлечение новых членов, а удовлетворение насущных духовных потребностей верующих [История Евангельских христиан-баптистов в СССР, 1989: 240, 241].

В начале августа 1961 г. несогласные с политикой ВСЕХБ служители культа во главе с пресвитером из Украины А. Ф. Прокофьевым и пресвитером из Тульской области Г. К. Крючковым объявили о создании Инициативной группы по подготовке и проведению Всесоюзного чрезвычайного съезда церкви ЕХБ в СССР. 24–25 февраля 1962 г. состоялось расширенное совещание Инициативной группы, на котором она была преобразована в Оргкомитет церкви ЕХБ [Никольская, 2009: 202, 203, 208]. Представители Оргкомитета, в частности его лидер А. Ф. Прокофьев, в течение нескольких месяцев посещали различные города и поселки России, Украины, Белоруссии, Казахстана, тем самым активно способствуя формированию новых общин [Никольская, 2009: 209].

Политика органов советской власти в отношении протестантских общин

Конец 1950-х гг. считается одним из самых сложных в истории функционирования протестантских общин в стране. Данный период характеризуется выходом большого количества постановлений и инструкций, касающихся деятельности религиозных общин. Вопросы о необходимости усиления борьбы с религией все чаще стали подниматься после XX съезда КПСС, прошедшего в феврале 1956 г. [Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях», 1959: 60]. В 1958 г. появились записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республи-

кам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», указывающая на слабую научно-атеистическую пропаганду в ряде регионов [<https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/>], секретное постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»» [Костылев, 2014: 168], призывающее начать наступление на «религиозные пережитки» населения. Отдельные аспекты функционирования религиозных организаций регулировались постановлениями «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», «О монастырях в СССР» [Пибаев, 2021: 21], «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»» [Арапов, 2011: 328].

Важно подчеркнуть, что перечисленные выше постановления регулировали функционирование зарегистрированных религиозных общин и никак не влияли на деятельность не зарегистрированных религиозных групп, а также верующих, конфессиональная принадлежность которых объявлялась вне закона. Так, например, в 1958 г. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в одном в Омском облисполкоме Л. И. Серебренников в переписке с начальником УКГБ Н. Г. Минаевым подчеркивал, что государственные органы власти не регистрируют общины пятидесятников как самостоятельные религиозные группы. В связи с этим их законное функционирование возможно только совместно с религиозными общинами евангельских христиан-баптистов, объединение с которыми произошло в 1945 г. [БУ ИсА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 25. Л. 1]. С 1958 г., после проведения общиной пятидесятников серии межобластных и специальных совещаний с молодежью, местные органы власти Омска перестали предоставлять им помещения для проведения собраний. При этом руководитель пятидесятников в Омской области Козубенко попал под особый контроль не только уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Омском облисполкоме Л. И. Серебренникова, но и председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А. А. Пузина [БУ ИсА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 25. Л. 16].

Следует отметить, что сам Л. И. Серебренников всячески препятствовал появлению на подведомственной ему территории зарегистрированных групп евангельских христиан-баптистов. На протяжении ряда лет он отказывал последним в регистрации под предлогом отсутствия здания, подходящего для молитвенных целей. Одновременно с этим отсутствие зарегистрированных общин евангельских христиан-баптистов послужило причиной высылки из города старшего пресвитера евангельских христиан-баптистов В. И. Ермилова. Последнему запретили остаться в городе для изучения дел в омской общине баптистов из-за ее нелегального статуса [БУ ИсА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 109].

На Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, прошедшем в ноябре 1958 г., отмечалось наличие 1715 действующих в стране сектантских групп [Одинцов, 2020: 382]. К началу 1961 г. в стране насчитывалось уже 6486 неправославных религиозных групп без регистрации, некоторые из них согласно Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г. относились к числу «запрещенных сект», вследствие этого не имели права на регистрацию [Одинцов, 2020: 387].

Функционировали незарегистрированные религиозные группы и на территории Западной Сибири. Так, согласно отчетам уполномоченных Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, в начале 1960-х гг. в Новосибирской области насчитывалось около 100 нелегальных общин. В Алтайском крае нелегальные группы имелись в 14 районах и 9 городах Алтайского края [Сосковец, 2003: 72]. В Омской области на 1 января 1962 г. было учтено 76 незарегистрированных религиозных групп, в которых состояло не менее 5 тысяч человек [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 32].

Несмотря на то, что уполномоченных Совета по делам религиозных культов и Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР (позднее при СМ СССР) обязали информировать центральные аппараты Советов о количестве действующих в регионах незарегистрированных религиозных объединений [Одинцов, 2020: 389, 390, 392–393], точная численность последних остается под вопросом. Помимо того, что к началу 1960-х гг. верующие многих протестантских групп успели привыкнуть к постоянной конспирации своей религиозной жизни и не видели необходимости в получении государственной регистрации [Никольская, 2009: 183], замалчивание информации о любых функционирующих религиозных группах было выгодно местным органам власти. Соккрытие наличия религиозных групп позволяло последним отчитываться вышестоящим органам властям об успешной идеологической работе и высоком уровне антирелигиозной пропаганды. Следует отметить, что в рассматриваемом регионе, помимо государственных постановлений, действовали также решения местных органов власти. Так, например, помимо постановления ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» от 13 января 1960 г. и указаний, полученных на всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религиозных культов, в апреле 1960 г. в Омской области действовало постановление Бюро обкома КПСС от 3 марта 1960 г., основанное на постановлении ЦК КПСС, а также решение облисполкома от 18 июня 1959 г. «О состоянии и мерах усиления антирелигиозной работы в области» [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 99].

После того, как стало известно о слабом уровне организации работы в Тюкалинском районе, облисполком принял специальное решение от 2 августа 1960 г. «О неудовлетворительном выполнении Тюкалинским райисполкомом решения облисполкома от 18/ XI-1959 г. „О состоянии и мерах усиления антирелигиозной работы в области”», которое было разослано всем райисполкомам [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 100]. Для проверки и ознакомления с ходом выполнения райисполкомами и сельскими Советами указанных выше решений уполномоченный Совета по делам религиозных культов поддерживал связь с райисполкомами и районным комитетом КПСС Омска, в 1960 г. несколько раз выезжал в районы.

В целях выполнения установленных законом положений и пресечения нарушений руководители незарегистрированных религиозных групп приглашались на беседы уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Омском облисполкоме, исполкомами районных, городских и сельских Советов и другими организациями, в ходе которых разъяснялось законодательство о культах и предъявлялись требования прекратить нарушение закона. Например, такие беседы проводились с руководителями групп пятидесятников Брауэром, Шугом, Файфертом; групп меннонитов — Ристе,

Эппом; евангельских христиан-баптистов — Ковалевым, Андриенко; группы адвентистов седьмого дня — Вольфом¹. В некоторых случаях исполкомы районных и сельских Советов по собственной инициативе проводили мероприятия по прекращению нарушения руководителями религиозных групп законодательства о культурах [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 102, 103].

В 1962 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Омском обл-исполкоме И. Бутюгов отмечал, что выполнение постановления Совета Министров СССР от 16.03.1961 об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах затруднено из-за сложности учета фактически действующих, но незарегистрированных объединений. Районные и сельские Советы либо не отслеживали наличие религиозных групп, действующих на их территории, либо не обращали на них внимания. В некоторых случаях представители органов власти знали только руководителей нелегально действующих групп, но не располагали информацией о деятельности, численном составе и содержании вероучения [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 32. Л. 15, 16]. В Октябрьском районе Омска сотрудники районного финансового отдела, узнав, что в одном из домов регулярно проводятся молитвенные собрания, вместо того, чтобы оштрафовать хозяйку дома за предоставление помещений для незаконных собраний, установили для нее соответствующий налог, тем самым в какой-то степени легализовав религиозную группу [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 12].

Общины евангельских христиан-баптистов функционировали в условиях нехватки молитвенных домов, духовной литературы, недостатка духовных служителей. В качестве молитвенного дома зачастую выступал определенный частный дом, в котором верующие периодически собирались на молитвенные собрания. В свою очередь уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Омском обл-исполкоме пытался выявлять такие дома и пресекать незаконные молитвенные собрания всеми доступными способами [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 103]. Так, например, после того, как владельцы одного из домов Омска отказались выполнить требования уполномоченного и прекратить проводить в доме молитвенные собрания, последний поставил перед райисполкомом вопрос о применении к владельцу дома Постановления СНК РСФСР от 1940 г. «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках», согласно которому дом допускалось снести. Следует отметить, что данные меры оказались эффективными. Несмотря на то, что дом в итоге сносить не стали, молитвенные собрания в нем прекратились. Кроме того, было зафиксировано снижение активности баптистов и в других религиозных группах Омска [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 114].

Деятельность евангельских христиан-баптистов Омска

К 1960 г. в Омске насчитывалось около 800 евангельских христиан-баптистов [Глушаев, 2013: 20], разделенных на две группы, деятельность которых определялась не только вмешательством советских надзорных органов, но и различными внутренними процессами и противоречиями [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 107].

---

¹ Имена установить не удалось

Наиболее многочисленной являлась группа баптистов, возглавляемая П. Г. Ковалевым, А. И. Андреевко и А. И. Семиречь. По словам старшего пресвитера евангельских христиан-баптистов В. И. Ермилова, бывшего проездом в Омске в октябре 1960 г., П. Г. Ковалев относился к так называемым свободным баптистам, не поддерживающим контактов с ВСЕХБ. Община регулярно проводила молитвенные собрания в домах верующих, разбившись на небольшие группы. Была организована работа с молодежью, для которой проводились занятия по обучению игре на музыкальных инструментах. Периодически осуществлялись водные крещения над вступающими в общину. В течение 1959–1960 гг. было окрещено около 50 человек¹. Свою позицию относительно крещений руководство общины объясняло тем, что «они 10 лет ждут, когда разрешат баптистам собираться, но он (Ковалев) дальше ждать не хочет» [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 107, 109, 110]. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК СССР в Омском облисполкоме Л. И. Серебренников отмечал многолюдность собраний этой общины. Так, например, на праздник Жатвы в Октябрьском и Кировском районах Омска планировалось пригласить 100–180 верующих.

Другая группа баптистов, руководство над которой осуществляли Н. А. Кондрашов и П. С. Солодуха, по наблюдению Л. И. Серебренникова, молитвенных собраний в честь праздника Жатвы не проводила и в своей деятельности старалась придерживаться действующего законодательства о культах. По всей видимости, именно это спровоцировало в 1960 г. переход значительного числа верующих в группу П. Г. Ковалева, после чего в группе под руководством Н. А. Кондрашова оставалось около сотни человек [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 107]. При этом, несмотря на различные взгляды на проводимую государственно-конфессиональную политику, в 1960 г. обе группы получили отказ на свои заявления о регистрации в связи с отсутствием здания, подходящего для использования под молитвенный дом [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 109].

В 1961 г. за систематическое нарушение законодательства о культах был осужден и выслен сроком на пять лет пресвитер омской группы евангельских христиан-баптистов П. Г. Ковалев. В вину ему ставилось проведение религиозных обрядов под открытым небом без соответствующего разрешения органов власти; крещение лиц в районах области; выступление проповедников без разрешения; сбор средств для оказания помощи отдельным верующим. Важно отметить, что религиозная группа, возглавляемая П. Г. Ковалевым, охватывала около тысячи верующих, проживающих в разных районах Омска, арест последнего спровоцировал ее распад на 18 более мелких групп, продолживших свою деятельность несмотря на предупреждения райисполкомов.

Последователи П. Г. Ковалева на протяжении 1961–1962 гг. ни разу не посетили уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Омской области и не поднимали вопрос о регистрации общин. Проповедники одной из вновь образовавшихся групп открыто заявляли, что «...напрасно ходят некоторые руководители за регистрацией в райисполком или к Уполномоченному Совета, все равно реги-

---

¹ Здесь (и далее по тексту) данные о численности религиозных общин приведены на основании отчетов уполномоченных Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Омской области и могут отличаться как в большую, так и в меньшую сторону от реальной численности религиозных общин.

страции не дадут, давайте продолжать собираться без разрешения... новая Конституция не дает нам больше свободы собраний, регистрации вновь все равно не дадут, давайте собираться вопреки преследованию нас, и чем больше нас будут преследовать и разгонять, тем крепче будет вера, тем больше будет угодно богу» [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 17, 18; Д. 37. Л. 9, 10; Д. 39. Л. 8]. В 1963 г. против 14 проповедников, ранее примыкавших к группе П. Г. Ковалева и развернувших широкую работу по привлечению новых верующих, были возбуждены ходатайства о проведении расследования и привлечении их к уголовной ответственности по ст. 237 УК РСФСР и Указа Президиума Верховного Совета СССР. По мнению уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Омском облисполкоме И. Бутюгова, эти люди являлись наиболее реакционными верующими. Организованные ими религиозные группы евангельских христиан-баптистов, насчитывающие около 400 человек, занимались систематической вербовкой молодежи и подростков, распространяли в своих кругах идеи о неподчинении установленным правилам и законам, регулирующим существование религиозных обществ и групп. Именно в этой среде верующих был обнаружен протокол № 7 нелегального комитета церкви ЕХБ, состоявшегося 23 июня 1962 г. [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 29, 30, 31, 32, 33; Д. 39. Л. 8].

В это же время члены другой религиозной группы евангельских христиан-баптистов, возглавляемой П. С. Солодухой, считали недопустимым нарушение советских законов о культах и длительное время не собирались на молитвы, безуспешно ходатайствуя в течение 1960–1963 гг. о регистрации [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 17; Д. 39. Л. 10]. В беседах с уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Омской области И. Бутюговым представители данной группы неоднократно подчеркивали, что наличие одной зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов позволит поглотить все мелкие группы, существующие в городе на нелегальном положении, что в свою очередь позволит уточнить состав верующих и упорядочить проповедническую деятельность [БУ ИСА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 33, 34].

Важно отметить, что описанная выше ситуация не являлась уникальной, в рассматриваемый период наблюдалась в Ташкенте, Ростове-на-Дону, Тбилиси, Казани, а также в ряде городов Казахстана, Закавказья, Белоруссии, Украины, Дальнего Востока и Восточной Сибири [История Евангельских христиан-баптистов в СССР, 1989: 240, 241].

Так, например, в Хакасской автономной области Красноярского края еще в 1958 г. от легальной общины баптистов отделилась группа во главе с П. А. Евдокимовым, отказавшаяся признать Устав Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов и требующая свободы исповедания веры. Наиболее активные сторонники П. А. Евдокимова регулярно выезжали в разные районы Хакасии с целью вербовки новых членов общины, которых они призывали не участвовать в общественных мероприятиях, не признавать органы советской власти и не служить в Советской Армии [Бадмаев, 2006: 67, 68]. Непосредственно в Красноярске в 1960 г. значительное число общин евангельских христиан-баптистов функционировало нелегально. Их члены являлись сторонниками инициативной группы [Гиндер, 2017: 252].

Аналогичная ситуация отмечена в Западной Сибири. В Новосибирске по состоянию на 1 января 1962 г. функционировало три зарегистрированных и 64 незарегистриро-

ванных религиозных объединений евангельских христиан-баптистов. К началу 1965 г. количество последних снизилось до 31 [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 65. Л. 28; Д. 80. Л. 30]. Согласно отчетам уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Алтайскому краю Л. Ф. Иванова, в начале 1960-х гг. незаконные группы евангельских христиан-баптистов были зафиксированы в 14 районах края и 9 городах. Так, в 1961 г. в Бийске Л. Ф. Иванов насчитывал 54 человека верующих [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 5]. Большое количество евангельских христиан-баптистов отмечалось в городах Барнауле, Славгороде, Бийске, Рубцовске и Новоалтайске, а также в Знаменском, Благовещенском, Славгородском, Михайловском, Кулундинском, Табунском, Волчихинском и Тальменском районах [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 57. Л. 36; Оп. 1. Д. 37. Л. 126]. При этом, по замечанию Л. Ф. Иванова, в 1962 г. численность данных общин снижалась медленно, а в Барнауле и Рубцовске росла [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 57. Л. 51].

В начале 1960-х гг. широкое распространение получили открытые судебные процессы и суды общественности над сектантами. Так, в 1963 г. в Омске прошел открытый судебный процесс над сторонниками П. Г. Ковалева, проживавшими в Ленинском, Центральном, Куйбышевском и Советском районах Омска, результатом которого стало заметное уменьшение количества проводимых молитвенных собраний. Согласно наблюдениям вступившего в должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Омской области Г. С. Михайлова, уменьшилась и численность некоторых религиозных групп. Так, например, в Куйбышевском районе численность евангельских христиан-баптистов снизилась со 150 человек до 70. Одновременно с этим уполномоченный данного органа отмечал постепенное распространение религиозного фанатизма, а также переход руководителей религиозных групп к более скрытой работе, при которой религиозные собрания маскировались под семейные торжества [БУ ИсА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 39. Л. 8, 9]. Необходимость пресечения процесса образования нелегальных групп верующих заставили уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в Омском облисполкоме поднять вопрос о необходимости регистрации общины евангельских христиан-баптистов в Омске. Данный шаг, по мнению последнего, мог помочь установить полноценный контроль за соблюдением законодательства о культах и пресечь распространение реакционной идеологии [БУ ИсА. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 39. Л. 11].

Заключение

Таким образом, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. прослеживается несколько вариантов развития общин евангельских христиан-баптистов. Общины евангельских христиан-баптистов, предпочитающие работать в рамках правового поля и придерживающиеся рамок действующей государственно-конфессиональной политики, были малочисленными, годами добивались регистрации и все это время были лишены возможности проводить молитвенные собрания. При этом они не подвергались преследованиям и привлечению к уголовной ответственности.

Полной противоположностью им являлись общины евангельских христиан-баптистов, использующих скрытые методы работы. Данные общины не поддерживали контактов с ВСЕХБ и не шли на диалог с органами советской власти. Систематическое укло-

нение последних от государственной регистрации позволяло обвинить членов общины в реакционной идеологии и подвергнуть уголовным преследованиям. Наряду с этим следует отметить неэффективность высылки из региона наиболее активных верующих. Помимо того, что это провоцировало дробление религиозных групп на более мелкие, руководители нелегальных общин рассматривали ссылку как один из способов распространения учения и пытались создавать новые объединения верующих в месте ссылки [Конев, 2020: 22]. Впоследствии данный метод борьбы с религией был признан властями «не всегда оправданным, а иногда даже вредным» [Никольская, 2009: 188]. Однако активная миссионерская работа, регулярные молитвенные собрания и проводимые крещения новообращенных привлекали в данные общины новых членов, видевших в сложившихся условиях свой собственный путь религиозного служения.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арапов Д. Ю. Ислам и советское государство (1944–1990). Сборник документов. М., 2011. Вып. 3. 529 с.

Бадмаев А. А., Адыгбай Ч. О., Бурнаков В. А., Маншеев Д. М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск, 2006. 168 с.

БУ Иса — Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 16.

БУ Иса. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 17, 18, 99, 100, 102, 103, 107, 109, 110, 114.

БУ Иса. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 15, 16, 32.

БУ Иса. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 33. Л. 33, 34.

БУ Иса. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 8, 9, 10, 12, 29, 30, 31, 32, 33, 34.

БУ Иса. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 39. Л. 8, 9, 11.

Воробьева Н. В. Проповедник из мастеровых с Библией одержал верх: религиозная идентичность меннонитов Омской области в 50–60-е гг. XX в. // Религиоведение. 2020. № 4. С. 49–58.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 5.

ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 126.

ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 57. Л. 36, 51.

Гиндер В. Е. Подвижники земли русской. Приенисейская Сибирь. Екатеринбург, 2017. 540 с.

Глушаев А. Л. Протестантские общины в городах и рабочих посёлках в 1945–1965 гг. (на материалах Молотовской (Пермской) области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.

Горбатов А. В. Объединения Евангельских христиан-баптистов в Сибири и религиозная политика государства в 1940–1960-е гг. // Религиозный ландшафт Западной Си-

бири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. 2. С. 119–140.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 65. Л. 28. ГАО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 80. Л. 30.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Государственное регулирование деятельности христианских общин во второй половине 1960-х — середине 1970-х гг. // Этно-религиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX — начале XXI в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 165–172.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Правовое положение христианских общин в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. 2. С. 75–83.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственное регулирование деятельности христианских общин во второй половине 1960-х — середине 1970-х гг. // Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 — середине 1960-х гг. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 76–96.

Добровольский А. Работа уполномоченного Совета по Омской области по вопросам неправославных и инославных вероисповеданий в 60 — начале 70-х гг. XX века // Визуальные образы современной культуры: идеалы и идеологии (к 25-летию теологического образования в г. Омске). 2020. С. 158–161.

Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях. М., 1959. 80 с.

Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». URL: <https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/> (дата обращения: 22.01.2023).

История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М. : Изд-во ВСЕХБ, 1989. 624 с.

Клюева В. П. Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9. С. 95–101.

Конев А. В. Объединения Евангельских христиан-баптистов в Сибири и религиозная политика государства в 1940–1960-е гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. 2. С. 119–140.

Конев Е. В. Адвентисты седьмого дня Западной Сибири в 40–60-е гг. XX века // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 6. С. 20–25.

Костылев П. Н., Антонов К. М., Воронцова Е. В. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в. М., 2014. 263 с.

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. 356 с.

Никольская Т. К. Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма // Народы и религии Евразии. 2021. № 2. С. 121–131.

Одинцов М. И. Живущие надеждой. Церковь христиан-адвентистов седьмого дня в России. 1886–1991 гг. М., 2020. 575 с.

Пибаев И. А. Конституционно-правовой статус светского государства в России и Италии. М., 2021. 224 с.

Поплавский (Коробко) Р. О. Церковные расколы в истории протестантских общин г. Тюмени (XX–XXI вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4 (48). С. 43–46.

Протестанты на службе России: биографические очерки. СПб., 2012. 307 с.

Серова Е. А. К вопросу об истории общин Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в 1940–1960-е гг. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 277–280.

Серова Е. А. Общины Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в 1960-е — первой половине 1980-х гг. // Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX — начале XXI в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 147–165.

Сизов С. Г. Судебные преследования руководителей и активистов протестантских общин в Омской области (1960-е — начало 1980-х годов) // Немцы Сибири: история и культура. 1999. С. 65–67.

Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск, 2003. 348 с.

REFERENCES

Arapov D. YU. *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1944–1990)* [Islam and the Soviet State (1944–1990)]. Moscow, 2011, 529 p. (in Russian).

Badmaev A. A., Adygbaj CH. O., Burnakov V. A., Mansheev D. M. *Protestantizm i narody YUzhnoj Sibiri: istoriya i sovremennost'* [Protestantism and the peoples of Southern Siberia: history and modernity]. Novosibirsk, 2006, 168 p. (in Russian).

BU IsA. Fund 2603. Inventory 1. File 25, fol. 1, 16 (in Russian).

BU IsA. Fund 2603. Inventory 1. File 29, fol. 17, 18, 99, 100, 102, 103, 107, 109, 110, 114 (in Russian).

BU IsA. Fund 2603. Inventory 1. File 32, fol. 12, 15, 16, 32 (in Russian).

BU IsA. Fund 2603. Inventory 1. File 33, fol. 33, 34 (in Russian).

BU IsA. Fund 2603. Inventory 1. File 37, fol. 8, 9, 10, 12, 29, 30, 31, 32, 33, 34 (in Russian).

BU IsA. Fund 2603. Inventory 1. File 39, fol. 8, 9, 11.

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja (GAAK). Fund 1692. Inventory 1. File 19, fol. 2, 5 (in Russian).

GAAK. Fund 1692. Inventory 1. File 37, fol. 126 (in Russian).

GAAK. Fund 1692. Inventory 1. File 57, fol. 36, 51 (in Russian).

Ginder V. E. *Podvizhniki zemli russkoj. Prienisejskaya Sibir'* [Ascetics of the Russian land. Yenisei Siberia]. Ekaterinburg, 2017, 540 p. (in Russian).

Glushaev A. L. *Protestantskie obshchiny v gorodah i rabochih posyolkah v 1945–1965 gg. (na materialah Molotovskoj (Permskoj) oblasti)* [Protestant communities in cities and workers' settlements in 1945–1965. (on the materials of the Molotov (Perm) region)]. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2013, 23 p. (in Russian).

Gorbatov A. V. Ob'edineniya Evangel'skih hristian-baptistov v Sibiri i religioznaya politika gosudarstva v 1940–1960-e gg. [Associations of Evangelical Christians-Baptists in Siberia and the state's religious policy in the 1940s — 1960s.]. *Religioznyj landshaft Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov Central'noj Azii* [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. 2015, no. 2. P. 119–140 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). Fund 1418. Inventory 1. File 65, fol. 28 (in Russian).

GANO. Fund 1418. Inventory 1. File 80, fol. 30 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. Gosudarstvennoe regulirovanie deyatel'nosti hristianskih obshchin vo vtoroj polovine 1960-h — seredine 1970-h gg. [State regulation of the activities of Christian communities in the second half of the 1960s — mid-1970s.]. *Etnoreligioznye processy v transgranichnom prostranstve Zapadnoj Sibiri, Kazahstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoj politiki v XX — nachale XXI v.* [Ethno-religious processes in the transboundary space of Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia in the context of state policy in the XX — early XXI century.]. 2019. P. 165–172 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. Pravovoe polozhenie hristianskih obshchin v 1953–1964 gg. [The legal status of Christian communities in 1953–1964]. *Religioznyj landshaft Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov Central'noj Azii* [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. 2015, no. 2. P. 75–83 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. *Sovetskaya i rossijskaya gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional policy in the south of Western Siberia]. Barnaul, 2022. 153 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Gosudarstvennoe regulirovanie deyatel'nosti hristianskih obshchin vo vtoroj polovine 1960-h — seredine 1970 — h gg. [State regulation of the activities of Christian communities in the second half of the 1960s — mid-1970s.]. *Gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri v konce 1917 — seredine 1960-h gg.* [State-confessional policy in the south of Western Siberia in the late 1917 — mid-1960s.]. 2020. P. 76–96 (in Russian).

Dobrovol'skij A. Rabota upolnomochennogo Soveta po Omskoj oblasti po voprosam nepravoslavnyh i inoslavnyh veroisповедanij v 60 — nachale 70-h gg. XX veka [The work of the authorized Council for the Omsk region on non-Orthodox and non-Orthodox religions in the 60s — early 70s. XX century]. *Vizual'nye obrazy sovremennoj kul'tury: idealy i ideologii (k 25-letiyu teologicheskogo obrazovaniya v g. Omske)* [Visual images of modern culture: ideals and ideologies (to the 25th anniversary of theological education in Omsk)]. 2020. P. 158–161.

Doklad na zakrytom zasedanii XX s'ezda KPSS «O kul'te lichnosti i ego posledstviyah [Report at a closed meeting of the XX Congress of the CPSU «On the cult of personality and its consequences] Moscow, 1959, 80 p. (in Russian).

Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical archive of the Omsk region] (BU IsA). Fund 2603. Inventory 1. File 32, fol. 15, 16 (in Russian).

Istoriya Evangel'skih hristian — baptistov v SSSR [History of Evangelical Christians — Baptists in the USSR]. Moscow, 1989, 624 p. (in Russian).

Klyueva V. P. Religioznaya aktivnost' naseleniya Tyumenskoj oblasti (1940–1960-e gg.) [Religious activity of the population of the Tyumen region (1940–1960s)]. *Vestnik arheologii*,

antropologii i etnografii [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2009, no. 9. P. 95–101 (in Russian).

Konev E. V. Adventisty sed'mogo dnya Zapadnoj Sibiri v 40–60-e gg. HKH veka [Seventh — day Adventists of Western Siberia in the 40s-60s. Twentieth century]. *Manuskript* [Manuscript]. 2020, Vol. 13. no. 6. P. 20–25 (in Russian).

Kostylev P. N., Antonov K. M., Voroncova E. V. “*Nauka o religii*”, “*Nauchnyj ateizm*”, “*Religiovedenie*”: aktual'nye problemy nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX — nachala XXI v. [“Science of Religion”, “Scientific Atheism”, “Religious Studies”: Actual Problems of Scientific Study of Religion in Russia in the XX — early XXI century]. Moscow, Izd — vo PSTGU, 2014, 263 p. (in Russian).

Nikol'skaya T. K. *Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godah* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991]. Sankt — Peterburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt — Peterburge, 2009. 356 p. (in Russian).

Nikol'skaya T. K. *Vozrozhdenie ili krizis? Vyzovy “perestrojki” v konfessiyah russkogo protestantizma* [Revival or crisis? Challenges of “perestroika” in the confessions of Russian Protestantism]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2021. no 2 (26). P. 121–131 (in Russian).

Odincov M. I. *ZHivushchie nadezhdoj. Cerkov' hristian — adventistov sed'mogo dnya v Rossii. 1886–1991 gg.* [Living in hope. Church of Seventh — day Adventist Christians in Russia. 1886–1991s]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2020, 575 p. (in Russian).

Pibaev I. A. *Konstitucionno — pravovoj status svetskogo gosudarstva v Rossii i Italii.* [Constitutional and legal status of a secular state in Russia and Italy]. Moscow, Prospekt, 2021, 224 p. (in Russian).

Poplavskij (Korobko) R. O. *Cerkovnye raskoly v istorii protestantskih obshchin g. Tyumeni (XX–XXI vv.)* [Church schisms in the history of Protestant communities in Tyumen (XX–XXI centuries)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2011, no 4 (48). P. 43–46 (in Russian).

Protestanty na sluzhbe Rossii: biograficheskie ocherki [Protestants in the Service of Russia: Biographical Sketches]. Sankt — Peterburg, 2012, 307 p. (in Russian).

Serova E. A. *K voprosu ob istorii obshchin Evangel'skih hristian– baptistov Kemerovskoj oblasti v 1940–1960-e gg.* [On the history of Evangelical Christian-Baptist communities in the Kemerovo region in the 1940s — 1960s.]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2011, no. 5 (30). P. 277–280 (in Russian).

Serova E. A. *Obshchiny Evangel'skih hristian-baptistov Kemerovskoj oblasti v 1960-e — pervoj polovine 1980-h gg.* [Communities of Evangelical Christians — Baptists of the Kemerovo Region in the 1960s — the first half of the 1980s.]. *Etnoreligioznye processy v transgranichnom prostranstve Zapadnoj Sibiri, Kazahstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoj politiki v XX — nachale XXI v.* [Ethno-religious processes in the transboundary space of Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia in the context of state policy in the XX — early XXI century.]. 2019. P. 147–165 (in Russian).

Sizov S. G. *Sudebnye presledovaniya rukovoditelej i aktivistov protestantskih obshchin v Omskoj oblasti (1960-e — nachalo 1980-h godov)* [Judicial persecution of leaders and activists

of Protestant communities in the Omsk region (1960s — early 1980s)]. *Nemcy Sibiri: istoriya i kul'tura* [Germans of Siberia: history and culture.]. 1999. P. 65–67 (in Russian).

Soskovec L. I. *Religioznye konfessii Zapadnoj Sibiri v 40–60-e gg.* [Religious confessions of Western Siberia in the 40–60s]. Tomsk, Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2003. 348 p (in Russian).

Vorob'eva N. V. Propovednik iz masterovyh s Biblijej oderzhal verh': religioznaya identichnost» mennonitov Omskoj oblasti v 50–60-e gg. XX v. [The artisan preacher with the Bible won the upper hand»: the religious identity of the Mennonites of the Omsk region in the 1950s and 1960s. 20th century]. *Religiovedenie* [religious studies]. 2020, no. 4. P. 49–58 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 12.11.2022.

Принята к публикации 22.02.2023.

Дата публикации 03.04.2023.

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WorldCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история;
- Этнология и национальная политика;
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения;
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Стандартный объем статьи — 0,5–1 авт. л. (до 40 тыс. знаков с пробелами), (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами с подписями на русском и английском языках. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Машинный (компьютерный) перевод не принимается. Аннотация к статье должна быть оригинальной, отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от 1 до 5 блоков), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособ-

---

ленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i. i. ivanov@mail.ru

I. I. Ivanov

Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia)

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it

---

---

and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Keywords: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P.

Ivanov Ivan Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i. i. ivanov@mail.ru

---

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям) (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

---

2. *Статья в сборнике:*

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. *Статья в журнале*

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. *Автореферат:*

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. *Архивные материалы:*

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. *Интернет-ресурс:*

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения.: 19.10.2016).

7. *Издания на иностранном языке:*

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. *Материалы конференций:*

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации библиографического списка, но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — «, ы — y, ь — ‘, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом

окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I italyanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным об-

---

разом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023. Том 28, № 1

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 14.03.2023.

Выход в свет 03.04.2023.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 19,1. Тираж 300 экз. Заказ 205.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66